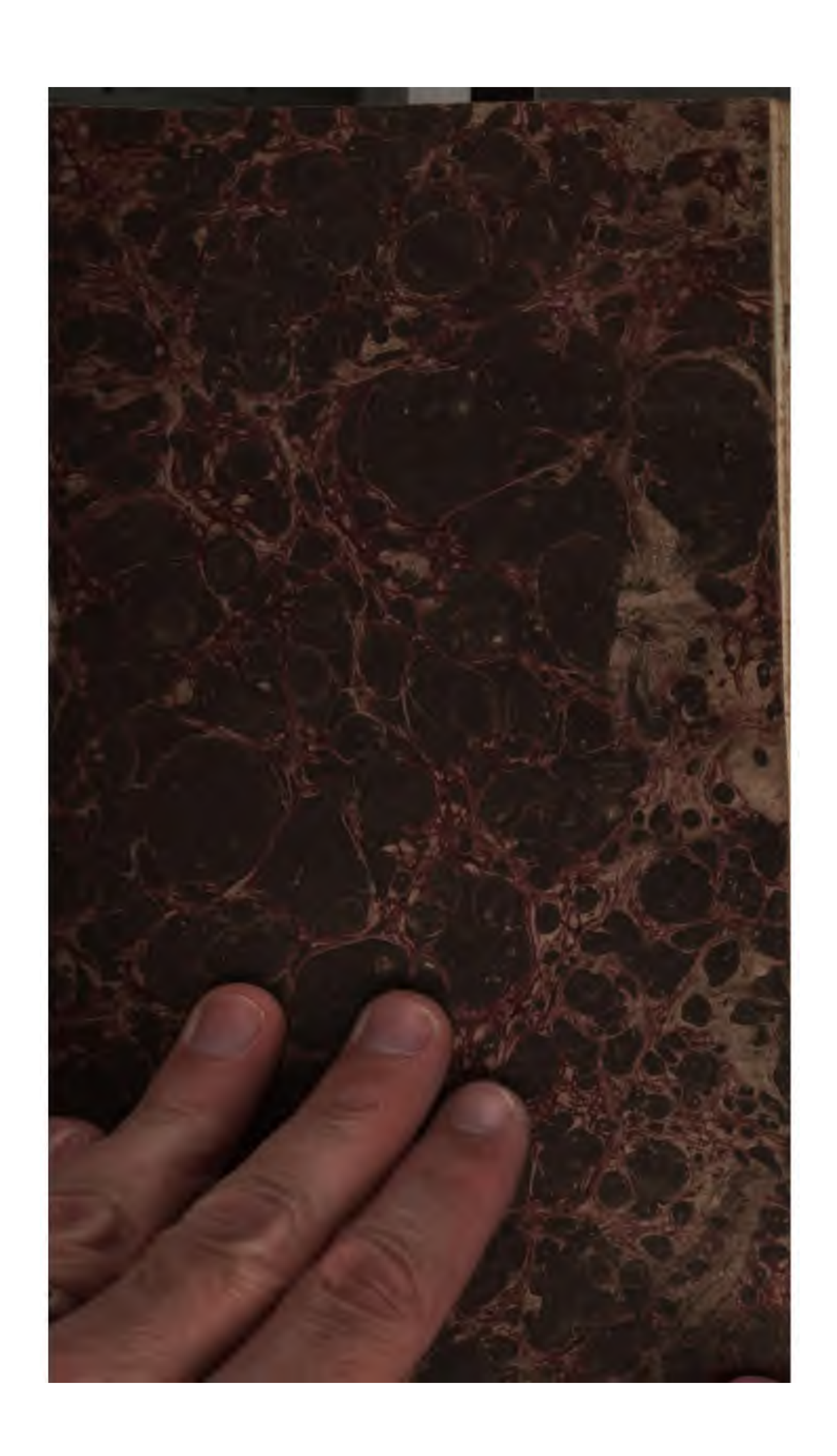

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

сочиненія

А. А. Лефорта.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1838.

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

СОЧИНЕНІЕ

А. А. Лефорта.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1838.

Стран.

КНИГА XII.

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЮ:

1788—1790.

КНИГА XIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ РАЗДѢЛЫ ПОЛЬШИ. ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ ГЕРЦОГСТВА КУРЛЯНДСКАГО.

Стран.

Стран.

КНИГА XII.

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЮ:

1788—1790.

КНИГА XIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ РАЗДѢЛЫ ПОЛЬШИ. ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ ГЕРЦОГСТВА КУРЛЯНДСКАГО.

КНИГА XIV.

ВНУТРЕННІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

КНИГА X.

ГЛАВА XXVIII.

СУВОРОВЪ. ПОТЕМКИНЪ. ПОКОРЕНІЕ КРЫМА. ВОЗМУЩЕНІЕ ПОКОРЕННЫХЪ. ПРЕКРАЩЕНІЕ БЕЗПОКОЙСТВЪ.

Порта, заключивъ Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, явно признала надъ собою перевѣсъ Россіи.

Порта *принуждена* была заключить этотъ трактатъ, а потому соблюденіе мира между двумя Державами во всѣхъ отношеніяхъ подвержено было сомнѣнію.

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

сочиненіе

А. А. Лефорта.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 28 дня, 1838 года. *Ценсоръ Василій Флеровъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

КНИГА X.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КРЫМА КЪ РОССІИ.

КНИГА XI.

ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1787—1792.

Стран.

Стран.

КНИГА XII.

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЮ:

1788—1790.

КНИГА XIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ РАЗДѢЛЫ ПОЛЬШИ. ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ ГЕРЦОГСТВА КУРЛЯНДСКАГО.

КНИГА X.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КРЫМА КЪ РОССІИ.

КНИГА X.

ГЛАВА XXVIII.

СУВОРОВЪ. ПОТЕМКИНЪ. ПОКОРЕНІЕ КРЫМА. ВОЗМУЩЕНІЕ ПОКОРЕННЫХЪ. ПРЕКРАЩЕНІЕ БЕЗПОКОЙСТВЪ.

Порта, заключивъ Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, явно признала надъ собою перевѣсъ Россіи.

Порта *принуждена* была заключить этотъ трактатъ, а потому соблюденіе мира между двумя Державами во всѣхъ отношеніяхъ подвержено было сомнѣнію.

Чрезвычайный Посолъ Императрицы Екатерины II былъ принятъ въ Константинополѣ съ изъявленіемъ всѣхъ возможныхъ почестей, такъ сказать, не въ примѣръ другимъ Державамъ. Дружество двухъ Имперій, казалось, не имѣло границъ. Но все это—былъ одинъ только церемоніалъ, по крайней мѣрѣ со стороны Порты. По окончаніи же всѣхъ торжественныхъ аудіенцій, Великій Визирь, прощаясь съ Княземъ Репнинымъ, не какъ съ чрезвычайнымъ Посломъ Екатерины II, но какъ просто съ Русскимъ вельможею, сказалъ ему—что если Крымъ будетъ независимымъ, и если Керчь и Еникале останутся во власти Россіи, то онъ, Великій Визирь, не ручается, что Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, вынужденный у Турокъ, будетъ продолжителенъ.[1]

Съ другой стороны, когда Россія подтверждала договоръ съ Турціею о независимости Крыма; то легко можно было предугадать, что она залагаетъ начальный фундаментъ для утвержденія впослѣдствіи власти своей надъ полуостровомъ: всѣ статьи акта написаны были съ этою цѣлію.

Только что заключенный миръ не могъ быть нарушенъ безъ значительнаго предлога. Однако Турецкія войска, расположенныя въ Бессарабіи, готовы были войти въ Крымъ. Нѣсколько Русскихъ полковъ, подъ начальствомъ Князя Прозоровскаго, подошли къ Перекопу, и могли овладѣть этими укрѣпленіями, при первомъ непріязненомъ движеніи Турокъ. Скоро возникли неудовольствія и взаимное подозрѣніе между Русскими и Турецкими войсками, приближившимися къ Крыму; произошло нѣсколько незначительныхъ схватокъ, въ которыхъ Русскіе всегда оставались побѣдителями.

Такимъ образомъ, хотя военныя дѣйствія и начались, однако миръ еще не былъ нарушенъ ни съ той, ни съ другой стороны.

Между тѣмъ, въ Крыму Турецкіе Агенты, поддерживаемые въ Константинополѣ Министрами нѣкоторыхъ Европейскихъ Державъ, дѣйствовали неутомимо и, должно сказать, успѣшно. Независимый Ханъ, утвержденный въ слѣдствіе Кайнарджійскаго трактата и Россіею и Пор-

шою, былъ свергнутъ, и на его мѣсто Татары избрали другаго, Девлетъ Гирея.

Въ 1776 году, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Графъ Суворовъ получилъ повелѣніе отправиться въ Крымъ къ Князю Прозоровскому, и принять подъ свое начальство корпусъ войскъ, расположенный на зимнихъ квартирахъ около Перекопа. Цѣлію дѣйствій Суворова было возстановленіе свергнутаго Хана, жившаго въ то время у Нагайскихъ Татаръ. Въ Февралѣ 1777 года Ханъ прибылъ въ станъ Суворова, расположенный подъ Перекопомъ. Русскія войска двинулись къ Ахмечети (Симферополю) — и Девлетъ Гирей, устрашенный этимъ грознымъ явленіемъ, бѣжалъ въ Константинополь; Шагинъ-Гирей былъ признанъ Крымскимъ Ханомъ.

Въ началѣ 1788 года Князь Прозоровскій былъ отозванъ въ Петербургъ, и корпусъ войскъ, находившійся въ Крыму, былъ ввѣренъ Суворову. По Днѣпру расположена была шестидесятитысячная армія, находившаяся подъ главнымъ начальствомъ Героя Задунайскаго. Лѣвымъ крыломъ этихъ войскъ, находившимся въ

Украйнѣ, командовалъ Генералъ-Поручикъ Текели; правымъ расположеннымъ въ Польшѣ — Генералъ Поручикъ Ржевскій.

Порта неравнодушно смотрѣла на дѣйствія Руских въ Крыму и втайнѣ дѣлала приготовленія къ войнѣ. Около Хотина сбирались Турецкія войска, и наконецъ сильный флотъ, предводительствуемый Капитанъ-Пашею Гассаномъ, вышелъ въ море; Суворовъ съ своей стороны сдѣлалъ наскоро нѣсколько укрѣпленій въ разныхъ пунктахъ полуострова, и даже въ горахъ.

Турецкіе корабли крейсировали еще въ Черномъ морѣ, когда Капитанъ-Паша прислалъ къ Суворову двухъ чиновниковъ съ замѣчаніемъ, что Руские не имѣютъ никакаго права быть въ Крыму, и еще менѣе — имѣть флотъ въ Черномъ морѣ, принадлежащемъ Султану. Корабли наши, въ этомъ посланіи, названы были *карсарскими.* Суворовъ письменно отвѣчалъ начальнику Турецкаго флота »что Татарское Правительство испросило у Государыни Императрицы Россійскія войска, и не имѣетъ болѣе нужды въ Турецкой

помощи; что Россійскій флотъ плаваетъ по Черному морю для охраненія безопасности полуострова. Чтожъ касается до названія, которое даетъ начальникъ флота симъ кораблямъ, то о семъ будетъ донесено Султану, союзнику Россійскому, которому онъ будетъ за то отвѣчать.«

Однако это объясненіе не успокоило Турокъ. На противъ того, укрѣпленія сдѣланныя Рускими въ Крыму, приводили ихъ въ отчаяніе. Не зная что предпринять, Порта придвинула весь свой флотъ къ берегу Крыма отъ Керчи до Козлова. Наши корабли стояли близъ Еникаля. Прошло двѣ недѣли. Турки, цѣль которыхъ была высадить войска свои на берегъ, принуждены были безъ боя удалить корабли свои въ открытое море.[2] Между тѣмъ Суворовъ пригласилъ Грековъ и Арманъ, жившихъ въ Крыму, переселиться въ Россію—и менѣе нежели въ мѣсяцъ, двадцать тысячь новыхъ подданныхъ увеличили народонаселеніе въ Россіи.

Все это казалось Туркамъ непонят-

нымъ. Въ Константинополѣ ежедневно происходили совѣщанія между Турецкими Министрами и уполномоченными Франціи и Австріи. Русскому Посланнику, тамъ бывшему, предлагались вопросъ за вопросомъ, требованіе за требованіемъ. Положено было, наконецъ, заключить объяснительную Конвенцію въ подтвержденіе нѣкоторыхъ статей Кайнарджійскаго трактата. Эта Конвенція заключена была въ Іюнѣ 1779 года. Порта признала Шагинь-Гирея Ханомъ Крымскихъ Татаръ.

Наши войска выступили изъ Крыма; только нѣсколько тысячь осталось ихъ около Кинбурна и Еникале. Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Ханѣ оставленъ былъ (7 класса) Константиновъ. Въ Крыму безпокойства по видимому прекратились. Но Порта съ горестію замѣчала, какъ далеко зашла Россія въ своихъ планахъ относительно независимости Татаръ — потомковъ Чингисъ-Хана. Для поправленія худыхъ обстоятельствъ, въ Константинополѣ были выбраны ненадежныя средства, послужившія лишь законнымъ

предлогомъ для Россіи возобновить свои наблюденія—съ оружіемъ въ рукахъ—надъ мятежными Татарами.

Мехметъ-Гирей, близкій родственникъ и непримиримый врагъ Хана Шагинь-Гирея, былъ избранъ Турціею въ орудіе ея несмысленной Политики. Онъ успѣлъ взбунтовать нѣсколько ордъ, и съ помощію ихъ свергнуть Хана. Шагинь-Гирей съ приближенными своими удалился въ Кафу и оттуда моремъ прибылъ въ Петровскую крѣпость.

Повѣствуя о первой Турецкой войнѣ, мы нѣсколько разъ упоминали о Потемкинѣ. Записавшись въ дѣйствовавшую армію волонтеромъ, Каммергеръ и Ротмистръ конной Гвардіи Григорій Александровичъ, участвовалъ почти во всѣхъ значительнѣйшихъ сраженіяхъ, и отличилъ себя храбростію и искусствомъ, свойственнымъ опытнымъ лишь Полководцамъ. Постепенное повышеніе въ чинахъ до Генералъ-Поручика и Ордена Св. Георгія третьяго класса и Св. Анны первой степени, были наградами его подвиговъ. Только за разбитіе Османъ-Паши

подъ Силистріей Потемкинъ не получилъ никакой награды. Говорятъ даже, онъ самъ былъ причиною этому, упросивъ Главнокомандовавшаго Графа Румянцова обойти его въ представленіи. Но какъ бы то нибыло, Потемкинъ отправился въ Петербургъ, и рѣшился написать Императрицѣ письмо, въ которомъ, изображая свою службу, просилъ Императрицу пожаловать его въ Генералъ-Адъютанты. Просьба Потемкина была уважена и сверхъ того, онъ получилъ Орденъ Св. Александра Невскаго.[3]

Съ этаго времени началось возвышеніе Потемкина—этого коллоса между Царедворцами всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Въ 1775 году Графъ и, чрезъ годъ потомъ, Свѣтлѣйшій Князь, украшенный всѣми Россійскими и *почти всѣми* Европейскими орденами[4] Григорій Александровичь назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властію и преимуществами царскаго Намѣстника. Потемкинъ, уже вельможа, увѣренный въ своемъ

могущесшвѣ, отправился (1777) въ подчиненное ему намѣстничество — для поправленія разстроеннаго здоровья. На дорогѣ вездѣ строили въ честь его тріумфальныя ворота, говорили привѣтственныя рѣчи, давали праздники. Мысли Потемкина занималъ, такъ названный *Греческій Проектъ*, то есть, изгнаніе Турокъ и Татаръ изъ Европы и возстановленіе Греческой Имперіи. Увѣряютъ даже, будто Свѣтлѣйшій Князь намѣревался основать независимое Государство... Но, прежде всего, положено было овладѣть Крымомъ и тѣмъ достичь свободнаго плаванія по Черному морю. Въ краю, ввѣренномъ Потемкину, въ краю пустынномъ, можно сказать дикомъ, начали возникать города, процвѣтать торговля, при устьѣ Днѣпра воздвигся Херсонь съ корабельною верфію и гаванью. Двадцать тысячь Христіанъ, вызванныхъ Суворовымъ изъ Крыма, поселены были въ Азовской губерніи, переименованной въ Екатеринославскую.

Когда Шагинь-Гирей былъ свергнутъ съ престола происками Порты, Потемкинъ находился въ Херсони и призвалъ

шуда Хана. О чемъ они шогда совѣщались, эшо никому не было извѣсшно: шолько Пошемкинъ наскоро ошправился въ Пешербургъ, и Шагинь-Гирей, вспомоществуемый Русскими войсками пошелъ на Банчи-Сарай. Башырь-Гирей, возведенный на Ханскій пресшолъ былъ удаленъ за Кубань; мяшежникъ Мегмешъ Гирей, по приказанію возсшановившаго права свои Хана Шагинь-Гирея, былъ побишъ каменьями. Спокойсшвіе возсшановилось.

Пошемкинъ вороšился въ Херсонь. Сосшавъ арміи былъ измѣненъ; она раздѣлилась на шесть корпусовъ. Главное начальсшво ввѣренно было опяшь Румянцову, но дѣлами распоряжался Пошемкинъ, у кошораго первымъ исполнишелемъ воли былъ Суворовъ. Получивъ секрешное предписаніе ошъ Свѣшлѣйшаго Князя, Суворовъ собралъ войска свои въ Эйской крѣпосши, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1782 года пригласилъ къ себѣ начальниковъ Нагайскихъ ордъ. 28 Іюня, въ день Восшесшвія на Пресшолъ Государыни Императрицы, Ташарскіе Мурзы, въ числѣ болѣе 5000 со-

брались на празднество, устроенное Суворовымъ.

Къ столу приготовлено было 100 быковъ и 800 барановъ, 500 ведръ Русскаго вина — и столько же портеру.[5]

Шагинь-Гирей, прибывъ на праздникъ, объявилъ Татарамъ: 1, что онъ слагаетъ съ себя достоинство Хана; 2, даетъ имъ волю избрать себѣ повелителя и 3, желаетъ жить и умереть между ними—подданнымъ Императрицы Всероссійской. Въ это же время прочтенъ былъ манифестъ отъ Князя Потемкина, которымъ онъ обѣщалъ Татарамъ защиту и покровительство Россіи, и приглашалъ ихъ присягнуть Императрицѣ Екатеринѣ II.

Войска были расположены около Эя. По окончаніи литургіи и молебствія о здравіи и долгоденствіи Императрицы, Татарскіе сановники, при звукахъ музыки и пушечной пальбѣ, присягнули на вѣчное подданство Россіи, и получили мѣста въ Русской арміи. Праздникъ продолжался двое сутокъ.[6] 30 Іюня отправились въ разныя мѣста Крымскаго полуострова Русскіе Штабъ-Офицеры для приведенія

къ присягѣ Крымскихъ Татаръ. Ханъ долженъ былъ отправиться въ Россію.

Такимъ образомъ присоединенъ былъ къ России цвѣтущій нынѣ торговлею Крымъ. Князь Потемкинъ получилъ въ награду своихъ подвиговъ Чинъ Генералъ-Фельдмаршала, званіе Президента Военной Коллегіи и Таврическаго Генералъ-Губернатора, и назначенъ Шефомъ Кавалергардскаго полка. Дѣятельностію и благоразуміемъ полномочнаго Министра въ Константинополѣ Якова Ивановича Булгакова, упрочено для Россіи это пріобрѣтеніе. Трактатъ съ Портою о присоединеніи Крыма къ Россіи былъ заключенъ въ томъ же году, Декабря 28.

Пріобрѣтеніе Крыма, совершенное большею частію посредствомъ переговоровъ, не представляло значительныхъ затрудненій. Гораздо болѣе требовалось усилій для обезпеченія этого пріобрѣтенія.

Легко можно было предвидѣть, что на вѣрность Нагайцевъ нельзя было положиться. Самъ даже бывшій повелитель полуострова возбудилъ подозрѣнія прось-

бами объ отсрочкѣ прибытія его въ Россію. Надобно было принять сильныя мѣры для предупрежденія возмущенія въ новопріобрѣтенномъ краю, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать осторожно, что бы излишнею строгостію не возбудить неудовольствій. Суворовъ, мало помалу, протянулъ военную линію отъ рѣки Эя до половины Дона. Сверхъ того ему поручено было склонить сколько можно болѣе Нагайцевъ къ переселенію изъ полуострова. Не болѣе какъ чрезъ полгода по покореніи Крыма открылось, что Шагинъ Гирей тайно сносится съ первѣйшими Мурзами, подстрѣкая ихъ на возмущеніе. Однако Суворовъ собралъ нѣсколько тысячь Нагайцевъ и повелъ ихъ колоннами, подъ прикрытіемъ Русскихъ войскъ, въ Уральскія степи. Между тѣмъ Шагинъ Гирей вдругъ явился на Таманѣ, окруженный Ханскою свитою, со всѣми признаками своего прежняго достоинства, и готовъ былъ провозгласить себя опять независимымъ.

Возмутились почти одни Нагайцы. Прочіе орды, какъ то Эдисанцы, Жам-

буйлуки, Эдишкульцы и другіе остались вѣрными. Мятежники въ числѣ нѣсколькихъ тысячь пошли къ линіи Русскихъ войскъ, введенныхъ въ Крымъ. Они напали на одну мушкетерскую роту; но скоро этотъ незначительный отрядъ былъ подкрѣпленъ драгунскимъ эскадрономъ. Татары, потерявъ болѣе 500 человѣкъ убитыми и бросивъ въ добычу Рускимъ 30,000 лошадей, 40,000 рогатаго скота и болѣе 200.000 овецъ, ушли за Кубань, къ Темиргойцамъ и Наврозамъ. Шагинь-Гирей былъ еще на Таманѣ, окруженный нѣсколькими изъ своихъ сообщниковъ: Потемкинъ приказалъ Суворову задержать бывшаго Хана. Но, при исполненіи этого порученія, встрѣтилось какое-то препятствіе и Шагинь-Гирей, узнавши объ опасности, ему грозившей, успѣлъ ускакать съ своею свитою за Кубань. Такимъ образомъ надобно было приняться за оружіе для прекращенія мятежа, или лучше сказать, для окончательнаго покоренія страны. Положено было идти за Кубань. Для этого назначено было 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ драгунъ и 16 пол-

ковъ казачьихъ. При впаденіи Лабы въ Кубань, Суворовъ переправился въ бродъ чрезъ эту широкую, но не вездѣ глубокую рѣку. Это было въ Октябрѣ 1783 года. Суворовъ, не теряя времени, напалъ на мятежниковъ и, послѣ пятичасоваго упорнаго съ обѣихъ сторонъ боя, положивъ на мѣстѣ болѣе 4,000 Татаръ и, еще болѣе того, взявъ ихъ въ плѣнъ, однимъ этимъ сраженіемъ окончилъ экспедицію.[7]

Возмутившіеся Татары, потерявъ значительное число людей, всѣ стада свои, и слѣдовательно средства къ существованію, скоро раскаялись въ своемъ дерзкомъ поступкѣ. Въ Крымъ введены были сильные отряды Русскихъ войскъ: туда же возвратился и Суворовъ. Мятежники, все еще державшіеся за Кубанью, прислали къ Потемкину съ повинною знамена свои, и обѣщали возвратиться на прежнія свои жилища весною въ 1783 году. Имъ даровано было прощеніе, и они сдержали свое слово или, лучше сказать, воспользовались милостію Русскаго Правительства. Скоро спокойствіе въ Крыму водворилось. Шагинь-Гирей отправился въ Россію.[8]

Крымъ и всѣ прилежавшія къ нему земли, пріобрѣтенныя Россіею отъ Шагинь-Гирея, названы были Таврическимъ намѣстничествомъ и ввѣрены управленію Потемкина. Неусыпныя заботы Императрицы Екатерины II о благѣ своей Имперіи положили основаніе цвѣтущему нынѣ состоянію этой страны, тогда дикой и почти пустынной. Потемкинъ явилъ себя ревностнымъ исполнителемъ благодѣтельной воли Монархини; при его попеченіяхъ и трудахъ воздвиглось нѣсколько городовъ, положено было первоначальное основаніе другимъ; промышленная дѣятельность и особливо торговля, начали быстро развиваться на Черномъ морѣ, присоединенномъ къ Россіи. Казалось, съ тѣхъ поръ ничто уже не могло воспрепятствовать Россіи утвердить власть свою надъ черноморскими землями и привесть въ исполненіе *Греческій проектъ*. Но встрѣтилось много предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ помѣшательствъ, и Держава, которой все предсказывало явное и близкое паденіе, обезсиленная, разстроенная Имперія Турец-

кая, осталась невредимою до сихъ поръ, переживъ ужасный періодъ революціонныхъ безпокойствъ въ Западной Европѣ, обратившихъ на себя преимущественное вниманіе Сѣвера.

КНИГА X.

ГЛАВА XXIX.

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ЕВРОПѢ БЛАГОПРІЯТСТВУЕТЪ ИСПОЛНЕНІЮ НАМѢРЕНІЙ ЕКАТЕРИНЫ II КАСАТЕЛЬНО ТУРЦІИ. ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ. ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ. ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ ЮЖНЫЯ ПРОВИНЦІИ. СЛѢДСТВІЯ ЭТОГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Раздѣлъ Польскихъ провинцій, совершенный Россіею, Австріею и Пруссіею въ 1773 году, возбудилъ политическую дѣятельность Европейскихъ кабинетовъ, и особливо Англіи и Франціи. Но всѣ усилія противъ могущественнаго союза

трехъ дѣлившихся Державъ не могли возстановить прежняго порядка вещей, и всѣ переговоры, сношенія, представленія и требованія кончились ничѣмъ.* Когда же Россія обратила исключительное вниманіе на дѣла Крымскія, въ то время первостепенныя государства Европейскія не могли воспрепятствовать исполненію ея намѣреній, оттого, что нравственныя и физическія силы этихъ Державъ устремлены были на предметы, гораздо къ нимъ ближайшіе и тѣсно сопряженные съ ихъ личными выгодами. Дѣйствія Россіи въ Крыму прежде всего могли возбудить вниманіе Вѣнскаго кабинета; но въ это время виды его обращены были на отдѣльныя государства Германіи и особливо Баварію. Въ 1777 году смертію Максимиліана Іосифа, неимѣвшаго дѣтей, прекратилась въ Баваріи Курфиршеская линія. Послѣ него долженъ былъ наслѣдовать Пфальцкій Домъ въ особѣ Курфирста Палатина, Карла Теодора. Но Императоръ разными средствами принудилъ его къ договору, (заключенному въ Вѣнѣ 3 Января 1778)

вслѣдствіе котораго Курфирстъ уступалъ наслѣдственныя права свои Императору. Для обезпеченія такого договора вся нижняя Баварія занята была Австрійскими войсками. Противъ Вѣнскаго договора протестовалъ Герцогъ Цвейбрикскій (de deux Pont), и предъявили требованія, на аллодіальное наслѣдство Баваріи Курфирстъ Саксонскій, и на Княжество Лихтенбергъ, Герцогъ Мекленбургскій.

Въ то же время открылись безпокойства въ Америкѣ, бывшія слѣдствіемъ различныхъ неудовольствій и споровъ, начавшихся еще въ 1765 году. Сѣверо-Американскія коллоніи, простиравшіяся отъ Миссисипи до рѣки Св. Лаврентія и внутрь до Аллеганскихъ горъ, увеличились по Парижскому миру присоединеніемъ Канады и Флориды. Власть Англіи, первенствовавшей надъ всѣми коллоніальными Державами, казалось, никогда еще не-была столь прочна на этомъ материкѣ; но вскорѣ открылось совсемъ противное. Англія простерла слишкомъ далеко власть свою надъ владѣніями, отдѣленными отъ нея океаномъ. Первымъ слѣдствіемъ это-

го было возмущеніе Бостона. Англія вынуждена была принять мѣры самыя суровыя. Парламентъ велѣлъ закрыть гавань этого города и предать жителей Королевскому суду. Коллоніи вооружились, всѣ до одной, и 5 Сентября 1774 года былъ открытъ конгресъ въ Филадельфіи. Парламентъ объявилъ коллоніи бунтующими, а конгресъ съ своей стороны провозгласилъ независимость провинцій подъ именемъ 13 соединенныхъ Штатовъ. Война между метрополіею и коллоніями возгорѣлась съ необычайною силою.[10]

Такимъ образомъ два событія, наслѣдство Баваріи и возмущеніе въ Америкѣ обратили на себя вниманіе Европейскихъ Державъ.

Пруссія приняла участіе въ событіяхъ на твердой землѣ Европы. Фридрихъ II объявилъ себя на сторонѣ Курфирста Саксонскаго и Герцога Мекленбургскаго. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ, Король Прусскій, Принцъ Брауншвейгскій и Маршалъ Саксъ напали на Богемію. Но война кончилась почти безъ кровопроли-

тія на Тешенскомъ конгресѣ, при посредствѣ Россіи и Франціи. Притязанія Вѣнскаго Двора на Баварію оказались безуспѣшными.[11]

Франція, надѣясь на выигрышъ въ Америкѣ, объявила формально, что признаетъ соединенныя Штаты независимыми отъ Англіи. Этимъ рѣшена была необходимость войны Франціи съ Англіею. Въ 1783 году, война была окончена, и за Океаномъ возникло новое независимое Государство, подъ именемъ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ.[12]

При такомъ положеніи вещей весьма естественно, что Россія въ отношеніи Крыма должна была имѣть дѣло только съ Турціею, и еще съ Швеціею. Но Турція, ослабленная и занятая внутренними неустройствами, признала Крымъ за Россіею, въ надеждѣ вступиться за эти области при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Швеція тоже не рѣшалась еще объявить себя противъ Россіи, и ждала времени и случая, могшаго обезопасить ее въ борьбѣ съ могущественной сосѣдкой.

Но пока обѣ эти Державы, Порта и Швеція, *медлили*, Россія съ своей стороны имѣла полную возможность упрочить владѣніе землями, пріобрѣтенными отъ Шагинь-Гирея, водворить въ нихъ благоденствіе, и дать средства къ развитію промышленности торговой и земледѣльческой въ этомъ краю, столь замѣчательныхъ нынѣ своею обширностію. Творцемъ благосостоянія Новороссійскаго края былъ Потемкинъ, ревностный исполнитель благой воли и мудрыхъ велѣній Екатерины Великой. Въ Тавридѣ, ввѣренной его попеченію, дикія степи превратились въ плодоносныя поля, гдѣ повсюду видны были многочисленныя стада, благословенныя нивы, богатыя селенія, превратившіяся вскорѣ во многолюдныя города. Чтобы прикрыть границы отъ непріятельскихъ нападеній и содержать въ страхѣ Татаръ и другихъ хищныхъ народовъ, Потемкинъ протянулъ цѣпь войскъ по берегамъ Кубани. Севастополь и Херсонъ наполнились флотами; Русскій флагъ свободно развѣвалъ на Черномъ морѣ. Къ довершенію тріум-

фа Потемкина недоставало только посѣщенія Императрицею страны, имъ изъ пустыни превращенной въ богатую область Имперіи.

Императрица, снисходя на просьбу Потемкина изъявила желаніе удостоить своимъ высокимъ посѣщеніемъ *полуденный край*, и отправилась туда въ Январѣ 1787 года. Но не говоря еще объ этомъ путешествіи, замѣчательномъ не только торжественностію и великолѣпіемъ, но и значительностію политическою, и обратившемъ на себя вниманіе цѣлой Европы; считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ Россіи къ прочимъ Державамъ Европейскимъ.

Съ самаго начала царствованія Императрицы Екатерины II, дѣлами заграничными управлялъ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ; министерство его продолжалось двадцать лѣтъ. По окончаніи первой Турецкой войны, случай возвысилъ при Дворѣ Россійскомъ Григорія Александровича Потемкина; этотъ вельможа, одаренный умомъ предпріимчивымъ и об-

шпрнымъ, способнымъ къ замысламъ отважнѣйшимъ, занялъ при Монархинѣ первенствующее мѣсто, и до самой кончины своей принималъ участіе въ дѣлахъ заграничныхъ, ведя часто непосредственную переписку съ иностранными Министрами. Изслѣдованіе характера этихъ двухъ вельможъ, несходныхъ по своимъ мнѣніямъ, лучше всего можетъ дать понятіе объ отношеніяхъ Россіи, въ то время, къ прочимъ Государствамъ Европейскимъ. Но предоставляя это соображенію читателей, съ своей стороны скажемъ только, что союзъ съ Пруссіею, заключенный въ 1764 и возобновленный въ 1772 году, произведеніе Панина, полезное въ дѣлахъ Польскихъ, потерялъ, по окончаніи первой Турецкой войны, свою важность во мнѣніи Императрицы; поощренная успѣхомъ этой войны и выгоднымъ миромъ, заключеннымъ съ побѣжденною Державою, Государыня болѣе стала обращать вниманіе на *Греческій проектъ* (основаніе Греческой Имперіи на развалинахъ Оттоманской Порты) предложенный Потемкинымъ. Для этого необхо-

димы были согласіе Англіи и помощь Австріи. Потемкинъ рѣшился привлечь ихъ на сторону Россіи и тѣсная связь съ Англіею, казалась уже несомнѣнною, какъ вдругъ была нарушена договоромъ о *вооруженномъ нейтралитетѣ*, изобрѣтеніемъ Графа Панина. *Вооруженный нейтралитетъ*, какъ результатъ Англійско-Американской войны, имѣлъ цѣлію — защищать и охранять права мореплаванія Державъ, непринимавшихъ никакаго участія въ войнѣ, и былъ объявленъ Россіею 17 Февраля 1780 года. Правила его состояли въ томъ, что а) нейтральные корабли могутъ плавать безопасно отъ одной гавани до другой и около береговъ воюющихъ Державъ; б) имущество непріятельской націи на корабляхъ нейтральныхъ остается неприкосновеннымъ, кромѣ только контрабанды, подъ которою разумѣются одни воинскіе снаряды и оружіе; в) опредѣлено точно и ясно, какой имянно портъ должно признавать находящимся въ блокадѣ; г) законность всякаго рода призовъ должна присуждаться сообразно опредѣленіямъ о состояніи портовъ въ блокадѣ.[13]

шетъ и Штабъ-офицеры, конвойровалъ эскадронъ Лейбъ-кирасирскаго полку; при монастыряхъ и церквахъ производился колокольный звонъ и пушечная пальба съ обѣихъ крѣпостей.«

»Послѣ обѣденнаго стола, бывшаго на галерѣ, *Дѣсною* называемой, Монархиня благоволила взойти на свою галеру, *Днѣпръ*, идущую подъ Вице-адмиральскимъ флагомъ, и въ тоже время сѣли на водоходныя суда, свиту Монархини составлявшіе: Штатсъ-дамы Графиня Александра Васильевна Браницкая и Графиня Екатерина Васильевна Скавронская, Камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, Фрейлина Екатерина Ивановна Чернышева, Генералъ-фельдмаршалъ Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, Адмиралтейской Коллегіи Вице-президентъ Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Оберъ-каммергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Гофмейстеръ и Тайный-Совѣтникъ Александръ Андреевичъ Безбородко, Генералъ-адъютантъ Графъ Ангальтъ, Вице-Адми-

ралъ и Генералъ-адъюшаншъ Пешръ Ивановичъ Пущинъ, Флошиліею командовавшій; Тайный-Совѣшникъ Сшепанъ Ѳеодоровичъ Сшрекаловъ, Гофъ-маршалъ Князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Баряшинскій, Графъ Сшакельбергъ, Россійскій полномочный посолъ при Сшаниславѣ Авгусшѣ Королѣ Польскомъ; Графъ Павелъ Маршыновичъ Скавронскій, Россійскій минисшръ при Дворѣ Неополишанскомъ, Шшалмейсшеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, Генералъ-Маіоръ, Дѣйсшвишельный Каммергеръ и Флигель-адъюшаншъ Александръ Машвѣевичъ Дмишріевъ-Мамоновъ, Генералъ-маіоръ и Флигель-адъюшаншъ Василій Ивановичъ Левашовъ; Каммергеры: Тайный-Совѣшникъ Евграфъ Александровичъ Чершковъ, Тайный Совѣшникъ Александръ Юрьевичъ Нелединской-Мелецкой, Пешръ Сшепановичъ Валуевъ, Василій Пешровичъ Солшыковъ, Дѣйсшвишельный Сшашскій-Совѣшникъ и Лейбъ-медикъ Рожерсонъ, Дѣйсшвишельный Сшашскій-Совѣшникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; Камеръ-юнкеры: Графъ Юрьій Александровичъ

Головкинъ, Александръ Александровичъ Бибиковъ и Викторъ Павловичъ Кочубей; Министры иностранные: Римско-Императорскій посолъ Графъ Кобенцель, отъ Французскаго Двора Графъ Сегюръ, Великобританскій посланникъ Г. Фицгербертъ; Графъ Браницкій, Гетманъ Великій коронный Польскій, Принцъ де Линь, и Генералъ-поручикъ Австрійскій Принцъ Нассау.«

»По полудни въ третьемъ часу съ галеры Императрицы данъ былъ сигналъ, чтобы всѣ суда водоходныя къ походу изготовились, и въ три часа передовыя суда и галеры, поднявъ якорь, пошли въ путь. Вице-адмиральскому флагу на галерѣ: *Днѣпрѣ* салютовано съ Кіево-печерской крѣпости, и съ галеры отвѣтствовано девятью выстрѣлами.«[71]

»Флотъ Императрицы отправился изъ Кіева, пишетъ Принцъ де Линь, при ударахъ канонады, возвѣстившей намъ о началѣ плаванія по Днѣпру. Если бы насъ спросили въ то время, когда мы садились на большія и малыя суда, которыхъ

было около 80, съ 3000 чел. экипажа, что будете вы дѣлать на этихъ галерахъ? Мы могли бы отвѣчать »забавляться и веселиться во что бы то ни стало! »Въ самомъ дѣлѣ никогда не было плаванія столь блистательнаго и пріятнаго. Комнаты наши въ каютахъ убраны были шелковыми матеріями и великолѣпными диванами; когда кто нибудь изъ подобныхъ мнѣ спутниковъ Императрицы сходилъ съ своей галеры или возвращался, по крайней мѣрѣ дюжина музыкантовъ, находившихся почти на каждой галерѣ, привѣтствовали входившаго звуками музыки. Вмѣстѣ съ весельемъ, съ нами случалось все, даже и буря, отъ которой три галеры сѣли на мѣль.«

Во сто верстахъ отъ Кіева, на Днѣпрѣ близъ Польскаго мѣстечка Канева, съ Императрицею имѣлъ свиданіе Польской Король. — Станиславъ Понятовскій, по словамъ Принца де Линь, дожидался тутъ Государыни три мѣсяца и прожилъ три милліона рублей.

Апрѣля 25, въ въ 11 часовъ по полудни вся флотилія бросила якорь и остано-

вилась противъ Канева полумѣсяцемъ. На собственной шлюбкѣ Государыни отправлены были въ Каневъ для приглашенія Польскаго Короля Гоф-мейстеръ Графъ А. А. Безбородко и Гоф-маршалъ Князь Ѳ. С. Барятинскій. Король въ тоже время при пушечной пальбѣ со всѣхъ судовъ, при барабанномъ боѣ и звукахъ трубъ прибылъ на галеру *Днѣпрѣ*. Король оставался у Императрицы *въ гостяхъ* до вечера 26 Апрѣля. Въ этотъ день въ 5 часовъ по полудни Монархиня съ Королемъ были воспріемниками при крещеніи сына Генерала-маіора Графа Тарновскаго. Послѣ бала, даннаго на галерахъ Король откланялся Императрицѣ и былъ препровожденъ на берегъ, опять въ шлюбкѣ Государыни и тѣми же особами. Императрица прислала ему звѣзду и орденъ Св. Андрея-первозваннаго, богато украшенные бриліантами. »Во время свиданіи Екатерины II съ Станиславомъ, пишетъ принцъ де Линь, фейерверкъ, представлявшій изверженіе Везувія, продолжавшійся во все время ужина, освѣщалъ горы, долины и воды, лучше не-

жели самое блестящее солнце среди дня.«

Апрѣля 29, Императрица прибыла на границу намѣстничества Генералъ-фельдмаршала Князя Таврическаго. Для встрѣчи, выѣхали на легкихъ судахъ Екатеринославскій Губернаторъ Генералъ-маіоръ Синельниковъ, Губернскій предводитель Лялинъ съ Уѣздными предводителями и Дворянствомъ. На другой день Государыня имѣла въѣздъ въ Кременчугъ. У пристани встрѣтилъ Ее Архіепископъ Екатеринославскій и Херсониса-Таврическаго Амвросій съ Духовенствомъ. По выходѣ на берегъ Императрица отправилась въ парадной каретѣ, въ приготовленный для нея Генералъ-губернаторскій домъ. У кареты ѣхали верхами: Генералъ-фельдмаршалъ Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, Генералы-аншефы Князь Долгорукій и Текелли; Генералъ-поручики Гейкинъ, Графъ Румянцовъ и Левашовъ, Генералъ-маіоры Дунинъ, Кутузовъ, Аршеневскій, Баронъ Ферзенъ и Волковъ; также Правитель Екатеринославскаго намѣ-

стничества Синельниковъ со всѣми Гражданскими чиновниками. Шествіе замыкалъ эскадронъ кирасиръ. Передъ домомъ, назначеннымъ для пребыванія Императрицы устроены были тріумфальныя вороты. По обѣимъ сторонамъ дороги выстроены были конные и пѣхотные полки. Городъ привѣтствовалъ прибытіе своей повелительницы пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ.

Въ Кременчугѣ Императрица пробыла четыре дня. 5 Маія получено было извѣстіе, что знаменитый путешественникъ Графъ Фалкенштейнъ (Императоръ Іосифъ II) въѣхалъ въ Россію. Государыня послала встрѣтить его Графа Румянцова.

Свиданіе съ Графомъ Фалькенштейномъ предполагалось въ Херсони. Но онъ намѣревался было встрѣтить Императрицу на дорогѣ къ этому городу; Екатерина II, за это лестное изъявленіе дружества, желала отплатить тѣмъ же, и выйдя на берегъ, отправилась въ придворныхъ экипажахъ къ мѣстечку Новыя Кайдаки, чрезъ которое слѣдовало

проѣхать Императору. Въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка, Высокіе путешественники встрѣтились, и Графъ Фалькенштейнъ пересѣлъ въ карету Государыни.

Мая 9 Императрица съ Графомъ отправились къ Херсону, и въ 8 верстахъ отъ Кайдакъ заложили губернскій городъ Екатеринославль. Мая 12 Высокіе путешественники прибыли въ Херсонъ, построенный за восемь лѣтъ предъ тѣмъ. Въѣздъ въ этотъ городъ отличался особенною торжественностію. Въ Херсонѣ, (Мая 13) былъ допущенъ къ Монархинѣ на аудіенцію чрезвычайный посолъ Маркизъ да Галло, присланный отъ Короля обѣихъ Сицилій — *»поздравить Императрицу съ благополучнымъ прибытіемъ въ полуденный край Имперіи, орошаемый водами, простирающимися до Королевства Неаполитанскаго.«*

Мая 15, въ присутствіи Императрицы и Графа Фалькенштейна спущены были, построенные при Херсонскомъ адмиралтействѣ корабли 80-ти и 60 пушечный и 50-пуш. фрегатъ. Первый названъ

былѣ — *Іосифъ* II, другой — *Владимірь* и третій—*Александръ.*« Парчи, золотыя бахрамы, гирлянды, жемчугъ и цвѣты, украшавшіе балдахины, устроенные на берегу для Ихъ Императорскихъ Величествъ, пишетъ П. де Линь, превосходили изящесшвомъ всѣ возможныя произведенія Парижскихъ мастеровъ, и все это было сдѣлано Русскими солдатами, которыхъ можно производить, по желанію, и въ модныхъ торговокъ, и въ матросовъ, и въ музыкантовъ, и въ лекарей, однимъ словомъ, во все, что захочешь изъ нихъ сдѣлать!«

19 Мая Ихъ Величества переѣхали *черезъ Перекопъ*. Въ Крыму Императрица путешествовала около двухъ недѣль. Нужно ли говорить, какъ торжественно, великолѣпно было это путешествіе? Крымъ былъ цѣлію пути Монархини. Въ Крыму Императрицу встрѣчали легіоны Черкесъ и Крымскихъ Татаръ. Въ Балаклавѣ на встрѣчу Государыни вышли 200 Татарскихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ Амазонское платье, вооруженныхъ копьями, стрѣлами и ружьями. »Императри-

ца въ каждомъ губернскомъ городѣ, говоритъ П. де Линь, издерживала тысячь по сту на подарки. Каждый день отдохновенія ознаменовывался раздачею бриліантовъ, балами, фейерверками и иллюминаціею, верстъ на десять въ окружности.«

Іюня 2, Государыня разсталась съ Графомъ Фалкенштейномъ, отправилась въ обратный путь, чрезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. 8 Іюня Государыня осматривала мѣсто Полтавской битвы, на которомъ совершена была панихида и провозглашена *вѣчная память* Императору Петру I, Великому и Его побѣдоносному воинству, павшему на полѣ чести.

На берегу Оки, близъ Серпухова, на границѣ между Тульской и Московской губерній, встрѣтили Государыню Московскіе главнокомандовавшій, П. Д. Еропкинъ, Губернаторъ, военные генералы, губернскій предводитель съ уѣздными предводителями и дворянствомъ. 23 Іюня Государыня прибыла въ село Коломен-

ское и, пробывъ тамъ три дня, 27 числа имѣла въѣздъ въ Москву.

»Шествіе началось по утру въ 10 часу, слѣдующимъ порядкомъ: изъ Коломенскаго дворца препровождали Монархиню и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича:[18] до городской дачи ѣхалъ возлѣ кареты Московскій Губернаторъ, Генералъ-маіоръ Лопухинъ, а передъ каретою впереди Московской округи Земскій исправникъ съ своими засѣдателями и драгунами; за ними слѣдовалъ Почтъ-директоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Пестель съ своими офицерами и почталіонами верхами; потомъ конвойная губернская команда, а наконецъ ѣхали верхами выбранные отъ Дворянства почетные дворяне. По приближеніи къ городской дачѣ встрѣтили Монархиню Г. Главнокомандующій, Генералъ-аншефъ, Сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Петръ Дмитріевичь Еропкинъ съ находившимися въ Москвѣ при разныхъ должностяхъ и при

шамошней дивизіи армейскими и аршиллерійскими Генералами, правившимъ должность Московскаго Оберъ-полицмейстера, Бригадиромъ Толемъ, Полицмейстеромъ и другими многими Штабъ и Оберъ-офицерами, изъ которыхъ Полицмейстеръ съ 12 шшапа Управы Благочинія Штабъ-офицерами, соединясь съ преждеупомянутыми чинами ѣхали передъ карешою верхами; за ними же слѣдовала карета, въ которой находилась Монархиня съ Ихъ Императорскими Высочествами. По сторонамъ кареты ѣхали верхами Гг. Главнокомандовавшій съ Губернаторомъ и Оберъ-полицмейстеромъ, такъ же Государыни Шталмейстеръ и Генералъ-адъютантъ Генералъ-поручикъ Графъ Ангальтъ, а позади кареты Генералитетъ и Гвардіи офицеры въ многочисленномъ кортежѣ. За ними слѣдовали въ придворныхъ каретахъ Гг чужестранные Министры и придворные Кавалеры, составлявшіе Свиту Императрицы.«

»По приближеніи Монархини къ Серпуховскій заставѣ возвѣщено о семъ городу

было произведеніемъ изъ поставленныхъ при оной для сего артиллерійскихъ орудій 51 выстрѣломъ, и у сей заставы встрѣтили Монархиню цехи съ ремесленнымъ Головою и своими старшинами.«

»Проѣхавъ оную, когда карета Императрицы сдѣлалась въ виду у Серпуховскихъ воротъ, то на приуготовленныхъ по сторонамъ тріумфальныхъ воротъ оркестрахъ началась огромная вокальная и инструментальная музыка и пѣты были сочиненные на сей всерадоснѣйшій случай кантаты. У сихъ воротъ встрѣтили Монархиню градской Глава съ именитыми гражданами и первостатейнымъ Купечествомъ съ хлѣбомъ и солью.«

»Какъ скоро карета Монархини проѣхала чрезъ каменный Всесвятскій мостъ, то изъ городовой артиллеріи произведенъ 101 пушечный выстрѣлъ, и начался по всѣмъ церквамъ колокольный звонъ. У сего моста стояли Главнаго народнаго училища Директоръ съ учителями и учениками по обѣимъ сторонамъ улицы.«

»При въѣздѣ Монархини въ Воскресен-

скія ворота играла поставленная на оныхъ городовая, а при учрежденной гауптвахтѣ полковая музыка, и у сихъ воротъ встрѣтили Монархиню Оберъ-коммендантъ съ Плацъ-маіоромъ и Члены Присутственныхъ мѣстъ, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ.«

»Въ проѣздъ же Монархини въ Спасскія ворота, на учрежденной на Кремлевской площади гауптвахтѣ играла гарнизонная музыка. У Спасскихъ воротъ находились состоящіе въ командѣ Оберъ-комменданта Штабъ и Оберъ-офицеры.«

»По прибытіи Монархини съ Ихъ Императорскими Высочествами къ Успенскому собору, встрѣчена была Преосвященнымъ Архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ Платономъ, съ находившимися въ Москвѣ Преосвященными Анѳимомъ Митрополитомъ Греческимъ, Іоанномъ Архіепископомъ и Григорьемъ Епископомъ Грузинскими и прочимъ знатнымъ Духовенствомъ со крестами, гдѣ Императрицѣ помянутый Сvнодальный Членъ, Преосвященный Платонъ, Архіепископъ Московскій говорилъ рѣчь. По-

шомъ Государыня съ Ихъ Императорскими Высочествами изволила шествовашь въ соборъ и слушашь Божественную лишургію, которую отправлялъ помянушый Сунодальный Членъ, Преосвященный Плашонъ, Архіепископъ Московскій, при немъ Императрицы Духовникъ, Свяшѣйшаго Правительствующаго Сунода Членъ, Московскаго Благовѣщенскаго собора Протоіерей, Іоаннъ Іаннович Панфиловъ, Архимандришъ Заиконоспасскій Аѳонасій, Злашоустовскій Евгеній, и Сунодальный Членъ Успенскаго собора, Прошоіерей Александръ Георгіевичъ Левшинъ съ прочимъ Духовенствомъ. Изъ свѣтскихъ персонъ находились въ соборѣ обоего пола первыхъ пяти классовъ особы.«[19]

Въ Москвѣ Императрица пробыла до 1 Іюля. Въ эшой день, при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи Московскихъ начальствъ и всей свиты своей, изволила переѣхашь въ Петровскій дворецъ; и отшуда 4 Іюля отправилась въ С. Пешербургъ. Въ Царское село Государыня прибыла Іюля 11. Пе-

реѣздъ изъ старой столицы въ С. Петербургъ былъ столь же торжественъ и великолѣпенъ, какъ и все путешествіе.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Императрица писала къ доктору Циммерману (1 Іюля): »не знаю для чего забошятся въ Европѣ говорить и слишкомъ хорошо и слишкомъ худо о Моемъ путешествіи. Оно задумано было еще за три года, для разсѣянія припадковъ ипохондріи, отъ которой ваша книга о уединеніи[20] совершенно Меня освободила. Я поѣхала зимою, желала воспользоваться зимнимъ путемъ; въ Кіевѣ ожидала весны, которая наступила поздно; оттуда отправилась водою по Днѣпру, для того, что въ путешествіи за шесть тысячь верстъ, нельзя пренебрегать нѣсколькими сотнями верстъ, которыя можно удобнѣе проѣхать на галерѣ. Изъ всего этого Свѣту угодно было составить путешествіе романическое, блистательное, героическое, комическое и придать ему важность, о которой Я никогда и не думала. Издержки Мои не

столь велики, какъ пишутъ объ нихъ въ Голландскихъ газетахъ и проч.«

Что писали тогда въ періодическихъ изданіяхъ на счетъ путешествія Императрицы Екатерины II въ Крымъ, какъ смотрѣли на это путешествіе тогдашніе политическіе писатели, справиться объ этомъ, предоставляемъ самимъ читателямъ. Кромѣ журнальной болтовни, замѣчаній на угадъ, предположеній плохо расчитанныхъ, предсказаній несбывшихся и извѣстій, большею частію вымышленныхъ и показывающихъ рѣшительное незнаніе Русскихъ нравовъ и обычаевъ — читатели ничего не найдутъ въ статьяхъ тогдашнихъ газетъ о путешествіи Екатерины II.

Съ своей стороны, не говоря о пользѣ, доставленной этимъ путешествіемъ Россіи, скажемъ нѣсколько словъ о предметѣ тогда наиболѣе обращавшемъ вниманіе Европы: о свиданіи Императрицы съ Королемъ Польскимъ и Императоромъ Германскимъ.

Свиданіе съ Станиславомъ Понятовскимъ не могло имѣть слѣдствій особой важности. Вліяніе Россіи на Польшу было уже значительно съ самаго начала царствованія Екатерины II, и Король Польскій желалъ единственно воспользоваться случаемъ проѣзда Государыни мимо его Королевства, чтобы лично засвидѣтельствовать ей свою благодарность за дарованіе ему престола, и увѣрить въ готовности сообразоваться съ Ея волею.[21]

Свиданіе съ Іосифомъ II было гораздо важнѣе по своимъ слѣдствіямъ. Императоръ былъ въ Россіи еще въ 1780 году,[22] и тогда же имъ заключенъ былъ дружественный союзъ съ Императрицею Екатериною. Но при посѣщеніи Крыма, говорятъ, былъ превращенъ этотъ союзъ въ наступательный противъ Турціи. Впрочемъ, Сегюръ, тогдашній Французскій посланникъ при Россійскомъ дворѣ и сопровождавшій Императрицу въ Тавриду, утверждаетъ что этотъ союзъ *формально* никогда не былъ зак-

люченъ. Но какъ бы то ни было, Порта предупредила и Россію и Австрію, объявивъ первой войну 16 Августа 1787 года. Австрія тоже приняла участіе въ этой брани.

КНИГА XI.

ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1787—1792.

КНИГА XI.

ГЛАВА XXX.

ПОРТА ОБЪЯВЛЯЕТЪ ВОЙНУ РОССІИ. БУЛГАКОВЪ. НАЧАЛО НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ. РУМЯНЦОВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ И ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Сентября 9 дня 1787 года обнародованъ былъ Высочайшій Манифестъ о начатіи войны, объявленной Портою Россіи.

Поводомъ, или по крайнѣй мѣрѣ предлогами со стороны Порты къ объявленію войны были оставленныя Россіею безъ уваженія требованія: а) чтобы

Россія отказалась отъ присяги, принесенной на подданство Царемъ Карталинскимъ и не вмѣшивалась въ дѣла Грузіи; [23] б) чтобы выдала Портѣ Молдавскаго Господаря Александра Маврокордато; в) чтобы Россія возвратила уступленныя ей Портою (по Кайнарджійскому Трактату) тридцать девять соленыхъ озеръ въ Кинбургскомъ Уѣздѣ; г) чтобы Россія приняла у себя Турецкихъ Консуловъ; д) чтобы дозволила подвергать осмотру свои корабли на Черномъ морѣ и не вывозила кофе, масла, рису и проч. и наконецъ е) возвратила Портѣ всѣ земли, пріобрѣтенныя отъ Шагинь-Гирея.

Требованія столь несбыточныя и можно сказать, оскорбительныя не могли быть удовлетворены Россіею. Порта знала это и сама, и предложила ихъ единственно для того только, чтобы они были отвергнуты, и потомъ послужили предлогомъ къ разрыву. Рейсъ-Эфендій употреблялъ всѣ старанія, чтобы объявленіе войны дошло въ Россію какъ наивозможно позднѣе

и потому, предложивъ условія для сохраненія добраго согласія между Портою и Россіею нашему Посланнику Якову Ивановичу Булгакову, присоединилъ, что срокъ для отвѣта Россіи на эти условія не долженъ продолжиться болѣе двухъ недѣль.

Не говоря уже о краткости срока, въ продолженіе котораго не возможно было бы послать увѣдомленіе въ Петербургъ и оттуда получить предписаніе, предложенія Рейсъ-Эфендія, какъ несовмѣстныя съ честію и выгодами Россіи, были рѣшительно и твердо отринуты Булгаковымъ. За это, Яковъ Ивановичъ, подобно Обрѣскову, былъ тотчасъ арестованъ и посаженъ въ Семибашенный замокъ.[24] Порта объявила войну.

Но прежде, нежели объявленіе это было обнародовано во всѣхъ мѣстахъ, Турецкій флотъ, стоявшій при Очаковѣ (три линѣйные корабля, фрегатъ и болѣе тридцати мелкихъ судовъ) открылъ непріятельскія дѣйствія.[25] 19 Августа, стоявшія

у восточной стороны Очаковской крѣпости двумачтовыя Турецкія военныя суда и бомбардирскій ботъ, снявшись съ якоря, перешли на западную сторону крѣпости, стали въ линію противъ нашихъ фрегата *Скораго* и бота Битюга (подъ командою Капитанъ-лейтенанта Обольянинова и штурмана Кузнецова), которые ожидали тамъ прибытія спущенныхъ въ Херсонѣ кораблей *Владиміра* и *Александра*. Суда наши приготовились къ оборонѣ; но между тѣмъ, до 21 числа, дѣло ограничивалось лишь взаимнымъ наблюденіемъ. Въ этотъ же день Турки открыли сильный огонь, на который Русскіе отвѣчали тѣмъ же. Перестрѣлка продолжалась болѣе трехъ часовъ; фрегатъ *Скорый* лишился форстеньги и, имѣя поврежденіе въ такелажѣ, отрубилъ якори и пошелъ къ Лиману. *Битюгъ*, преслѣдуемый всѣми мелкими судами, долженъ былъ удалиться тудаже. Подъ Очаковымъ принуждены они были выдержать сильный огонь съ крѣпостныхъ батарей.

Какъ скоро получено было извѣстіе о столь вѣроломномъ нарушеніи мира со стороны Порты, Императрица повелѣла выступить полкамъ къ южнымъ границамъ; войска раздѣлены были на двѣ арміи: Украинскую и Екатеринославскую, Онѣ поручены были Генараламъ-фельдмаршаламъ — первая Графу Румянцову-Задунайскому, и другая Князю Потемкину-Таврическому.

Надобно сказать, что герой Кагульскій и Ларгскій представлялъ уже второстепеннаго предводителя: Потемкинъ былъ главнымъ. Румянцовъ оставался Главнокомандующимъ первою арміею недолго, и между тѣмъ, какъ Таврическій осаждалъ Очаковъ, Задунайскій придвинулъ войска свои въ Молдавію, и предвидя, что начальникъ второй арміи будетъ преграждать ему дорогу на ратномъ полѣ, сказался больнымъ ногами и сдалъ армію Князю Григорію Александровичу, который присоединилъ ее къ своимъ войскамъ.[26] Такимъ образомъ первоначальное раздѣленіе дѣйствовавшихъ войскъ на двѣ

арміи уничтожилось въ 1788 году, хотя Румянцовъ и открылъ военныя дѣйствія въ Молдавіи, и Потемкинъ называлъ себя ученикомъ его, испрашивалъ его совѣтовъ *»или лучше сказать* (такъ писалъ самъ Таврическій) *повелѣній своего наставника.«*

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXI.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ ВЪ 1787 ГОДУ. СУВОРОВЪ. СРАЖЕНІЕ НА КИНБУРГСКОЙ КОСѢ. ДѢЙСТВІЯ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ КРЫМУ. НАМѢРЕНІЯ ІОСИФА II. НЕУДОВОЛЬСТВІЯ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

Цѣлію дѣйствій Турецкой арміи въ 1787 году былъ Крымъ. Турки намѣревались овладѣть этимъ полуостровомъ, и начали завоеваніе съ Кинбурнской крѣпости.

На Кинбурнской косѣ было нашихъ войскъ всего: 12 эскадроновъ легкой кон-

ницы, 10 эскадроновъ драгунъ, 4 казачьихъ полка и 4 башаліона мушкешеръ. Войска эши находились подъ командою Суворова. Кинбурнъ защищался слабыми сшѣнами, окруженными землянымъ гласисомъ и слишкомъ мелкимъ рвомъ; на Кинбурнскомъ рейдѣ сшояли шолько фрегашъ и бошъ, о кошорыхъ говорено было въ предъидущей главѣ. Турки, увѣренные въ слабосши эшого мѣсша, рѣшились прежде всего, врасплохъ овладѣшь имъ и пошомъ перенесши оружіе къ Херсону. Вышло не совсемъ шакъ.

Послѣ 19 Авгусша Турки прекрашили было всѣ свои покушенія на Кинбурнъ и удалились къ Очакову; но 13 Сеншября опяшь придвинули всѣ свои канонирскія суда къ Кинбурнскому фарвашеру и ошкрыли по городу сильную пальбу. На другой день непріяшель, въ числѣ 700 человѣкъ покушался было сдѣлашь высадку версшахъ въ осьми ошъ города; но покушеніе эшо всшрѣшило сильный ошпоръ. Послѣ эшого, до 30 числа Сеншября Турки ограничивались бросаніемъ бомбъ въ городъ. 30-го же числа непріяшель

усилилъ пальбу, не прерывавшуюся отъ полудня до глубокой ночи. Все показывало, что Турки намѣрены сдѣлать высадку.

Суворовъ, замѣтя это, приказалъ прекратить огонь съ своихъ батарей и отдалъ приказъ не только непрепятствовать непріятельской высадкѣ, но даже не стрѣлять въ Турокъ до тѣхъ поръ, пока они не подойдутъ къ нашимъ войскамъ на двѣсти шаговъ.

1. Октября, въ 9 часовъ поутру, Турки начали высаживать войска свои на берегъ. Всѣ ихъ корабли, большія и малыя суда подошли на возможно близкое разстояніе къ Кинбурну. Дессантныя войска числомъ до 6000 человѣкъ были выбраны, какъ лучшія, изъ Очаковскаго гарнизона. Начальникъ этихъ войскъ, вѣроятно, рѣшился побѣдить—или умереть, потому, что по окончаніи высадки велѣлъ своимъ перевознымъ судамъ удалиться.

Турки начали копать ложементы. Русскіе стояли неподвижно. Суворовъ былъ въ это время въ церкви и, по окончаніи литургіи, велѣлъ пѣть молебенъ.[27] Непод-

вижность Руских изумляла Турокъ и они, наконецъ, сами рѣшились начать дѣло; въ полдень авангардъ ихъ подошелъ къ нашимъ на двѣсти шаговъ — и сраженіе закипѣло.

Наши расположены были въ двухъ линіяхъ. Первая составлена была изъ полковъ Орловскаго и Шлиссельбургскаго, вторая изъ Козловскаго и двухъ легкоконныхъ эскадроновъ. Три Донскіе полка расположены были на флангахъ; во всемъ этомъ корпусѣ было не болѣе 2000 человѣкъ пѣхоты.

Генералъ-маіоръ Рекъ повелъ первую линію и мужественно атаковалъ непріятеля, упорно защищавшагося въ своихъ укрѣпленіяхъ. Турки были выбиты изъ десяти ложементовъ. Но въ тоже время Рекъ и многіе штабъ-офицеры были тяжело ранены и по нашимъ войскамъ открытъ былъ сильный огонь съ Турецкихъ кораблей. Орловскій полкъ потерялъ много людей. Суворовъ подкрѣпилъ его баталіономъ Козловскаго полку. Но не смотря на это—Руские отступили.

Суворовъ кинулся въ передніе ряды и успѣлъ остановить отступавшихъ, но ненадолго. Многочисленность непріятеля, подкрѣпленнаго свѣжими отрядами превозмогла. Суворовъ былъ раненъ картечью въ бокъ.[28] Но это не помѣшало его распоряженіямъ: онъ велѣлъ утомленнымъ баталіонамъ ретироваться въ крѣпость и оттуда вызвалъ баталіонъ Муромскаго полка, двѣ роты Шлиссельбургскаго и одну Орловскаго съ бригадою легкой конницы.

Рускіе вступили въ сраженіе въ третій разъ. Тутъ завязался самый отчаянный кровопролитный бой. Сражающіеся смѣшались до такой степени, что дѣйствіе артиллеріи прекратилось съ обѣихъ сторонъ. Положеніе нашихъ было весьма опасно: подавляемые превосходствомъ числа непріятелей они подвигались, хотя едва замѣтно, къ гласису крѣпости. День склонился уже къ вечеру и приходилось признать Турокъ побѣдителями, какъ вдругъ къ нашимъ подоспѣло подкрѣпленіе, 10 эскадроновъ легкой конницы, стоявшіе въ 30 верстахъ за Кинбурномъ.

Рускіе поправились и сильно ударили на Турокъ. Между шѣмъ, насшупила шемная ночь; мѣсяцъ не свѣшилъ. Часу въ девяшомъ 300 человѣкъ изнуреннаго усиленнымъ переходомъ башаліона Муромскаго полка вступили въ дѣло, шошчасъ по прибышіи на мѣсшо сраженія — и рѣшили побѣду. Турки, пригнанные къ морю, съ бѣшенсшвомъ обрашились на шѣснившую ихъ пѣхошу. Послѣднее усиліе ихъ продолжалось съ полчаса. Но Рускіе поражали ихъ цѣлыми шолпами — и побѣжденныхъ не спаслось и шесшисошъ человѣкъ изъ шесши шысячъ.

Суворовъ въ концѣ сраженія былъ еще раненъ пулею въ лѣвую руку.[29] Пошеря нашихъ просширалась до двухъ сошъ убишыми и до восьми сошъ ранеными.

Неудачное предпріяшіе разсѣяло всѣ надежды Турокъ и уничшожило ихъ предположенія. Флошъ ихъ удалился къ Консшаншинополю. Суворовъ, скоро послѣ сраженія, приказалъ сшроишь комуникаціонные редушы и расположилъ войска свои на зимнія кварширы.

Между шѣмъ, какъ войска, находившіяся подъ командою Суворова, рашовали подъ Кинбурномъ, другой корпусъ нашихъ войскъ, ввѣренный Генералъ-поручику Павлу Сергѣевичу Пошемкину, дѣйсшвовалъ за Кубанью. Около половины Сеншября, Генералъ эшошъ, получа извѣсшіе, чшо Шахъ Мансуръ собираешъ Ташаръ между рѣкъ Урупа и Лабы, и чшо нѣсколько Турецкихъ ошрядовъ прибыли изъ Суджукъ-Кале для подкрѣпленія мяшежныхъ Закубанцевъ, рѣшился предупредишь непріяшеля и разсѣяшь его шолпы. Для эшого онъ переправился за Кубань шремя колонами, осшавивъ чешвершую въ резервѣ близъ Овечьяго Брода. Полковникъ Ребиндеръ, 20 Сеншября, первый досшигъ до сшана непріяшельскаго и нашелъ шамъ до шесши сошъ арбъ, усшавленныхъ Вагенбургомъ. Непріяшель, пошерявъ болѣе чешырехъ сошъ убишыми, обрашился въ бѣгсшво. Менѣе нежели въ двѣ недѣли, вся сшрона, ошъ усшья Лабы вверхъ по Кубани до Снѣжныхъ Горъ, была очищена ошъ мяшежныхъ Ташаръ. Селенія и убѣжища ихъ

были опустошены и преданы огню, и до пяти тысячъ Татаръ переселены въ Кавказскую Губернію.

Послѣ этого, военныя дѣйствія въ 1787 году прекратились. Руские одерживали вездѣ поверхность, не смотря на то, что еще не употребляли всѣхъ силъ своихъ.

Императоръ Іосифъ II, сообщилъ Портѣ чрезъ своего Министра, что по силѣ Трактата, заключеннаго съ Россіею, онъ приметъ участіе въ войнѣ, если Турки не положатъ оружія и не удовлетворятъ вполнѣ оскорбленной ими Россіи. Это объявленіе войны принято было въ Диванѣ особеннымъ образомъ: Римско-Императорскій Посланникъ не только не получилъ ни малѣйшаго оскорбленія, но даже съ честію былъ препровожденъ изъ Константинополя. Причина этому та, что Турки надѣялись льстивыми обѣщаніями склонить Императора къ миру. Но онъ, въ тоже время, писалъ къ своей Союзницѣ въ Петербургъ »получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ Вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Семибашенный зáмокъ, я считаю себя тоже Вашимъ

слугою и посылаю въ походъ прошивъ Турокъ всю свою армію.«

Въ Венгріи собранныя войска простирались до 150.000 человѣкъ. Императоръ намѣревался лично приняшь надъ ними начальство. Впрочемъ Турки все еще не вѣрили, чтобы это ополченіе готовилось дѣйствительно для войны съ ними: они предполагали, что Императоръ намѣренъ не болѣе, какъ устрашить ихъ и принудить къ миру съ Россіею одними угрозами; а потому и не заботились надлежащимъ образомъ обезпечить границы свои со стороны владѣній Іосифа II. 1788 -й годъ доказалъ, какъ неосновательны были предположенія Мусульманъ.

Но какъ бы то ни было, не смотря на всѣ счастливыя предзнаменованія для Россіи въ начатой войнѣ, въ Европѣ разсѣявались слухи, оскорбительные для славы Русскаго оружія: это замѣтно огорчало Императрицу и Она писала къ доктору Циммерману: »странно видѣть ничтожныя уловки, употребляемыя противу насъ завистниками; каждый почтовый день они сообщаютъ небывалыя событія,

даюшъ деньги газешчикамъ и заставляюшъ ихъ бишь наши войска на бумагѣ дважды въ недѣлю. То же самое было и въ прошедшую войну; но происшесшвія и особливо миръ, уличили лжецевъ и доказали кшо былъ бишъ. Если вамъ скажушъ, чшо Турки взяли Кинбурнъ, чшо они подсшупили къ Таганрогу и Азову, чшо испребили флошъ Севасшопольскій— не вѣрьше не одному слову. Правда, эшошъ флошъ пошерпѣлъ ошъ бури во время равноденсшвія,[30] даже лишился корабля и фрегаша; за шо Турки въ шо же время пошерпѣли гораздо болѣе, нежели вдвое. Впрочемъ, на шведой землѣ мы непошеряли ни одного вершка.«

Сверхъ нелѣпыхъ слуховъ, кошорые недоброжелашели Русскаго могущесшва сшарались распросшранишь въ Европѣ, одна Держава вознамѣрилась воспользовашься обсшояшельсшвами для приведенія въ исполненіе непріязненныхъ намѣреній, давно шаившихся и шщашельно скрываемыхъ.

Король Шведскій, узнавши, чшо въ Кроншшашѣ снаряжаешся флошъ, объявилъ

нашему Министру, находившемуся въ Стокгольмѣ, что такое вооруженіе онъ считаетъ неблаговиднымъ и употребитъ мѣры къ предупрежденію всѣхъ могущихъ произойти отъ того послѣдствій. Флотъ въ Кронштатѣ вооружался для похода въ Средиземное море, какъ это сдѣлано было и въ первую Турецкую войну. Отъ нашего Двора объявлено было объ этомъ обстоятельствѣ всѣмъ кабинетамъ, въ томъ числѣ и Стокгольмскому. Но Шведскому Королю не угодно было повѣрить такому объявленію, хотя онъ очень хорошо зналъ истинное предназначеніе Балтійскаго Флота. Шведскій Король сталъ вооружать свои сухопутныя и морскія войска и не счелъ для себя неприличнымъ несправедливо объявить, что и Данія приметъ участіе въ войнѣ, если она откроется между Швеціею и Россіею. Такимъ образомъ начались неудовольствія между Россіею и Государствомъ, которое въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ не могло забыть пораженій и потерь, потерпѣнныхъ Карломъ XII отъ Петра Великаго. Но какъ бы то нибыло,

послѣднie мѣсяцы 1787 и начало 1788 года прошли въ переговорахъ, часто запальчивыхъ со стороны Стокгольмскаго кабинета, и наконецъ въ Iюнѣ мѣсяцѣ вспыхнула война: Россiя должна была бороться съ двумя непрiятелями въ одно время, на Югѣ и на Сѣверѣ—и обоихъ побѣдила. Описанiе Россiйско - Шведской войны помѣщено будетъ въ слѣдующей книгѣ; теперь же приступимъ къ повѣствованiю о компанiи противъ Турокъ въ 1788 году.

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXII.

ДѢЙСТВІЯ ГЛАВНОЙ РОССІЙСКОЙ АРМІИ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ ВЪ 1788 ГОДУ. АВСТРІЙСКІЯ ВОЙСКА НАЧИНАЮТЪ ВОЙНУ ВЪ ПОЛЬЗУ РОССІИ.

Турки, избѣгавшіе прежде главныхъ сраженій, въ 1788 году отважились наконецъ на генеральныя морскія битвы, близъ устьевъ Днѣпра.

Сухопушныя войска наши были усилены флошомъ. По новому распредѣленію войскъ, корабельный флошъ находился подъ командою Коншръ - Адмирала

Джонеса; флотъ этотъ состоялъ изъ 5 линейныхъ кораблей отъ 60 до 80 пушекъ и 8 фрегатовъ. Гребная флотилія, имѣвшая 65 легкихъ судовъ, галеръ, ботовъ, пловучихъ батарей и 80 казацкихъ лодокъ, ввѣрена была Принцу Нассау-Зигенъ. Этотъ флотъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ усиленною дивизіею Графа Суворова.

Турецкій флотъ, подъ командою храбраго Генералъ - Адмирала Гассана-Паши— состоялъ изъ двухъ эскадръ. Въ первой находилось 10 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, 4 бомбардирскія лодки, 6 шебекъ, 15 канонирскихъ лодокъ, 19 кирлангичей и 9 фелукъ. Во второй эскадрѣ было 8 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, 21 шебека и 3 бомбардирскія лодки. Въ началѣ Іюля мѣсяца первая эскадра стала подъ Очаковымъ; другая бросила якорь въ 6 миляхъ отъ этой крѣпости. Турки намѣревались, истребивъ наши силы въ Лиманѣ, взять Кинбурнъ, потомъ Херсонъ и наконецъ овладѣть Тавридою. Это намѣреніе обнародовано Гассанъ-Пашею, по повелѣнію Султана.

6 Іюля первая Турецкая эскадра стояла въ Лиманѣ, на пушечный выстрѣлъ отъ Очакова. Наша флотилія подошла къ непріятельской на пять верстъ, вытянувъ линію, между СВ. и ЮЗ., до самаго Турецкаго берега. 7 числа непріятель атаковалъ нашихъ.

Гребная Лиманская флотилія помѣстилась вдоль линіи Контръ-адмирала Джонеса, оставивъ на правой сторонѣ одинъ только резервъ, подъ командою капитана втораго ранга Винтера, состоявшій изъ четырехъ двойныхъ шлюбокъ, четырехъ галеръ, пяти барkасовъ, и четырехъ пловучихъ батарей. Поутру въ 4 часа наши примѣтили движеніе Турецкой эскадры и Принцъ Нассау далъ сигналъ приготовиться къ сраженію. Но Турки еще медлили. Принцъ Нассау съ Контръ-Адмираломъ Джонесомъ отправились въ лодкѣ рекогносцировать непріятеля.

Когда они подъѣхали къ Турецкимъ судамъ не болѣе какъ на два выстрѣла, то тридцать шесть непріятельскихъ лодокъ вышли изъ линіи, открыли сильный огонь и весь Турецкій флотъ на-

Такъ начались морскія сраженія. Въ слѣдующіе дни были шибки не столь значительные, но несдѣлавшіе ни малѣйшаго вреда нашимъ судамъ.

Между тѣмъ Суворовъ приказалъ заложить на концѣ Кинбурнской косы батарею, для защищенія обоихъ форватеровъ; она скоро была окончена; на нее поставили четыре 18 и 24 фунт. пушки. 2 баталліона Орловскаго полку, посмѣнно, стояли при ней въ ружьѣ.[32]

Іюля 16, Гассанъ-Паша намѣревался рѣшительно исполнить повелѣніе своего Государя, то есть взять Кинбурнъ и оттуда идти въ Тавриду. Между Очаковымъ и гаванью Глубокою находится столько отмелей, что и малое судно едва можетъ безопасно пробраться между нихъ. Но не смотря на неудобство такого пути, Генералъ-адмиралъ Турецкій, надѣясь на искусство своихъ лоцмановъ, пошелъ по этому пути къ Кинбурну. Корабль Капудана-Паши сѣлъ на мель; Паша сошелъ на кирлангичь привелъ свой флотъ къ нашимъ судамъ

и поставилъ его противъ лѣваго фланга: Турки съ презрѣніемъ смотрѣли на безсиліе нашего флота и увѣренные въ побѣдѣ, палили во всю ночь. Поутру рано, на всѣхъ парусахъ они пошли противъ нашихъ и сраженіе началось.

17 числа поутру, Принцъ Нассау, поручивъ команду праваго фланга гребной флотиліи Контръ-Адмиралу Алексіано, самъ повелъ на непріятеля лѣвый, противъ котораго находилась линія большихъ Турецкихъ судовъ. Двадцать двѣ лодки, вооруженныя 18-ти фунт. пушками, умножали силу нашей флотиліи. Въ четыре часа поутру снялась съ якоря парусная флотилія и тоже пустилась прямо на непріятеля. Едва пальба продолжалась съ часъ, какъ одинъ изъ лучшихъ Турецкихъ 70 пушечн. кораблей сѣлъ на мель. Вскорѣ 80 пушечн. Адмиральскій Гасана—Паши корабль имѣлъ туже участь. Два 40 пушечн. фрегата подошли къ нему съ боку, чтобы снять его съ мели буксиромъ; но одинъ изъ фрегатовъ тоже остался на мѣстѣ, другой не могъ ничего сдѣлать.

Принцъ Нассау приказалъ большей части своихъ гребныхъ судовъ подойти къ обмелевшимъ кораблямъ; не смотря на сильные выстрѣлы картечью, наши окружили Адмиральскій корабль и Черноморскіе казаки вошли на бортъ. Турки упорно защищались болѣе часа; но три наши пловучія баттареи, три галеры и двѣ шлюбки заняли промежутокъ остановившейся за мелководіемъ парусной эскадры и открыли губительный огонь по Турецкимъ судамъ; непріятель принужденъ былъ отступить и мелкія суда его стали искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Легкость хода и попутный вѣтръ благопріятствовали ихъ отступленію.

Обмелевшихъ кораблей невозможно было спасти; они были сожжены. Послѣ четырехъ часоваго сраженія побѣда рѣшительно осталась за Русскими. Турки потеряли болѣе 2000 человѣкъ убитыми; 1500 достались намъ въ плѣнъ. Уронъ съ нашей стороны не превышалъ 200 человѣкъ убитыми и 800 тяжело ранеными.[35]

Послѣ этого, несчастнаго для Турокъ сраженія, Гассанъ-Паша хотѣлъ соединиться съ флотомъ, стоявшимъ въ открытомъ морѣ. 19 Іюня въ полночь, взявъ всѣ нужныя предосторожности, онъ снялся съ якоря пошелъ на всѣхъ парусахъ. Ночь была темна и когда онъ поровнялся съ Кинбурнскою косою, мимо которой ему должно было идти, то вдругъ открылся жестокій огонь, осыпавшій калеными ядрами Турецкій авангардъ; нѣсколько судовъ было взорвано, много посажено на мель. Эта пальба открыта была съ баттареи, устроенной Суворовымъ.

Поутру наши легкія суда и парусная эскадра пошли на разстроеннаго непріятеля. Канонерскія лодки напали на 4 фрегата и линѣйные корабля и два изъ нихъ успѣли зажечь; остальные были разграблены и тоже — взорваны на воздухъ. Къ полудню кончилось сраженіе.

Русскіе потеряли не болѣе 180 человѣкъ убитыми и до 800 ранеными. Уронъ

Турокъ простирался до 3000 убитыми и 2000 взятыми въ плѣнъ. Сверхъ того Русскимъ, кромѣ богатой добычи съ зажженныхъ кораблей, достались два фрегата и линѣйный корабль, спустившіе флаги во время битвы.[34]

Три линѣйныхъ корабля, 5 фрегатовъ было взорвано на воздухъ. 17 гребныхъ судовъ сожжены или затоплены. Гассанъ-Паша ушелъ во время ночи съ авангардомъ и не прежде вечера узналъ объ участи своихъ линѣйныхъ кораблей и фрегатовъ.

1 и 2 Августа, Принцъ Нассау, преслѣдовавшій побѣжденный Турецкій флотъ сжегъ еще два фрегата, 7 галеръ и кирлангичей, и взялъ въ плѣнъ 5 галеръ и шебекъ. Такимъ образомъ, почти весь непріятельскій флотъ, находившійся подъ Очаковымъ былъ уничтоженъ. Въ эти два дни Турки еще лишились слишкомъ 1500 чел. убитыхъ и 1000 взятыхъ въ плѣнъ. Оставшіяся цѣлыми Турецкія суда удалились въ море, гонимыя страхомъ.

Послѣ столь значительныхъ успѣховъ, Потемкинъ - Таврическій рѣшился подступить къ Очакову. 28 числа Іюля занятъ былъ лагерь при Анджиголѣ, ниже устья Буга, при Днѣпровскомъ Лиманѣ, въ виду Очакова. Осада этой крѣпости, продолжавшаяся болѣе четырехъ мѣсяцевъ и счастливо окончившаяся, начата была 5 Августа.

Между тѣмъ, какъ происходили сраженія между нашимъ и непріятельскимъ флотами, Австрійскія войска присоединились къ Русскимъ, бывшимъ въ Молдавіи и Валлахіи. 7 Апрѣля Принцъ Кобургскій подошелъ, при рѣкѣ Ларгѣ, къ непріятельскому лагерю Паши Ибрагимъ-Назыря, атаковалъ его и обратилъ въ бѣгство, оставя на мѣстѣ убитыхъ двѣсти человѣкъ Спаговъ и Янычаръ. На другой день Полковникъ Фабри, преслѣдуя непріятеля, взялъ Яссы. Назырь-Паша скрылся въ Измаилѣ.

Въ то же время, отправленные въ Черное море изъ Севастополя наши

крейсеры, Шкиперы: Дмитрій Кундури, Дмитрій Купа, Гонале, Нелиси и Иванъ Калемери, имѣли нѣсколько стычекъ съ непріятельскими транспортными судами, нагруженными хлѣбомъ, не разъ разбивали ихъ, брали въ плѣнъ и сожгли нѣсколько баркасовъ.[35]

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXIII.

ОСАДА И ШТУРМЪ ОЧАКОВА. РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДАНАЙСКІЙ. ВЗЯТІЕ ХОТИНА. ДѢЙСТВІЯ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ И ЗА КУБАНЬЮ.

Пошемкинъ, рѣшившійся взяшь Очаковъ, распорядился шакимъ образомъ, чшо силы непріяшеля не могли бышь сосредошочены на одномъ пункшѣ. Въ одно и шоже время дѣйсшвовали войска Фельдмаршала Румянцова - Задунайскаго въ Молдавіи и Валахіи, Генераловъ Текелли и Талызина за Кубанью. Севасшопольскій флошъ, ввѣренный Коншръ -

Адмиралу Графу Войновичу и состоявшій изъ двухъ линѣйныхъ 70-ти пушечн. кораблей, десяти фрегатовъ 40 и 50-ти пушечн. и двадцати четырехъ мелкихъ судовъ, крейсировалъ въ Черномъ морѣ. Днѣпровская флотилія тоже споспѣшествовала успѣхамъ Очаковской осады.

Въ то время какъ Потемкинъ дѣлалъ приготовленія къ осадѣ Очакова, флотъ, ввѣренный Войновичу, встрѣтилъ Іюля 3 непріятеля, близъ острова Ѳеодоносіи. Турецкій флотъ составляли пятнадцать линѣйныхъ кораблей, отъ 70 до 80-ти пуш., восемь фрегатовъ, три бомбардирскіе корабля, и двадцать одинъ кирлангичь. Не смотря на то, что на каждый нашъ корабль приходилось по пяти непріятельскихъ, не смотря на то, что Турки были на вѣтрѣ, Войновичъ одержалъ рѣшительную побѣду.

Турки первые начали дѣло; Капуданъ-Паша вышелъ изъ линіи и пошелъ было на нашихъ, производя сильный огонь и вспомоществуемый пальбою съ прочихъ судовъ своихъ. Онъ покушался было отрѣзать два передовые наши фрегата,

Бориславъ и *Стрѣлу;* но линѣйный корабль *Павелъ*, управляемый Бригадиромъ Ушаковымъ, прибавя парусовъ, оставилъ за собою фрегаты и принудилъ Турецкій корабль показать корму; въ эту самую минуту залпъ, сдѣланный фрегатами, былъ столь удаченъ, что съ Адмиральскаго непріятельскаго корабля полетѣли огромныя доски и на немъ показался густой дымъ. Отважный Капуданъ-Паша удалился за линію своихъ судовъ.

Послѣ этого завязался общій, кровопролитный бой, продолжавшійся болѣе четырехъ часовъ; нѣсколько мелкихъ Турецкихъ судовъ пошли ко дну. Капуданъ-Паша обратился въ бѣгство.[86]

Два дня прежде этого сраженія, Потемкинъ, видя, что суда, спасшіяся отъ пораженій, претерпѣнныхъ ими при Кинбурнской косѣ, и остановившіяся въ виду Очакова, могли нашимъ войскамъ вредить во время осадныхъ работъ, приказалъ Принцу Нассау атаковать ихъ. Приказаніе было исполнено съ примѣрною храбростію, подъ выстрѣлами крѣ-

Принцъ Нассау приказалъ большей часши своихъ гребныхъ судовъ подойши къ обмелевшимъ кораблямъ; не смошря на сильные выспрѣлы картечью, наши окружили Адмиральскій корабль и Черноморскіе казаки вошли на борщъ. Турки упорно защищались болѣе часа; но шри наши пловучія башшареи, шри галеры и двѣ шлюбки заняли промежушокъ осшановившейся за мелководіемъ парусной эскадры и ошкрыли губишельный огонь по Турецкимъ судамъ; непріяшель принужденъ былъ ошсшупишь и мелкія суда его сшали искашь спасенія въ поспѣшномъ бѣгсшвѣ. Легкосшь хода и попушный вѣшръ благопріяшсшвовали ихъ ошсшупленію.

Обмелевшихъ кораблей невозможно было спасши; они были сожжены. Послѣ чешырехъ часоваго сраженія побѣда рѣшишельно осшалась за Русскими. Турки пошеряли болѣе 2000 человѣкъ убишыми; 1500 досшались намъ въ плѣнъ. Уронъ съ нашей сшороны не превышалъ 200 человѣкъ убишыми и 800 шяжело ранеными.**

лѣтописяхъ военной исторіи осада Очаковской крѣпости.—Гарнизонъ Очаковскій защищался упорно и отчаянно, повторялъ вылазки, хотя и неудачныя, однако всегда кровопролитныя. Потемкинъ, щадя своихъ солдатъ, хотѣлъ тѣсною лишь блокадою принудить Турокъ къ сдачѣ, и между тѣмъ какъ огонь съ нашихъ батарей не прекращался, такъ сказать, ни на минуту, Князь Таврическій бесѣдовалъ съ музами, писалъ стихи, переводилъ съ Французскаго исторію Аббата Флери.

Но между тѣмъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ наступила сильная стужа, сопровождавшаяся большими снѣгами и метелями. Вылазки изъ крѣпости не прекращались. Показались и усилились болѣзни. Положеніе войска становилось день отъ дня тягостнѣе. Сильныхъ сраженій не было, но между тѣмъ убыль въ людяхъ становилась ощутительною.

Солдаты просили своего Полководца вести ихъ на приступъ противъ нечестиваго города, который хотѣли превратить въ гробъ врагамъ Христіанства.

Турокъ простирался до 3000 убитыми и 2000 взятыми въ плѣнъ. Сверхъ того Русскимъ, кромѣ богатой добычи съ зажженныхъ кораблей, достались два фрегата и линѣйный корабль, спустившіе флаги во время битвы.[34]

Три линѣйныхъ корабля, 5 фрегатовъ было взорвано на воздухъ. 17 гребныхъ судовъ сожжены или затоплены. Гассанъ-Паша ушелъ во время ночи съ авангардомъ и не прежде вечера узналъ объ участи своихъ линѣйныхъ кораблей и фрегатовъ.

1 и 2 Августа, Принцъ Нассау, преслѣдовавшій побѣжденный Турецкій флотъ сжегъ еще два фрегата, 7 галеръ и кирлангичей, и взялъ въ плѣнъ 5 галеръ и шебекъ. Такимъ образомъ, почти весь непріятельскій флотъ, находившійся подъ Очаковымъ былъ уничтоженъ. Въ эти два дни Турки еще лишились слишкомъ 1500 чел. убитыхъ и 1000 взятыхъ въ плѣнъ. Оставшіяся цѣлыми Турецкія суда удалились въ море, гонимыя страхомъ.

кошорыхъ Турки полагали всю свою надежду. Хорошее усшройсшво и мужесшво нашихъ войскъ, не забывшихъ еще Ларгскихъ и Кагульскихъ бишвъ, превращили въ ничшо всѣ надежды Мусульманъ.

Пошемкинъ наканунѣ присшупа нѣсколько разъ лично осмашривалъ непріяшельскіе решраншаменшы, подъ пушечными выстрѣлами, ободрялъ солдашъ, обѣщалъ имъ ошдашь городъ въ полную волю—если шолько они возмушъ его. Всѣ пригошовленія къ присшупу были сдѣланы 5 Декабря.

Шшурмъ положено было произвесши въ одно время на городъ, замокъ Гассанъ-Пашинскій, на нагорный решраншаменшъ и на самую Очаковскую (Березань) крѣпосшь. Для эшого назначены были шесшь колонъ, чешыре на правый, и двѣ на лѣвый флангъ. Колонны праваго фланга сосшояли подъ командою Князя Репнина, лѣваго—Генерала Меллера. На правомъ флангѣ первая колонна, подъ начальсшвомъ Генералъ-Маіора Барона Палена назначена была для ашаки Гассанъ-Пашинскаго замка и шамошнихъ решраншаменшовъ, и сосшояла изъ пѣхошнаго

Тамбовскаго полка, башалліона егерей, шысячи пѣшихъ казаковъ и двухъ сошъ конныхъ и двухъ сошенъ Армянскихъ волоншеровъ, предводишельсшвуемыхъ Маіоромъ Авраамовымъ. Эша колонна ошъ шраверза по косогору должна была слѣдовашь прямо къ замку, и зайдя въ шылъ непріяшельскихъ башшарей, овладѣшь ими.

Вшорая колонна раздѣлена была на двѣ часши. Одну сосшавляли Екашеринославскій гренадерскій полкъ и башаліонъ гренадеръ Таврическаго полку, ввѣренные Бригадиру Львову. Другая сосшояла изъ двухъ егерскихъ башаліоновъ и пяшидесяши охошниковъ изъ Елизавешградскаго коннаго полка и находилась подъ командою Полковника Байкова. Вшорая колонна назначена была на два фаса нагорнаго решраншаменша и должна была идши вслѣдъ за первою колонною.

Трешья колонна находилась подъ начальсшвомъ Генералъ-Маіора Князя Волконскаго и была сосшавлена изъ корпуса Лифляндскихъ егерей, башаліона Херсонскаго полка и шрехъ сошъ рабочихъ. Эша

колонна должна была овладѣть правымъ флангомъ крѣпостнаго ретраншамента и часть людей отдѣлить для овладѣнія пушками.

Четвертую колонну долженъ былъ вести на приступъ Бригадиръ Баронъ Мейендорфъ. Она состояла изъ корпуса Бугскихъ егерей, баталіона Астраханскихъ гренадеръ и тоже изъ трехъ сотъ рабочихъ. Эта колонна должна была взойти на ретраншаментъ съ лѣваго фланга и тоже отдѣлить людей къ непріятельскимъ орудіямъ. Къ этимъ колоннамъ Потемкинъ назначилъ: къ первымъ двумъ Принца Ангальта Бернбургскаго къ послѣднимъ Князя Ю. В. Долгорукаго.

На лѣвомъ флангѣ пятая колонна, подъ начальствомъ Бригадира Хрущова, составлена была изъ баталіона гренадеръ, баталіона Алексопольскихъ мушкетеръ и двухъ сотъ пятидесяти рабочихъ. Шестая колонна, ввѣренная Бригадиру Горичу большому, состояла изъ гренадерскаго Фанагорійскаго полка, двухъ баталіоновъ Фишерова и Сукова полковъ, трехъ сотъ артиллеристовъ, ста пятидесяти

охотниковъ изъ разныхъ полковъ, предводимыхъ волонтеромъ Полковникомъ Скаржинскимъ, четырехъ сотъ волонтеровъ Полковника Селунскаго, двухъ сотъ пѣшихъ козаковъ и двухъ сотъ пятидесяти рабочихъ изъ Полоцкаго пѣхотнаго полка. Вся Артиллерія ввѣрена была Артиллеріи Генералу Меллеру. Эти двѣ колонны, при которыхъ Потемкинъ поручилъ быть Генералъ-Маіору Самойлову, должны были атаковать самую крѣпость.

Рабочіе при колоннахъ вооружены были топорами, пилами, кирками и имѣли при себѣ лѣстницы и петарды. Остальные, осаждавшіе Очаковъ войска, не предназначенные къ приступу, раздѣлены были на два резерва—къ правому и лѣвому флангамъ. Конница и легкія войска должны были наблюдать за непріятелемъ со стороны Днѣстра. Пятаго же Декабря Потемкинъ отдалъ приказъ всѣмъ колоннамъ, назначеннымъ къ приступу »атаковать живо и не занимаясь перестрѣлкою идти на штыкахъ; также Штабъ- и Оберъ-Офицерамъ наблюдать поря-

докъ, предупреждашь замѣшашельство и недопускашь кидашься на добычь, а поступашь съ храбростію свойственною Россійскому войску, возлагая несомнѣнную надежду на помощь Божію; шѣхъ изъ Турокъ, кои будушъ сдавашься, отбирая оружіе, отсылашь къ резерву, женщинъ и младенцевъ щадишь непремѣнно.«

Наступилъ роковый для Очакова день 6 Декабря 1788 года. Войска двинулись еще шемнымъ утромъ; въ 7 часовъ всѣ вступили уже въ дѣло.

Непріятель открылъ жестокій огонь на колонны. Баронъ Паленъ, вступя въ Гассанъ-Пашинскій решрашнаменшъ, штыками и копьями выгналъ отшуда непріяшеля. 300 Турокъ положили оружіе. Послѣ этого Паленъ обрашился къ крѣпости.

Между шѣмъ непріяшель устремился на эту колонну изъ нагорнаго решраншаменша. Потемкинъ послалъ на помощь Панину эскадронъ кирасиръ и чешыреста егерей. Подкрѣпленныя шакимъ образомъ войска Палена дружно встрѣтили Турокъ. Непріяшельскій отрядъ былъ

разстроенъ совершенно и 1500 Турокъ, оставшихся невредимыми, отдались въ плѣнъ. Вторая колонна почти безъ сопротивленія подступила къ назначенному ей ретраншаменту и заняла его отъ города до самаго замка. Бригадиръ Львовъ съ гренадерскимъ баталіономъ Екатеринославскаго полка, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, атаковалъ ворота ретраншамента. Турки защищались тутъ отчаянно, несдавались и тогда, когда ворота были уже отворены: они всѣ были истреблены до одного, и гренадеры наши взошли въ городъ по трупамъ убитыхъ.

Третья колонна встрѣчена была еще упорнѣе второй. Но пули и картечи неудержали храбрыхъ егерей Подполковника Маркова, который самъ приставилъ первую лѣстницу и взлетѣлъ на редантъ. Егеря послѣдовали за нимъ и редантъ былъ взятъ. Въ ту же самую минуту Подполковникъ Сипягинъ срубилъ палисадъ и очистилъ путь, по которому Полковникъ Юргенцъ съ своимъ баталіономъ вступилъ въ ретранша-

менть и выгналъ оттуда непріятеля. Четвертая колонна столь же быстро и храбро овладѣла тѣми укрѣпленіями, которые ей приказано было взять.

Но самый жестокій огонь, самое упорное, отчаянное сопротивленіе должны были выдержать пятая и шестая колонны, явившіе неимовѣрные опыты храбрости, мужества и неустрашимости.— Предводитель шестой колонны, Бригадиръ Иванъ Горичь, много субалтернъ Офицеровъ, много рядовыхъ солдать положили при штурмѣ жизнь свою за Вѣру, Монархиню и Отечество... но не отразимый натискъ этихъ двухъ колоннъ рѣшилъ судьбу Очакова.

Пятая колонна, двинувшись къ назначенному ей мѣсту, была встрѣчена непремѣжавшимся градомъ картечи и ружейныхъ пуль. Стройнымъ, твердымъ шагомъ, презирая защиту непріятелей, храбрые Русскіе солдаты, предводимые Бригадиромъ Хрущовымъ, спустились въ ровъ, раздѣлились тамъ на два отряда и, не смотря на высоту палисада, какъ орлы взлетѣли на валъ. Непріятель уси-

лилъ огонь и сверхъ шого принялся за яшаганы и кинжалы. Зажженный Турками фугасъ лишь уменьшилъ число нападавшихъ, не уменьшивъ ихъ ошваги. Колонна подвигалась медленно впередъ, и какъ Пошемкинъ писалъ Императрицѣ »на плечахъ непріяшельскихъ вошла въ укрѣпленіе, »пошомъ спусшилась въ покрышый пушь, вышѣснила оншуда непріяшелей и досшигши до басшіона, овладѣла имъ и вошла вмѣсшѣ съ шесшою колонною въ крѣпосшь.

Шесшая колонна, предводимая Бригадиромъ Горичемъ вмѣсшѣ съ Генералъ-Поручикомъ Самойловымъ, пусшилась на шшурмъ, какъ скоро непріяшель ошкрылъ огонь по пяшой колоннѣ. Въ мгновеніе ока всѣ ея часши были подъ крѣпосшнымъ басшіономъ. И шушъ Турки не жалѣли пороху; но наши, не смошря ни на градъ пуль, ни на каршечные высшрѣлы — быстро усшремились на сшѣну. Бригадиръ Горичь, посшавя собсшвенными руками лѣсшницу, былъ убишъ, не досшигнувъ и половины лѣсшницы. Не прошло и чешверши часа, какъ нижній ба-

стіонъ былъ въ рукахъ нашихъ, и чрезъ пять минутъ — Очаковъ былъ взятъ. Турокъ, засѣвшихъ въ домахъ и землянкахъ и упорно защищавшихся, почти всѣхъ перебили.

Приступъ продолжался часъ съ четвертью. Во все это время Потемкинъ стоялъ неподвижно на одной изъ своихъ баттарей, подперши голову руками, и безпрестанно повторяя: *Господи помилуй! Господи помилуй!* Неподвижно вперивъ взоръ на нападавшихъ, слѣдя всѣ ихъ движенія — онъ казалось не вѣрилъ, чтобы дѣло окончилось счастливо. Стѣны Очакова были неприступны и опытъ слишкомъ отваженъ.

Но Русскіе не знаютъ стѣнъ неприступныхъ. Очаковъ былъ взятъ. Потемкинъ долженъ былъ сдержать данное слово—и отдалъ городъ во власть солдатъ на три дни.

Солдаты получили столько хорошаго оружія, что за вооруженіемъ нѣсколькихъ тысячь легкихъ войскъ, оно продавалось возами. О количествѣ найденныхъ въ городѣ жемчугу, драгоцѣнныхъ камней,

золошыхъ и серебряныхъ уборовъ, дорогой одежды и денегъ, можно судишь пошому, чшо цѣна Голландскихъ червонцевъ въ Русскомъ сшанѣ, послѣ взяшія Очакова, на нѣсколько дней упала до 180 копѣекъ и цѣна Турецкихъ левовъ до 30 копѣекъ.

Трофеи, взяшые въ крѣпосши, сосшояли изъ 310 мѣдныхъ пушекъ и морширъ. Знаменъ взяшо 180. Непріяшеля побишо на мѣсшѣ 8370 человѣкъ; въ шомъ числѣ 283 офицера. Ошъ ранъ умерло 1140. Въ плѣнъ взяшо, кромѣ обывашелей, 4000 человѣкъ. Войска и жишелей въ Очаковѣ было 25000. Нашихъ убишо во время шшурма—Генералъ маіоръ Князь С. Волконскій, Бригадиръ Горичь, Шшабъ-офицеровъ 3, Оберъ-офицеровъ 25; нижнихъ чиновъ 926. Раненыхъ было Шшабъ-офицеровъ 18, Оберъ - офицеровъ 101, нижнихъ чиновъ 1704 человѣка.

Жесшокая зима не позволила зарыш въ землю всѣхъ шруповъ; ихъ вывозил кучами на ледъ—и эши бренные осшанк мужесшвенныхъ воиновъ, нападавших

или защищавшихся, долго служили пищею волкамъ и хищнымъ птицамъ.

За взятіе Очакова Потемкинъ получилъ давно желанный имъ орденъ — Св. Георгія первой степени, сто тысячь рублей и шпагу, съ надписью: »за храбрость,» осыпанную бриліантами въ шестьдесятъ тысячь рублей. Вскорѣ потомъ Таврическій получилъ позволеніе явиться въ С. Петербургъ.

Блистательный пріемъ ожидалъ тамъ покорителя Очакова. Нѣсколько ночей, до пріѣзда Потемкина въ С. Петербургъ, дорога, ведущая въ столицу, была освѣщена огнями, на двадцать верстъ. По пріѣздѣ его въ С. Петербургъ, Императрица предупредила Фельдмаршала своимъ посѣщеніемъ, и потомъ объявила на придворномъ балѣ, *что пришла отъ Князя Потемкина*. Такъ Екатерина умѣла награждать заслуги подданныхъ!

Царедворцы давали Таврическому праздники, стараясь наперерывъ превзойти другъ друга великолѣпіемъ и пышностію. Предъ отъѣздомъ къ арміи, Потемкинъ получилъ отъ Государыни еще сто ты-

сячь рублей, Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный бриліаншами и обвишый богашымъ лавровымъ вѣнкомъ, Орденъ Св. Александра Невскаго для ношенія на груди, прикрѣпленный къ солишеру, стоившему болѣе ста тысячь рублей и шесть милліоновъ рублей на продолженіе военныхъ дѣйствій.

Въ то время, какъ Поштемкинъ-Таврическій осаждалъ Очаковъ, войска, состоявшіе подъ начальствомъ Румянцова-Задунайскаго, подступили къ Хотину. Эту крѣпость осаждали корпуса Русскихъ войскъ подъ командою Графа И. П. Салтыкова, и Австрійскихъ — Принца Саксенъ-Кобургскаго. Осада продолжалась слишкомъ три мѣсяца, и наконецъ крѣпость была занята союзными войсками 18 Сентября. Двухъ тысячный гарнизонъ и всѣ жители Магометанскаго закона, числомъ до шестнадцати тысячь, получили позволеніе выйти изъ Хотина. 153 пушки разнаго калибра, 14 мортиръ, знатное количество мѣлкаго оружія, разныхъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ—составляли трофеи побѣдителей.

По взятіи Хотина, союзныя войска имѣли нѣсколько сраженій съ Турецкими отрядами и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ расположились на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи.

21 Іюня 1788 началась война Россіи съ Швеціею. Не смотря на то, что Русскіе должны были воевать съ двумя врагами въ одно и тоже время, побѣды на Сѣверѣ были столь же блистательны и славны, какъ и на Югѣ.

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXIV.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ ВЪ 1789 ГОДУ. СРАЖЕНІЯ ПРИ БЕРЛАТѢ, МАКСИМЕНАХЪ И ГАЛАЦѢ.

Въ началѣ 1789 года Турки начали собирать главныя силы свои къ нижней части Дуная, намѣреваясь ворваться въ Молдавію и вытѣснить оттуда наши войска. Для опроверженія этихъ покушеній, былъ отряженъ къ Берлату Полковникъ Римскій - Корсаковъ съ резервнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ

двухъ гренадерскихъ баталліоновъ и одного егерскаго, и мушкетерскаго полка съ небольшимъ числомъ тяжелой и легкой конницы. Апрѣля 1, Римскій - Корсаковъ приблизился къ Берлату, и увидавъ тамъ непріятельскіе полки, пошелъ имъ навстрѣчу. Турокъ было до шести тысячъ конницы и до двухъ тысячъ пѣхоты, при нѣсколькихъ пушкахъ, подъ командою Кара - Мегметъ - Паши. Послѣ шести часоваго, упорнаго дѣла, Турки, потерпѣвъ значительный уронъ, принуждены были отступить на пятнадцать верстъ.

Римскій - Корсаковъ на всемъ этомъ пространствѣ живо преслѣдовалъ непріятеля; но видя, что Турки усилились до десяти тысячъ, послалъ къ Генералу-поручику Дерфельдену за подкрѣпленіемъ, который и прислалъ изъ своего корпуса два баталліона пѣхоты и три эскадрона конницы и вскорѣ потомъ самъ отправился для соединенія войскъ своихъ съ войсками Римскаго - Корсакова. Между тѣмъ Корсаковъ, получивъ подкрѣпленіе, напалъ на непрія-

шеля и взявъ два знамя и одну пушку, принудилъ Турокъ отступить еще далѣе, къ Максименамъ.

16 Апрѣля Дерфельденъ соединился съ Корсаковымъ, и войска наши быстро атаковали непріятеля, стоявшаго при Максименахъ. Упорнѣйшее и кровопролитное сраженіе, при этомъ мѣстѣ, продолжалось съ 5 часовъ утра до самаго полудня, и Турки, потерявъ 400 человѣкъ убитыми, не считая утопшихъ въ рѣкѣ Серетѣ, и плѣнными болѣе 100 человѣкъ, отступили къ Галацу. Двѣ мѣдныя пушки и 4 знамя были трофеями побѣдителей.[38]

При Галацѣ оба враждовавшія войска три дни не обнаруживали, ни то ни другое, намѣренія сразиться. Дерфельденъ далъ отдыхъ войскамъ своимъ, приказавъ между тѣмъ Римскому - Корсакову дѣлать наблюденія надъ непріятелемъ со стороны Браилова и не допускать изъ этой крѣпости никакихъ подкрѣпленій къ Турецкимъ войскамъ, стоявшимъ при Галацѣ. Въ то же время Турки спѣшили сдѣлать нѣсколько укрѣпленій, чтобы

бытъ въ состояніи удержать за собою позицію. Когда Турки, 20 Апрѣля, успѣли уже сдѣлать два редута, Дерфельденъ, оставя при Максименахъ Смоленскій пѣхотный полкъ и три эскадрона кавалеріи подъ командою Подполковника Графа Апраксина, самъ двинулся къ позиціи, занимаемой войсками Корсакова, и соединясь съ нимъ, пошелъ на непріятеля. Наши войска были сдвинуты въ одну колонну. Подходя къ Туркамъ, Дерфельденъ выслалъ свои легкія войска для перестрѣлки съ Турецкими всадниками и разстроилъ тѣмъ всѣ планы непріятеля, который думалъ, что атака будетъ произведена съ фронта нашихъ войскъ, собралъ къ этой сторонѣ всѣ свои орудія. Но, въ ту же минуту Дерфельденъ, перейдя лощину предъ укрѣпленіями непріятельскими, взошелъ на возвышеніе, бывшее у него въ правой сторонѣ, выстроилъ тамъ войска свои въ 5 каре и стремительно ударилъ въ лѣвый Турецкій флангъ. Первый непріятельскій редутъ, вооруженный шестью пушками и защищаемый тысячею Яны-

чаръ, мгновенно былъ окруженъ нашими войсками съ фаса и фланговъ. Янычары, по видимому, рѣшились защищаться до послѣдней крайности; картечь и ружейные выстрѣлы сыпались градомъ, но ничто не могло остановить храбрыхъ Русскихъ солдатъ. Они вошли въ ровъ и на парапетъ. Турки упорно, отчаянно оборонялись и, видя, что огонь не помогаетъ, взялись за сабли и кинжалы. Наши ударили въ штыки. Янычары не сдавались и всѣ до одного были положены на мѣстѣ гренадерами. »Исправя мужественно свое дѣло,» какъ писалъ Дерфельденъ Потемкину, наши войска заняли позицію между взятымъ редутомъ и другимъ еще защищаемымъ Турками. Какъ скоро Подполковникъ Воейковъ открылъ огонь по второму редуту изъ восьми орудій, Дерфельденъ пошелъ противъ Турокъ тамъ бывшихъ, штыками намѣреваясь принудить ихъ къ сдачѣ. Не прошло и получаса, какъ Турки приклонили знамена, прося выслушать ихъ предложенія. Огонь былъ прекращенъ и Сераскиръ - Ибрагимъ Паша при-

слалъ къ Дерфельдену парламентера: Турки обѣщали положить оружіе, если ихъ отпустятъ въ Браиловъ. Но Русскій военачальникъ не согласился окончить сраженіе на такомъ условіи и сказалъ парламентеру, что если Турки, положивъ оружіе, сдадутся военноплѣнными, то жизнь ихъ будетъ пощажена; въ противномъ случаѣ, готовились бы снова начать сраженіе и, быть можетъ, кончить тѣмъ, чѣмъ кончили его защищавшіе первый редутъ. Между тѣмъ, какъ происходили эти переговоры, Турки, думавшіе воспользоваться мгновеннымъ прекращеніемъ огня, начали было исправлять поврежденныя нашими выстрѣлами орудія и укрѣпленія. Дерфельденъ, увидавъ это, приказалъ своимъ войскамъ, стоявшимъ въ резервѣ, приблизиться къ незанятымъ еще сторонамъ редута.

Турки были окружены со всѣхъ сторонъ; имъ оставалось или умереть или отдаться въ плѣнъ. Они выбрали изъ двухъ золъ меньшее: стали сначала выходить поодиначкѣ изъ редута, вскорѣ бросились толпами, и всѣ до од-

ного положили оружіе, отдавшись во власть победителей. Число Турокъ, бывшихъ во второмъ редутѣ, простиралось болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; но остались живыми и отдались въ плѣнъ, всего 1492 человѣка; между ними были Сераскиръ-Ибрагимъ-Паша, двухъ бунчужный Арнаутъ-Паша и нѣсколько другихъ Пашей. »Все оружіе, весь лагерь и знатныя корысти достались въ добычу воинамъ.« Сверхъ того взято 37 знаменъ, 10 мѣдныхъ пушекъ и 3 чугунныхъ. Въ этомъ сраженіи Турокъ побито было болѣе трехъ тысячъ. Потеря нашихъ, въ сравненіи съ непріятельскою, была слишкомъ незначительна. Уничтоживъ такимъ образомъ покушенія непріятеля, намѣревавшагося было проникнуть въ Молдавію, Генералъ Дерфельденъ возвратился къ арміи, ввѣренной Князю Н. В. Репнину, заступившему мѣсто Фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго.[39]

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXV.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ФОКШАНАХЪ И РЫМНИКСКАЯ БИТВА. ВЗЯТІЕ БѢЛГРАДА, БЕНДЕРЪ, АККЕРМАНА И УКРѢПЛЕННАГО ЗАМКА ХАДЖИ - БЕЙ.

Николай Васильевичъ Репнинъ, получивъ извѣстіе, что тридцати-тысячный Турецкій корпусъ собрался близъ Фокшанъ, предписалъ Суворову, соединясь съ Римско-Императорскими войсками, аттаковать непріятеля. 17 Іюля, 4 баталліона гренадеръ, 2 егерей, 4 мушкетеръ, 9 эскадроновъ карабинеръ, 2 Донскихъ пол-

ка и 800 человѣкъ Арнаутъ, предводимые Суворовымъ, перешли рѣку Серетъ, не подалеку отъ Берлата и соединились съ Римско - Императорскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Принца Саксенъ-Кобургскаго. Наши войска составляли лѣвую колонну союзнаго корпуса, Австрійскія правую.

20 Іюля Суворовъ послалъ Инженеръ-маіора Воеводскаго съ 80 казаками осмотрѣть рѣку Путну. Воеводскій, окончивъ порученіе, вдругъ увидалъ толпу Турокъ, прибывшую съ другаго берега Путны, втрое превосходившую его силы, и, желая заманить ее ближе къ своему лагерю, началъ тихо отступать, пославъ въ лагерь извѣстіе о показавшемся непріятелѣ. Когда до Русскаго лагеря оставалось не болѣе пяти верстъ, Воеводскій ударилъ на Турокъ, и такъ удачно, что остановилъ ихъ напоръ; между тѣмъ Турки начали усиливаться и въ 8 часовъ по полудни союзныя войска выступили впередъ. Суворовъ выслалъ противъ Турокъ казачій Грекова полкъ, а Принцъ Кобургскій эскадронъ своихъ тусаръ, и

Турки были откинуты съ большимъ урономъ за рѣку Путну. Въ то же время союзныя войска начали наводить понтоны чрезъ эту рѣку. Турки употребляли всѣ средства, чтобы воспрепятствовать переправѣ войскъ; но всѣ усилія ихъ были тщетны. Какъ скоро понтоны были готовы, первая рота Кауницова полка (бывшая въ авангардѣ Суворовой колонны) перешла на противный берегъ; за ней послѣдовало и все лѣвое крыло союзнаго корпуса.[40]

21, на разсвѣтѣ прибыла къ переправѣ и правая колонна и тоже перешла на другой берегъ Путны. Между тѣмъ авангардъ Суворова, послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ Турецкими наѣздниками, принудилъ Турокъ отступить къ Фокшанамъ. Союзныя войска подвинулись впередъ; Турки открыли сильный огонь изъ своихъ укрѣпленій. Но не смотря на огонь непріятельскій, наши приближались твердымъ шагомъ къ укрѣпленіямъ, и тогда только открыли пальбу, когда можно было полагать навѣрное, что выстрѣлы произведутъ желаемое дѣй-

ствіе. Сильная канонада, открытая Русскими, скоро заставила молчать Турецкія пушки; между тѣмъ наша кавалерія сбила Турецкіе конные полки. Гусары Римско-Императорскіе врубились въ непріятельскую пѣхоту и часть ее оттѣснили на тысячу шаговъ. Въ то же время Генералъ-поручикъ Дерфельденъ, съ двумя гренадерскими и двумя егерскими баталліонами и съ частію Римско-Императорской пѣхоты, быстро атаковалъ непріятельскіе окопы и чрезъ полчаса овладѣлъ ими.

Часть Турецкой пѣхоты заперлась въ укрѣпленномъ Фокшанскомъ монастырѣ Св. Самуила. Выстрѣлы нѣсколькихъ орудій союзной артиллеріи, привезенныхъ туда, направлены были на стѣны и бойницы монастыря, въ которыхъ засѣвшіе Турки отстрѣливались. Заваленныя ворота и калитка были разрушены съ нѣсколькихъ выстрѣловъ и союзныя войска вошли внутрь стѣнъ монастырскихъ и приняли непріятеля въ штыки: Турки, скрывшіеся въ монастырь, всѣ до одного или были истреблены или взяты въ

плѣнъ. Фокшаны были во власти союзниковъ.

Сраженіе продолжалось девять часовъ. Турокъ было побито до двухъ тысячъ; болѣе трехъ сотъ взято въ плѣнъ. 10 пушекъ, 16 знаменъ, весь лагерь съ палатками, оружіемъ и припасами достались побѣдителямъ. Сверхъ того, легкія войска, посланныя въ погоню за непріятелемъ, устремившимся къ рѣкамъ Бузео и Рымнику, получили еще въ добычу нѣсколько повозокъ съ аммуниціею и хлѣбомъ и нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота.[41]

Проигравшіе сраженіе при Фокшанахъ Турки присоединились къ войскамъ Верховнаго Визиря, который намѣревался переправиться въ Яссы. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, выступилъ въ походъ на другой день сраженія и пошелъ на Ачудъ. Но полученное извѣстіе оказалось несправедливымъ и, послѣ нѣсколькихъ переходовъ въ разныя стороны, Суворовъ расположилъ войска свои въ Берлатѣ. Тутъ 6 Сентября получилъ онъ увѣдомленіе отъ Принца Саксенъ-Кобургскаго, что Верховный Визирь съ многочислен-

нымъ войскомъ, отъ стороны Браилова, переправился чрезъ рѣку Бузео, и сталъ лагеремъ при деревнѣ Граденешти. На другой день Принцъ прислалъ Суворову другое письмо, увѣдомлялъ, что Визирь перенесъ свой лагерь впередъ на 4 часа пути, расположился при Мартынешти, въ разстояніи отъ лагеря Римско-Императорскихъ войскъ не далѣе тридцати верстъ и по видимому намѣренъ напасть на союзныя войска.

Получивъ эти извѣстія, Суворовъ выступилъ 8 числа въ самую темную ночь, перешелъ въ полдни Берлатъ черезъ мостъ и пошелъ прямо на Серетъ, гдѣ надѣялся найти Австрійскіе понтоны; но они были выше на 14 верстъ у Маричешти. Эти 14 верстъ должно было идти по самой дурной и трудной дорогѣ. Проливной дождь увеличилъ еще невыгоду пути. Когда Суворовъ подошелъ къ берегу съ частію передовыхъ карабинеръ, бурею поворотило мосты и переходъ сдѣлался опаснымъ. Пѣхота шла нѣсколько верстъ по колѣно въ грязи; люди и лошади вязли. Наконецъ нашли въ лѣсу довольно сухое

мѣсто и солдаты расположились тутъ на ночь. Между тѣмъ Инженеръ-маіоръ Курисъ, съ 2500 человѣкъ крестьянъ и казаковъ, исправилъ дорогу и понтоны. На разсвѣтѣ 10 числа, когда погода утихла, войска переправились черезъ Путну, и въ полдень соединились съ войсками Принца Кобургскаго.

Турецкая армія подвинулась, въ это время, къ рѣкѣ Рымнику, въ 28 верстахъ отъ Мильковой, гдѣ стояли союзныя войска. Суворовъ, осмотрѣвъ положеніе непріятеля, нашелъ, что прямо идти чрезъ рѣку Рымникъ, по крутизнѣ береговъ и въ виду непріятельскаго лагеря, было бы неудобно; онъ счелъ за лучшее переправиться нѣсколько ниже. Союзныя войска раздѣлились на двѣ колонны, и 10 числа, по захожденіи солнца, выступили съ мѣста, перешли Мильковъ въ бродъ, и въ полночь подоспѣли къ рѣкѣ Рымнику.[42]

Эта рѣка была, въ избранномъ мѣстѣ переправы, не шире 50 шаговъ и не глубже трехъ футовъ; а потому, чтобы не надѣлать шуму, Суворовъ велѣлъ переправляться безъ понтонныхъ мостовъ.

Крушизна прошивоположнаго берега замедлила, на нѣсколько часовъ, переправу аршиллеріи; но на разсвѣшѣ всѣ Русскія войска перешли уже рѣку и построились въ боевой порядокъ. Мѣсто переправы отстояло отъ Турецкаго лагеря не далѣе десяти верстъ; но корпусъ Суворова, во время своего марша, не встрѣтилъ ни одного непріятельскаго разъѣзда и не былъ примѣченъ. Турки думали, что Русскіе стоятъ подъ Пучченями, верстахъ въ пятидесяти отъ Рымника, и никакъ не полагали, чтобы они такъ скоро могли явиться близъ ихъ лагеря. Турокъ было болѣе 12000, подъ командою двухъ бунчужнаго Паши— Хаджи Сартари.

Какъ скоро Русскіе приближились къ непріятельскому лагерю на полторы версты, Турки открыли сильный огонь изъ своихъ орудій; но солдаты наши, не смотря на то, что на дорогѣ было много рытвинъ, по которымъ трудно было перевозить аршиллерію, начали ставить батареи. Между тѣмъ конница, бывшая на правомъ крылѣ подъ командою Бри-

гадира Бурнашева, начала апшаку. Турки спояли на возвышеніи и лощиною зашли нашимъ въ бокъ, ударили на каре Шасшакова, бывшаго на правомъ крылѣ. Эша апшака произведена была 7000 Янычаръ и Спаговъ. Бой продолжался болѣе часу, и Турки были опрокинушы. Янычары, сѣвъ на лошадей позади Спаговъ, обрашились въ бѣгсшво. Прочіе союзныя войска взяли между шѣмъ непріяшельскую баштарею и овладѣли лагеремъ. Турки побѣжали по Бухаресшской дорогѣ къ мѣсшечку Рымникъ.

Между шѣмъ Турки узнали слабосшь Русскаго корпуса. Османъ-Паша, взявъ съ собою 15000 человѣкъ конницы, хошѣлъ окружишь нашихъ, прежде нежели они досшигнушъ высошы Боксы. Принцъ Кобургскій, переправившійся чрезъ Рымникъ, версшъ на 8 ниже переправы Русскихъ войскъ, не успѣлъ соединишься съ ними прежде ихъ прибышія къ Тиргокули, и во время сраженія находился отъ нихъ версшахъ въ чешырехъ. Османъ Паша, увидавъ корпусъ Принца, счелъ за лучшее напасшь на него, нежели на Рус-

скихъ. Но и въ сраженіи съ Австрійцами Турки принуждены были отступить.

Суворовъ въ это время далъ отдыхъ своимъ войскамъ, расположивъ ихъ въ 7 верстахъ отъ Тиргокули, недалеко отъ деревни Каяты; Австрійскія войска стояли верстахъ въ трехъ отъ Русскихъ Силы Великаго Визиря были расположены за Крингумеларскимъ лѣсомъ на Рымникѣ, въ десяти верстахъ отъ корпуса союзниковъ. Турки выкопали вдоль по опушкѣ лѣса шанцы, въ которыхъ намѣревались оставить обозъ, и 31 числа напасть на Принца Кобургскаго; но Суворовъ разрушилъ всѣ планы предводителя Мусульманъ.

11 числа, поутру, Русскіе, обойдя непріятельскіе баттареи, пошли къ Крингумеларскому лѣсу. Въ то же время Визирь съ 40000 напалъ на корпусъ Принца Кобургскаго: Австрійцы были сильно тѣснимы и принуждены выдержать шесть сильныхъ аттакъ. Приблизясь къ Римско - Императорскимъ войскамъ, на полторы версты, Суворовъ увидалъ, что Турки начинаютъ отступать, послалъ

сказать Принцу Кобургскому, чтобы онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, какъ скоро увидитъ, что наши войска начнутъ сраженіе. Турки, между тѣмъ, отступили и огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился.

Австрійцы остановились противъ правой стороны Крингумеларскаго лѣса. Суворовъ, поставивъ свои шесть каре полукружіемъ, пошелъ прямо на укрѣпленный лѣсъ. Турки открыли опять ужасный огонь. Чтобы сберечь людей, Суворовъ приказалъ конницѣ сдѣлать нападеніе на лѣсъ чрезъ интервалы между кареями. Конница наша быстро перенеслась чрезъ рвы и валы и сильно ударила на Турокъ; завязался рукопашный бой; Турки отчаянно защищались саблями и кинжалами, но принуждены были уступить сильному напору и начали отступать отъ своихъ пушекъ. Въ ту же минуту прискакали Венгерскіе гусары и окончили начатое Русскими карабинерами. Казаки, уланы и Австрійскіе арнауты напали на лѣсъ слѣва и сзади. За ними послѣдовала союзная пѣхота и въ четы-

Потеря Турокъ была слишкомъ не маловажна: они лишились въ два дня болѣе десяти тысячъ убитыми. Визирь въ донесеніи Дивану показалъ уронъ свой въ двадцати тысячахъ, полагая въ этомъ числѣ убитыхъ, умершихъ послѣ сраженія отъ ранъ и бѣжавшихъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человѣкъ убитыми и до трехъ сотъ ранеными. 80 пушекъ, 100 знаменъ, весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ.[44]

Слѣдствіемъ Рымникской битвы было взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину-Таврическому. Въ то же время Генералъ-поручикъ Гудовичъ и Адмиралъ Рибасъ взяли приступомъ укрѣпленное мѣсто Гаджибей, названное послѣ Одессою. Въ Бендерахъ Русскіе взяли 300 пушекъ, 25 мортиръ, 12000 пудовъ пороху, »превеликое множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей и другихъ воинскихъ снарядовъ,» 22000 пудъ сухарей и 25000 четвертей хлѣба. Бендеры сдались 4 Ноября. Крѣпость Акерманъ, въ которой

взято 88 пушекъ и мортиръ и 32 знамя, сдалась 30 Сентября. Взятіе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большей части Бессарабіи.[46] Расположивъ войска на зимнихъ квартирахъ, Потемкинъ отправился въ Яссы. Тамъ началъ онъ переговоры съ Турками, изнуренными войною. Въ началѣ 1790 года прекратилась жизнь ревностнаго союзника Екатерины II, Императора Іосифа.[46]

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXVI.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЙНЫ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ ВЪ 1790 ГОДУ.
КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ Ѳ. Ѳ. УШАКОВЪ.

Переговоры, начашые было въ Яссахъ, были безуспѣшны; война должна была возобновишься, не смотря на шо, что Пошемкинъ, всегда щадившій кровь человѣческую, умѣлъ склонишь посредствомъ золоша на свою сторону Султаншу Валиду, имѣвшую вліяніе на дѣла Дивана и подружишься съ Капишаномъ - Пашею, который успѣлъ свергнушь Верховнаго

Визиря, явнаго врага Россіи.[47] Пошемкинъ прислалъ въ Маѣ мѣсяцѣ приказъ Конпръ-Адмиралу Ѳедору Ѳедоровичу Ушакову, выйши съ своею эскадрою изъ Севастополя для поисковъ надъ непріяшелемъ у береговъ Анашолійскихъ.

Эскадра Ушакова состояла изъ шрехъ кораблей, чешырехъ фрегашовъ и двѣнадцаши крейсерскихъ судовъ. 16 Мая суда наши вышли изъ Севастополя и 21 были уже близъ Синапы. Ушаковъ подходилъ подъ самыя пушки Синапа, сжегъ и потопилъ болѣе двадцаши непріяшельскихъ судовъ, снималъ планы съ крѣпосшей Турецкихъ, брандскугелями привелъ въ трепешъ Анапу и, не находя возможносши съ малыми силами сдѣлашь большаго вреда непріяшелю, возврашился 5 Іюня въ гавань Севастопольскую, гдѣ гошовилась другая эскадра, долженсшвовавшая шоже посшупишь подъ его начальсшво.

Но между шѣмъ, какъ вооружались наши корабли въ Севастополѣ, усилился и Турецкій флошъ. Кучукъ-Гуссейнъ, Капишанъ паша, ошличавшійся особенною храбросшію, хошѣлъ предупредишь Рус-

скихъ и самъ двинулся къ берегамъ Крыма. 2 Іюля флотъ нашъ, увеличенный до 10 линѣйныхъ кораблей, 6 фрегатовъ, 14 крейсерскихъ судовъ и 2 брандеровъ, выступилъ въ море и 8 числа Ушаковъ увидалъ Турецкіе парусы близъ Еникальскаго пролива. Турки имѣли у себя осмнадцать линѣйныхъ кораблей и тридцать шесть фрегатовъ, бомбардъ, шебекъ, бригантинъ и кирлангичей и сверхъ того нѣсколько меньшихъ вооруженныхъ судовъ.

Ушаковъ немедленно снялся съ якоря и построилъ линію баталіи лѣваго галса, на которую непріятель спѣшилъ спуститься, ведя атаку свою на авангардъ. Въ полдень Турки открыли огонь и Капитанъ-паша безпрестанно усиливалъ атаку, увеличивая число дѣйствовавшихъ кораблей. Ушаковъ далъ сигналъ, по которому фрегаты отдѣлились изъ линіи назадъ, корабли же сомкнули свою дистанцію и пошли на непріятеля. Вѣтръ въ это время перемѣнился на четыре румба и способствовалъ нашимъ кораблямъ подойти на такое разстояніе, что

они могли дѣйствовать даже картечью. Непріятель, приведенный въ замѣшательство этою перемѣною, началъ поворачивать всею густою колонною чрезъ овер-штагъ, а нѣкоторые корабли, дѣлая поворотъ по вѣтру, стремились на самое близкое разстояніе къ нашимъ кораблямъ. Флагманскій корабль *Рождество Христово* и другой линѣйный *Преображеніе Господне* жестокою, безпрерывною и мѣткою пальбою, столько повредили непріятельскіе корабли и особливо Адмиральскій, который былъ два раза зажженъ, что Капитанъ-паша принужденъ былъ спуститься подъ вѣтеръ; но проходя контръ-галсомъ паралельно линіи нашихъ кораблей на самомъ близкомъ разстояніи, подвергся самому сильному и не перемѣжавшемуся дѣйствію артиллеріи. Нѣсколько кирлангичей Турецкихъ пошло на дно.

Контръ-адмиралъ Ушаковъ, будучи уже на вѣтрѣ, сдѣлалъ сигналъ авангарду поворотить оверштагъ, кораблю своему быть передовымъ, всѣмъ же прочимъ, не наблюдая мѣстъ, поспѣшать въ килва-

Потеря Турокъ была слишкомъ не маловажна: они лишились въ два дня болѣе десяти тысячъ убитыми. Визирь въ донесеніи Дивану показалъ уронъ свой въ двадцати тысячахъ, полагая въ этомъ числѣ убитыхъ, умершихъ послѣ сраженія отъ ранъ и бѣжавшихъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человѣкъ убитыми и до трехъ сотъ ранеными. 80 пушекъ, 100 знаменъ, весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ.[44]

Слѣдствіемъ Рымникской битвы было взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину-Таврическому. Въ то же время Генералъ-поручикъ Гудовичъ и Адмиралъ Рибасъ взяли приступомъ укрѣпленное мѣсто Гаджибей, названное послѣ Одессою. Въ Бендерахъ Русскіе взяли 300 пушекъ, 25 мортиръ, 12000 пудовъ пороху, »превеликое множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей и другихъ воинскихъ снарядовъ,« 22000 пудъ сухарей и 25000 четвертей хлѣба. Бендеры сдались 4 Ноября. Крѣпость Акерманъ, въ которой

рабляхъ и выдши потомъ опять въ море для дальнѣйшихъ поисковъ надъ Турецкимъ флотомъ.

Ушаковъ пробылъ въ Севастополѣ не болѣе трехъ недѣль. Какъ скоро всѣ поврежденія на корабляхъ были исправлены, флотъ нашъ выступилъ къ берегамъ Булгаріи и оттуда пошелъ вверхъ къ устью Днѣпра. 28 Августа увидали наши Турецкіе флаги, въ сорока верстахъ отъ берега между Хаджибеемъ и островомъ Тендрою. У Турокъ было 15 линѣйныхъ кораблей, 8 большихъ фрегатовъ, сверхъ того малыхъ фрегатовъ, бамбардъ и другихъ судовъ 48. Всѣ они находились подъ начальствомъ Капитана-паши и Реалъ-Бея. Русскій флотъ состоялъ изъ десяти линѣйныхъ кораблей и большихъ фрегатовъ, шести фрегатовъ малыхъ, двухъ брандеровъ и двадцати меньшихъ судовъ.

Не смотря на превосходство своихъ силъ, Турки потерпѣли совершенное пораженіе. Корабль, на которомъ находился Ушаковъ въ одно время завязалъ дѣло съ тремя Турецкими кораблями, въ томъ

числѣ Реалъ-бея или Контръ-адмирала; принудилъ ихъ выйти изъ линіи и когда послѣдній изъ этихъ кораблей поворачивалъ, успѣлъ дать въ корму нѣсколько убійственныхъ залповъ. Это происшествіе произвело первое разстройство въ Оттаманскомъ флотѣ. Пользуясь благопріятною минутою и стараясь привести Турокъ еще въ большее замѣшательство, Ушаковъ устремился за кораблемъ Реалъ-бея въ самую средину непріятельскаго флота и успѣлъ было совершенно отрѣзать три крайніе корабля, въ томъ числѣ и Капитана-паши, которые обратились въ бѣгство съ остальными, поражаемыми Русскою артиллеріей. Главный Турецкій корабль *Капитанія*, на которомъ находилась казна, былъ взорванъ на воздухъ. Адмиралъ Саидъ-бей взятъ въ плѣнъ и съ нимъ первый Кригсъ-комиссаръ Порты. Другой 70 пушечн. корабль съ 600 экипажа, также большая батарея, бомбарда и брагантинъ и до 500 челов. экипажа тоже достались въ плѣнъ. Сверхъ того, одинъ поврежденный линѣйный корабль и нѣсколько мел-

кихъ судовъ были потоплены. Остатки Турецкаго флота, потерпѣвъ сильное поврежденіе, подвергаясь крайней опасности, по причинѣ крѣпкаго вѣтра, спаслись въ разныя стороны. Послѣ этого знаменитаго сраженія, окончившагося столь славною для Русскаго флота побѣдою, Ѳедоръ Ѳедоровичъ отправился опять въ Севастополь и оставилъ корабли свои зимовать въ тамошней гавани.

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXVII.

ВОЙНА ЗА КУБАНЬЮ. ВЗЯТІЕ КИЛІИ, ТУЛЬЧИ, ИСАКЧИ И ИЗМАИЛА.

Турки, претерпѣвавшіе неудачи во всѣхъ сраженіяхъ, въ три компаніи не выигравшіе ни одного даже незначитель-ного дѣла, рѣшились подражать Русскимъ въ военномъ дѣлѣ и думали достигнуть желаемыхъ успѣховъ разъединеніемъ на-шихъ силъ: въ 1790 году они усилили свои отряды за Кубанью и, собравъ ихъ,

составили сорока-тысячный корпусъ. Эти силы вввѣрены были Сераскиру трехъ бунчужному Башалъ-пашѣ, который, сдвинувъ войска къ Анапѣ, намѣревался вторгнуться съ ними въ Кавказскую область.

Генералъ-фельдмаршалъ Потемкинъ-Таврическій послалъ туда въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Генералъ-поручика Графа Дебельмана, предписавъ ему аттаковать Турокъ, не дожидаясь ихъ наступательныхъ дѣйствій. Но Графъ Дебельманъ, давно страдавшій тяжкою болѣзнію и изъ одной ревности къ службѣ, не взирая на слабость здоровья, находившійся въ арміи— скончался при самомъ прибытіи къ своему назначенію. Его мѣсто, по старшинству, занялъ Генералъ-маіоръ Баронъ Германъ-фонъ-Ферзенъ, командовавшій до того отдѣльнымъ отрядомъ.

Германъ, оставивъ тяжелый обозъ въ вагенбургѣ, пошелъ съ войскомъ своимъ на встрѣчу Башалъ-паши, держась береговъ рѣчки Подпаклеи: 28 Сентября Турки и присоединившіеся къ нимъ Горцы перебрались на правый берегъ Кубани; 29, Германъ перешелъ рѣчку Подпаклею,

расположилъ спанъ свой въ пяпнадцапи верстахъ опъ непріяпеля; а 30, призвавъ Всемогущаго на помощь, рѣшился апаковапь невѣрныхъ. Онъ раздѣлилъ незначипельное число войскъ своихъ на пяпь колонъ, занялъ высоты надъ Тахпамыкомъ, выспроилъ карре и лишь полько показался непріяпель, вспрѣпилъ его пушечною пальбою. Тщепно Черкесы спарались на флангахъ заѣхапь въ пылъ Русскимъ: они были обращены въ бѣгспво вмѣспѣ съ Турками. Германъ овладѣлъ ихъ лагеремъ, всею арпиллеріею, соспоявшею изъ придцапи пушекъ и взялъ въ плѣнъ самого Сераскира Бапалъ-Бея. Въ эпомъ сраженіи было восмнадцапь пысячъ Турокъ и пяпнадцапь пысячъ Горцевъ. Такимъ образомъ разрушены были въ самомъ началѣ слишкомъ опважные замыслы блиспапельной Порпы.

Между пѣмъ, какъ флопъ нашъ преслѣдовалъ Турецкіе карабли на Черномъ морѣ, а Кавказскій опдѣльный корпусъ поражалъ враговъ за Кубанью, не прекращались военныя дѣйспвія и въ ценпрѣ

Русской арміи. Октября 18 Графъ И. В. Гудовичъ принудилъ крѣпость Килію сдаться на капитуляцію, при чемъ Русскіе получили 72 пушки, 12 мортиръ, 18 знаменъ и овладѣли на Дунаѣ однимъ вооруженнымъ судномъ.

Въ началѣ Октября мѣсяца Потемкинъ приказалъ Генералъ-Маіору Рибасу для облегченія дѣйствій сухопутнаго войска, ввести Черноморскую флотилію и лодки Черноморскихъ казаковъ въ Дунай. Противные вѣтры удержали флотилію въ Очаковскомъ проливѣ до 13 Октября; въ этотъ же день флотилія пошла вверхъ и 18 числа при устьяхъ Днѣпровскихъ соединилась съ лодками Черноморскихъ казаковъ и 19 бросила якорь въ семи верстахъ отъ Суннинскаго пролива. На разсвѣтѣ другаго дня, Рибасъ увидалъ за батареями въ Суннинскомъ проливѣ двадцать три непріятельскія судна. Рибасъ высадилъ на берегъ до тысячи гренадеръ, овладѣлъ батареями, взялъ тринадцать пушекъ, сжегъ два лансона, овладѣлъ семью транспортными судами, разсѣялъ остальныя и вошелъ въ Дунай Сун-

нинскимъ устьемъ и проливами Килійскими. Наразсвѣтѣ 7 Ноября Рибасъ овладѣлъ Тулчею, разбивъ наканунѣ 32 Турецкихъ лансона. При взятіи же крѣпости Русскимъ попались въ плѣнъ еще тридцать восемь судовъ и до двадцати пушекъ, кромѣ крѣпостныхъ. Послѣ этого Рибасъ отрядилъ нѣсколько судовъ для пресѣченія сообщеній между Исакчею и Измаиломъ, и отправилъ двѣ дивизіи, подъ командаю флота Капитана-Лейтенанта Лишке и Подполковника Рибаса, къ Исакчѣ. Поднимаясь съ великимъ трудомъ вверхъ по рѣкѣ противъ теченія, суда подошли наконецъ 13 Ноября къ Исакчѣ. Турки встрѣтили ихъ жестокимъ огнемъ, какъ съ сухаго пути, такъ и съ судовъ. Но когда отрядъ нашъ приближась на половину пушечнаго выстрѣла къ Турецкой флотиліи самъ открылъ канонаду и сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ, то Турки, приведенные въ совершенное замѣшательство, обратились въ бѣгство, брося суда свои, набережныя баттареи и обширный замокъ. Высаженныя войска довершили начатое флоти-

ліей — Исакча была занята Русскими. Въ замкѣ найдено множество всякихъ припасовъ, количество которыхъ, какъ писалъ Потемкинъ Императрицѣ »превосходило вѣроятность.« Исакча была магазиномъ всей Турецкой арміи, Измаила и другихъ крѣпостей, и не смотря на это, слабо защищалась. Кромѣ артиллеріи, взятой съ двадцати двухъ сожженныхъ лансоновъ и семнадцати плѣненныхъ судовъ, побѣдителямъ достались на берегу тридцать три мѣдныя пушки, одна двѣнадцати пудовая мортира и болѣе пятидесяти чугунныхъ орудій.[48]

Такимъ образомъ въ продолженіи какихъ нибудь трехъ недѣль Турки лишились трехъ значительныхъ крѣпостей. Русскіе торжествовали вездѣ, гдѣ ни показывались. Но нигдѣ торжество Русскаго оружія въ эту войну ни было такъ блистательно, какъ при взятіи крѣпости Измаила. Штурмъ этой, можно сказать, неприступной крѣпости, произведенный въ зимнее время, слишкомъ достопамятенъ въ военной исторіи. Еще въ 1789 году, до прибытія къ арміи Потемкина, Князь

Николай Васильевичъ Репнинъ, разбивъ 7 Сентября Сераскира Гассанъ Пашу на рѣкѣ Салчѣ, вогналъ Турокъ въ Измаилъ и намѣревался осадить эту крѣпость. Но вскорѣ послѣ этого явился Князь Таврическій и приказалъ Репнину отступить отъ Измаила за двадцать верстъ. Говорятъ, что Потемкинъ сдѣлалъ это изъ опасенія, чтобы Репнинъ, одержавъ знаменитую побѣду, не получилъ Фельдмаршальскаго жезла.

Въ началѣ Ноября 1790 года Таврическій отдалъ приказъ Генералъ-Аншефу И. В. Гудовичу подступить съ сильнымъ корпусомъ къ Измаилу и овладѣть этою крѣпостью. На помощь Гудовичу придвинулся съ флотиліею и Рибасъ. На водѣ не проходило почти дня безъ сраженія: Русскіе почти всегда одерживали верхъ, дрались подъ крѣпостными пушками, брали въ плѣнъ непріятельскія суда и потопили почти половину Оттоманской флотиліи. Но все это не произвело желаемаго результата. Гудовичъ принужденъ былъ дурною осеннею погодою испросить у Главнокомандующаго при-

казаніе отложить осаду Измаила до удобнѣйшаго времени. Корпусъ Гудовича отступилъ и расположился на зимнихъ квартирахъ.

Полки были уже въ походѣ, когда Графъ Суворовъ-Рымникскій получилъ отъ Генералъ-Фельдмаршала, Князя Таврическаго предписаніе: *овладѣть Измаиломъ во что бы то ни стало.* Суворовъ пошелъ изъ Галаца къ »неприступной крѣпости.« Ненадежность предпріятія была очевидна. Кромѣ неприступныхъ твердынь крѣпости, бурная, ненасная погода принуждала отказываться отъ мысли произвесть что нибудь рѣшительное. Но какъ бы то ни было, Суворовъ въ четыре дня перешелъ изъ Галацъ къ Измаилу (140 верстъ). Крѣпость Измаильская, имѣющая семь верстъ въ окружности отъ одного берега Дуная до другаго, простирается на три съ половиною версты по рѣкѣ. Въ ней находилось тогда восемь бастіоновъ; эскарпъ, окружавшій ее, былъ вышиною въ три, а въ иныхъ мѣстахъ и въ четыре сажени и ровъ отъ шести до семи саженъ глубиною. Между Бен-

дерскимъ и Брокскимъ полигонами былъ привалъ; близь него каменный кавалiеръ, на которомъ могли помѣститься нѣсколько тысячь человѣкъ. Набережная сторона была еще сильнѣе укрѣплена валами и батареями.

Получивъ донесенiе о прибытiи войскъ къ Измаилу и планъ этой крѣпости, Потемкинъ писалъ къ Суворову »что если онъ несовершенно увѣренъ въ успѣхѣ, то лучшебъ не отваживался на приступъ.« На это Суворовъ отвѣчалъ: »Мое намѣренiе непремѣнно: два раза Русскiе были у воротъ Измаила — стыдно будетъ отступить въ третiй разъ, не вошедши въ него.« Такимъ образомъ былъ рѣшенъ приступъ Измаила.[49]

Рибасъ былъ на прежнемъ мѣстѣ съ своею флотилiею. Онъ укрѣпилъ островъ, лежащiй противъ Измаила, брасалъ въ крѣпость бомбы. Турецкая флотилiя, слишкомъ ослабленная, не рѣшалась на сраженiе съ Русскими. Вся армiя Суворова простиралась съ небольшимъ до двадцати тысячь, въ числѣ коихъ около половины было казаковъ.[50] Ни мало не медля

начали готовить лѣстницы и фашины, ставить батареи въ двухъ мѣстахъ въ 30 и 40 саженяхъ отъ крѣпости. По недостатку тяжелой осадной артиллеріи перевезенной въ Бендеры и Килію, поставили на батареи 12 фунтовыя пушки. Всѣхъ орудій было только сорокъ. Эти батареи были поставлены для того, что бы увѣрить Турокъ, будто наши начнутъ правильную осаду и чтобы не дать подозрѣніи о внезапномъ штурмѣ. Турки, по видимому смѣялись надъ несбыточными, по ихъ мнѣнію, предположеніями Русскихъ: они не только не дѣлали вылазокъ, но даже выстрѣлами не мѣшали нашимъ производить нужныя работы. Какъ скоро были поставлены орудія на мѣста, открыта была сильная канонада по крѣпости; Турки отвѣчали тѣмъ же.

7 Декабря Суворовъ послалъ въ Измаилъ офицера отъ Главнокомандующаго арміею съ письмомъ къ Сераскиру, въ которомъ требовалъ сдачи крѣпости. Письмо было вѣжливо принято Турками и офицеръ возвратился въ свой станъ. Сераскиръ, приславшій отвѣтъ на другой

день писалъ однако же къ Суворову »что скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, нежели Измаилъ сдастся Русскимъ.« Суворовъ велѣлъ сказать Сераскиру, что упрямство не поведетъ ни къ чему и если крѣпость несдастся на другой день, то никому не будетъ въ ней пощады. Между тѣмъ Суворовъ велѣлъ читать письмо Сераскира по ротамъ.[51]

9 Декабря былъ собранъ военный Совѣтъ, на которомъ всѣ единогласно положили сдѣлать генеральный приступъ; день назначенный для этого было 11 число Декабря. Сухопутныя войска раздѣлены были на шесть колоннъ; флотилія на три.

Первыя три колонны сухопутнаго войска, составлявшія правое крыло корпуса, ввѣрены были Генералъ-Поручику Потемкину. Въ первую изъ нихъ, подъ командою Генералъ-Маіора Львова назначены были первый баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, два баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка, и сто пятьдесятъ Апшеронскихъ мушкетеръ;

еще два баталліона Фанагорійскаго полка составляли резервъ колонны. Вторая колонна подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Лассія составлена была изъ трехъ баталліоновъ егерей и ста тридцати стрѣлковъ. Два баталліона егерей назначены въ резервъ второй колоннѣ. Третья колонна ввѣренная Генералъ-Маіору Мекнобу состояла изъ трехъ баталліоновъ егерей и ста тридцати стрѣлковъ. Въ резервѣ этой колонны былъ Троицкій пѣхотный полкъ. На правое крыло назначены были также для прикрытія конные полки Сѣверскій карабинерный, Воронежскій гусарскій и полкъ Донскихъ казаковъ.

Другія три колонны, состоявшіе подъ командою Генералъ-Поручика Самойлова находились на лѣвомъ крылѣ. Четвертая и пятая колонны поручены были дежурному Генералъ-Маіору Графу Безбородкѣ и состояли изъ семи тысячь пяти сотъ спѣшенныхъ Донскихъ казаковъ, съ резервомъ пяти сотъ казаковъ и тысячи арнаутъ. Шестая колонна находилась подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Ку-

шузова-Голенищева и состояла изъ трехъ башалліоновъ егерей, сша двадцаши сшрѣлковъ и имѣла въ резервѣ два башалліона Херсонскихъ гренадеръ.[52]

Флошиліею командовалъ Генералъ-Маіоръ Рибасъ. Первая колонна флошиліи находилась подъ начальсшвомъ Генералъ-Маіора Арсеньева и состояла изъ двухъ башалліоновъ морскаго гренадерскаго полка, башалліона егерей и двухъ шысячь пяши сошъ Черноморскихъ казаковъ. Эши войска посажены были на бриганшинъ, двѣ пловучія башареи, шри шлюбки, шринадцашь лансоновъ и пяшнадцашь Черноморскихъ лодокъ. Вшорая колонна, имѣвшая. сшолько же судовъ, находилась подъ командою Гешмана Чапеги и сосшояла изъ двухъ башалліоновъ мушкешеръ, двухъ сошъ гренадеръ и шысячи Черноморскихъ козаковъ. Трешьею колонною командовалъ Гвардіи-Маіоръ Марковъ; къ эшой колоннѣ, имѣвшей сшолько же судовъ какъ первая причислены были два гренадерскіе башалліона, шри башалліона егерей и сшо Черноморскихъ казаковъ. Въ резервѣ флошиліи находи-

лись 4 транспортныя судна и 100 Черноморскихъ лодокъ, назначенныхъ для высадки войскъ. На всѣхъ судахъ было разнаго калибра 567 пушекъ. При войскахъ, посаженныхъ на суда находились Принцъ Карлъ де Линь, Полковникъ Дюкъ де Фронзакъ (впослѣдствіи Дюкъ де Ришельё) и Графы Ланжеронъ и Валеріанъ Зубовъ, Флигель Адъютантъ Императрицы.

Въ этотъ же день назначены были мѣста колоннамъ и заблаговременно розданы фашины и лѣстницы. Суворовъ собралъ войска, ободрялъ ихъ, увѣщевалъ мужественно пренебрегать всѣ опасности, обѣщалъ имъ въ награду за труды все имущество плѣнныхъ. »Храбрые воины, говорилъ онъ, приведите себѣ въ сей день на память всѣ наши побѣды и докажите, что ничто не можетъ противиться силѣ оружія Россійскаго. Намъ предлежитъ не сраженіе, которое бы въ волѣ нашей состояло отложить, но непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшитъ судьбу компаніи и которое почитаютъ гордые Турки непри-

ступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ Русская армія и два раза отступала, намъ остается въ третій разъ или побѣдить или умереть со славою.«

Наконецъ приблизился день приступа Чтобы обмануть Турокъ и увѣрить ихъ будто у насъ сдѣлался недостатокъ въ порохѣ и другихъ артиллерійскихъ снарядахъ, мало стрѣляли съ батарей и флота ночью передъ штурмомъ. Осаждающіе были готовы еще 10 числа. Суворовъ провелъ ночь на одиннадцатое число безъ сна; онъ сидѣлъ у огня съ нѣсколькими офицерами своей свиты и ждалъ сигнала. [53]

Въ три часа поутру взлетѣла первая ракета — надлежало готовиться къ приступу.

Въ четыре часа другая — надлежало формироваться.

Въ пять часовъ третья — идти на приступъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ третьей ракеты всѣ войска двинулись съ мѣста къ назначеннымъ имъ пунктамъ; гребной флотъ снялся съ якоря. Суво-

ровъ самъ повелъ всѣ шесть колоннъ, находясь въ центрѣ корпуса. Густой туманъ скрывалъ отъ непріятеля начальныя движенія войскъ. Не слышно было ни одного выстрѣла; но какъ скоро Русскіе подошли на 300 или 400 шаговъ ихъ вдругъ осыпало картечью, какъ частымъ градомъ. Это значило, что Турки приготовились отразить приступъ; какъ послѣ узнали, они были извѣщены о намѣреніяхъ Суворова нѣсколькими бѣжавшими въ крѣпость казаками. [64]

Но огонь не остановилъ нашихъ; вторая колонна прежде другихъ пришла къ валу, мгновенно спустилась въ ровъ: всѣ фашины были брошены, но вода все еще во многихъ мѣстахъ доставала до плечь. Ласси́й поруча Секундъ-Маіору Неклюдову стрѣлками отражать непріятеля, приказалъ егерамъ ставить лѣстницы. Бруствeръ былъ такъ высокъ въ иныхъ мѣстахъ, что двѣ пятисаженныя лѣстницы, связанныя вмѣстѣ, едва доставали до вершины. Гдѣ нельзя было приставить лѣстницъ, тамъ солдаты взлѣзали втыкая штыки въ землю. Непріятель скоро

былъ опрокинутъ и Русскіе овладѣли первымъ бастіономъ.

Стрѣлки каждой колонны стояли на краю рва, и сколько освѣщеніе отъ пушечной пальбы позволяло, стрѣляли въ Турокъ, защищавшихъ валъ со всѣхъ сторонъ. Первая и третья колонны должны были подкрѣплять Лассія; онѣ нѣсколько опоздали и подверглись чрезвычайнымъ затрудненіямъ. Лассій былъ очень стѣсненъ: не смотря на то, что ему удалось скоро опрокинуть Турокъ съ валу; они мгновенно получили подкрѣпленіе и принялись за сабли. Но точно также были подкрѣплены и Русскіе и перевѣсъ сдѣлался на сторонѣ нашихъ.

Первая колонна, перешедши чрезъ ровъ, встрѣтила крѣпкій палисадникъ, который простирался до самаго Дунайскаго берега; за палисадникомъ были еще ровъ и вода. Но все это было мгновенно занято Русскими и Фонагорійскіе гренадеры овладѣли другимъ бастіономъ, и потомъ бросились безъ приказанія на

каменный кавальеръ находившійся между взяшыми басшіонами.

Кушузовъ, взявшій два полигона на лѣвой сшоронѣ крѣпосши кинулся было на валъ въ одно время съ первою колонною; но увидавъ, чшо чешвершая и пяшая колонны, находившіяся не вдалекѣ ошъ него, были сильно сшѣснены непріяшелемъ, осшановился и послалъ имъ на помощь свой баталліонъ егерей.

Въ шомъ мѣсшѣ, гдѣ шли эшѣ колонны, ровъ былъ сшоль глубокъ, чшо казаки шли чушь не погорло въ водѣ и намочивъ свое плашье, съ шрудомъ могли взбирашься на валъ. Турки имѣвшіе всѣ выгоды на своей сшоронѣ, легко одолѣвали нападавшихъ. Обѣ колонны были вдругъ опрокинушы въ ровъ — и вдругъ ворота крѣпосши ошворились и шысячь десяшь Мусульманъ кинулись на нашихъ справа и слѣва. Между ними было множесшво женщинъ, вооруженныхъ кинжалами. Кровопролишіе было ужасно. Къ счасшію резервная пѣхоша подоспѣла на помощь казакамъ: они исправились и ошразили непріяшеля, кошорый шолпою побѣжалъ въ

ворота. Всѣ тѣ, которые въ замѣшательствѣ не успѣли убраться въ крѣпость, были изрублены или опрокинуты въ ровъ. Русскіе сдѣлали новое усиліе — стали на валу у назначеннаго имъ бастіона. Однако они не имѣли довольно силъ удержаться на занятой позиціи; начали было опять уступать. Въ это-то время подоспѣлъ къ нимъ на помощь баталліонъ, присланный Кутузовымъ, и казаки овладѣли еще бастіономъ. Первое основаніе побѣдъ было положено.

Но прежде нежели наши овладѣли главными крѣпостными воротами (Бендерскими) Турки сдѣлали изъ нихъ вторично вылазку и бросились на лагерь осаждающихъ. Нѣсколько сотенъ казацкихъ встрѣтили непріятеля, и успѣли отразить его. Полковникъ Волковъ подоспѣлъ въ это время съ двумя эскадронами Воронежскихъ гусаръ, ударилъ на Турокъ, кинувшихся было назадъ въ крѣпость: но ни одинъ изъ нихъ не возвратился къ своимъ; всѣ были или изрублены или приколоты пиками. Въ тоже

время ворота и мостъ были заняты. Бугскими егерями.

Когда сухопутныя колонны завязали дѣло съ непріятелемъ, войска бывшія на судахъ тоже пошли на приступъ. Они подвигались двумя линіями, подъ безпрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ. Въ первой линіи было сто Черноморскихъ лодокъ съ регулярнымъ войскомъ, назначеннымъ для высадки; въ срединѣ и на флангахъ было пятнадцать лодокъ съ Запорожцами. Вторая линія составлена была изъ бригантиновъ, пловучихъ батарей, двойныхъ шлюбокъ и лансоновъ. Помѣрѣ приближенія линій къ крѣпости увеличивался и огонь непріятельскій. У Турокъ былъ съ Дунаю крѣпкій валъ, вооруженный 85 пушками большаго калибра и 15 мортирами, въ числѣ коихъ была одна, бросавшая пятнадцати пудовыя ядра.

Канонада первой линіи прикрывалась пальбою изъ мортиръ второй. Подойдя на двѣсти шаговъ къ крѣпости, вторая линія раздѣлилась на двѣ части, и составивъ полукружіе стала по флангамъ пер-

вой. Темнота много помогала нашимъ: изъ всѣхъ судовъ были только два повреждены и ни одно не потонуло. Въ 7 часовъ всѣ войска были высажены на берегъ. Турки бросили свои суда и ушли въ крѣпость.

Трудно рѣшить которая сторона крѣпости оборонялась упорнѣе: сопротивленіе вездѣ было мужественно и походило болѣе на отчаянную храбрость. Кровопролитіе было ужасно: ни та, ни другая сторона не щадили другъ друга. Русскіе дрались какъ львы; упорное сопротивленіе лишь ожесточало солдатъ, но не уменьшало ихъ рѣшимости — побѣдить или умереть.

Въ 8 часовъ всѣ крѣпостныя укрѣпленія съ сухаго пути и съ рѣки были уже во власти Русскихъ. Приступъ прекратился, но начались сраженія во внутренности города, на площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ. Со всѣхъ сторонъ Русскіе шли въ крѣпость, и каждый шагъ должны были брать съ бою. Стычекъ было столько, сколько партій и вездѣ дрались съ равнымъ ожесточеніемъ. Тур-

ки не сдавались и число враговъ уменьшалось лишь числомъ убитыхъ или тяжело раненыхъ. Русскіе ввезли съ собою 20 полевыхъ пушекъ и стрѣляли изъ нихъ картечью по Туркамъ, у которыхъ были пушки только въ ханахъ.

Первый ханъ, который былъ взятъ прежде другихъ, стоялъ не далеко отъ Бендерскихъ воротъ и былъ выше вала. Въ немъ скрывалось болѣе 2000 Турокъ, упорно отстрѣливавшихся. Суворовъ увидавъ, что эта часть вала была пуста, приказалъ спѣшиться двумъ карабинернымъ эскадронамъ и поручилъ Маіору Эстко овладѣть ханомъ, взявъ сверхъ карабинеръ еще нѣсколько войскъ, какія первыя попадутся. Эстко взялъ съ собою Бугскій баталліонъ, приставилъ лѣстницы и взобрался тотчасъ на валъ и на ханъ. Турки бывшіе въ немъ подъ командою Сераскира упорно защищались и почти всѣ были изрублены. Нѣсколько сотъ сдались: это были первые плѣнные взятые въ день приступа.

Часу въ десятомъ пришелъ въ крѣпость Генералъ Лассій съ тремя егерскими

баталлiонами и двумя гренадерскими и жестокiй бой началъ мало по малу утихать: Русскiе одерживали рѣшительное преимущество надъ защищавшимися и Турки начали наконецъ сдаваться въ плѣнъ. Въ три часа пополудни умолкъ стукъ оружiй: крѣпость была занята Русскими во всѣхъ частяхъ. Кутузовъ былъ назначенъ Камендантомъ Измаила.

Суворовъ увѣдомилъ Князя Потемкина о взятiи Измаила собственноручнымъ краткимъ письмомъ: *»Россiйскiй флагъ на стѣнахъ Измаильскихъ.«*[55]

Въ ужасный день приступа Турки лишились — тридцати трехъ тысячь человѣкъ убитыми и вскорѣ умершими отъ ранъ. Въ плѣнъ взято около восьми тысячь. Въ числѣ плѣнныхъ были трехъ бунчужный Паша, Измаильскiй Сераскиръ и до 300 прочихъ Генераловъ и Офицеровъ. Со стороны Русскихъ, по самымъ вѣрнѣйшимъ и ни мало не уменьшеннымъ донесенiямъ, уронъ не простирался болѣе 1815 чел. убитыми и до 2500 ранеными, изъ коихъ умерло не болѣе трехъ сотъ человѣкъ. Между убитыми были Брига-

диръ Рибопіеръ и 65 Штабъ и Оберъ-офицеровъ; ранены три Генералъ-Маіора и 253 Штабъ и Оберъ-офицеровъ.

Трофеи и богатая добыча вознаградили храбрыхъ воиновъ за всѣ труды ихъ: въ крѣпости было взято 264 пушки, исключая 10 чугунныхъ, всѣ мѣдныя; 345 знаменъ, два санджака и 7 бунчуковъ и 250 знаменныхъ древковъ; болѣе 10,000 лошадей съ большимъ количествомъ дорогихъ уборовъ, болѣе 5000 пудовъ пороху и до 20,000 ядеръ и прочихъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Дорогіе уборы, золото, серебро, каменья и проч. доставшіеся солдатамъ въ три дня, послѣдовавшіе за приступомъ, оцѣнены въ десять милліоновъ піастровъ. »Маркитантамъ за добрую чарку вина солдаты давали по ковшу жемчугу.«[56]

Чрезъ недѣлю послѣ взятія Измаила, Графъ Суворовъ-Рымникскій отправился въ Галацъ съ своимъ корпусомъ на зимнія квартиры, оставивъ въ покоренной крѣпости больныхъ и раненыхъ, 4 баталіона егерей, два полка мушкетеръ и двѣ тысячи Донскихъ казаковъ.

Покореніемъ Измаила окончилась кампанія 1790 года. Главнокомандовавшій дѣйствовавшею арміею Князь Потемкинъ-Таврическій отправился въ Санктпетербургъ, поручивъ главное начальство надъ войсками Князю Николаю Васильевичу Репнину.[67]

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXVIII.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ 1791 ГОДУ. ВЗЯТІЕ МАЧИНА И РАЗБИТІЕ НЕПРІЯТЕЛЯ ПРИ БАБАДАГѢ. ШТУРМЪ АНАПЫ И ЗАНЯТІЕ СУНДЖУКЪ-КАЛЕ. БИТВА ПРИ МАЧИНѢ. РАЗБИТІЕ ТУРЕЦКАГО ФЛОТА ПРИ КАЛАКРІИ.

Порта, послѣ слишкомъ важной для нея потери Измаила, рѣшилась въ 1791 году употребить всѣ возможныя усилія, чтобы воспрепятствовать Русскимъ сдѣлать какіе-либо успѣхи на правомъ берегу Дуная, куда назначенъ былъ корпусъ

войскъ подъ начальствомъ Генералъ-Поручика Князя Сергія Өедоровича Голицына. Этотъ корпусъ составленъ былъ изъ 8000 регулярной пѣхоты, 3000 Донскихъ казаковъ и 1200 Арнаутъ и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи.

24 Марта часть войскъ, собравшихся въ Галацахъ была посажена на суда и отправилась внизъ по Дунаю къ Исакчѣ, гдѣ къ Князю Голицыну долженъ былъ присоединиться Генералъ-Поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ, вышедшій въ тоже время изъ Измаила. Въ началѣ Апрѣля соединившіяся войска двинулись къ Мачину, куда и прибыли послѣ нѣсколькихъ косвенныхъ переходовъ, 23 числа. Авангардъ Голицына при деревнѣ Лункавицѣ, недалеко отъ Мачина, былъ атакованъ Турками. Но непріятель принужденъ былъ отступить и былъ преслѣдованъ нашими цѣлыя десять верстъ до самаго Мачина, который былъ занятъ нашими войсками почти безъ сопротивленія. Турки въ числѣ 15,000, подъ начальствомъ трехъ бунчужныхъ Пашей Ахмета и Джуръ-Оглу удалились въ Баба-

дахъ, гдѣ и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ. Тамъ присоединились къ нимъ 8000 Некрасовцевъ, Запорожцевъ и Крымскихъ Таmаръ, подъ начальсmвомъ не покорявшагося Россіи Крымскаго Сулmана Бахmи-Гирея.

Голицынъ срывъ Мачинскія укрѣпленія перенесъ военныя дѣйсmвія на полуосmровъ Кунцефанъ, находившійся подъ самыми пушками Браилова, изрубилъ и часmію поmопилъ Турецкій гарнизонъ, бывшій въ укрѣпленіяхъ Кунцефана, взялъ семнадцаmь орудій и нѣсколько знаменъ, разорилъ укрѣпленія и пошелъ обраmно къ Галацу, оmрядивъ между mѣмъ Куmузова-Голенищева въ Бабадахъ, чmобы разсѣяmь сmоявшій mамъ непріяmельскій корпусъ, до присоединенія къ нему новыхъ войскъ.

Куmузовъ 3 Іюля переправился чрезъ Дунай у Тулчи съ 20-ю весьма некомплекmными баmаліонами пѣхоmы и 12 эскадронами кавалеріи, къ коимъ присоединилъ небольшой оmрядъ Черноморскихъ казаковъ. 4 Іюля Куmузовъ совершенно неожиданно и внезапно аmтако-

Покореніемъ Измаила окончилась кампанія 1790 года. Главнокомандовавшій дѣйствовавшею арміею Князь Потемкинъ-Таврическій отправился въ Санктпетербургъ, поручивъ главное начальство надъ войсками Князю Николаю Васильевичу Репнину.[57]

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXVIII.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ 1791 ГОДУ. ВЗЯТІЕ МАЧИНА И РАЗБИТІЕ НЕПРІЯТЕЛЯ ПРИ БАБАДАГѢ. ШТУРМЪ АНАПЫ И ЗАНЯТІЕ СУНДЖУКЪ-КАЛЕ. БИТВА ПРИ МАЧИНѢ. РАЗБИТІЕ ТУРЕЦКАГО ФЛОТА ПРИ КАЛАКРІИ.

Порша, послѣ слишкомъ важной для нея пошери Измаила, рѣшилась въ 1791 году упошребишь всѣ возможныя усилія, чшобы воспрепяшсшвовашь Русскимъ сдѣлашь какіе-либо успѣхи на правомъ берегу Дуная, куда назначенъ былъ корпусъ

войскъ подъ начальсшвомъ Генералъ-Поручика Князя Сергія Ѳедоровича Голицына. Эшошъ корпусъ сосшавленъ былъ изъ 8000 регулярной пѣхошы, 3000 Донскихъ казаковъ и 1200 Арнаушъ и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи.

24 Марша часшь войскъ, собравшихся въ Галацахъ была посажена на суда и оширавилась внизъ по Дунаю къ Исакчѣ, гдѣ къ Князю Голицыну долженъ былъ присоединишься Генералъ-Поручикъ Голенищевъ-Кушузовъ, вышедшій въ шоже время изъ Измаила. Въ началѣ Апрѣля соединившіяся войска двинулись къ Мачину, куда и прибыли послѣ нѣсколькихъ косвенныхъ переходовъ, 23 числа. Авангардъ Голицына при деревнѣ Лункавицѣ, недалеко ошъ Мачина, былъ ашакованъ Турками. Но непріяшель принужденъ былъ ошсшупишь и былъ преслѣдованъ нашими цѣлыя десяшь версшъ до самаго Мачина, кошорый былъ заняшъ нашими войсками почши безъ сопрошивленія. Турки въ числѣ 15,000, подъ начальсшвомъ шрехъ бунчужныхъ Пашей Ахмеша и Джуръ-Оглу удалились въ Баба-

пялъ сражавшихся свѣжими войсками, которыя усремлялись въ городъ подъ ядрами и картечами. Пять часовъ продолжался кровавый бой: пораженный на всѣхъ пунктахъ непріятель бросалъ оружіе, отдавался въ плѣнъ или искалъ спасенія въ морѣ, и находилъ тамъ смерть. Во время штурма восемь тысячь конныхъ Черкесъ и пѣшихъ Турокъ съ пушками спустились съ горъ и атаковали наши войска въ тылъ, отдѣливъ часть къ вагенбургу: но были мужественно встрѣчены Генералъ-Маіоромъ Загряжскимъ и прогнаны въ горы съ большимъ урономъ. Восемдесятъ три пушки, двѣнадцать мортиръ, сто тридцать знаменъ и нѣсколько бунчуковъ достались побѣдителямъ. Болѣе восьми тысячь непріятельскихъ воиновъ положено на мѣстѣ, кромѣ погибшихъ въ морѣ. Въ плѣнъ взяты: трехъ бунчужный Паша Мустафа, командовавшій подъ нимъ сынъ Батала-Паши, разбитаго въ 1790 году; лжепророкъ Шахъ Мансуръ, возмущавшій Горцевъ противъ Россіи; множество чиновниковъ и до четырнадцати тысячь

валъ Турокъ. Нападеніе произведено было одною кавалеріею. Изумленный непріятель обратился въ бѣгство почти безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время казаки стремительно ударили на отрядъ Крымскаго Султана, стоявшій отдѣльно. Этотъ отрядъ былъ столь же быстро разсѣянъ.

Весь Турецкій лагерь, съ 8 мѣдными пушками и нѣсколькими знаменами достался побѣдителямъ. Турки потеряли убитыми болѣе 1500 человѣкъ. Кутузовъ, преслѣдовавъ нѣсколько времени бѣгущихъ, обратился потомъ на Бабадахъ, истребилъ тамъ болѣе тридцати тысячь четвертей хлѣба, взорвалъ нѣсколько пороховыхъ магазиновъ и предавъ самый городъ огню, перешелъ обратно Дунай.[68]

Между тѣмъ, какъ войска наши дѣйствовали такимъ образомъ на берегахъ Дуная, Князь Николай Васильевичь Репнинъ отправилъ къ Кавказскому корпусу Генерала Аншефа И. В. Гудовича. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Гудовичь подступилъ къ Анапѣ, обороняемой десятитысячнымъ Турецкимъ и пятнадцатитысячнымъ Татар-

Браилова, намѣреваясь однимъ ударомъ уничтожить нашу армію.

17 Іюня партія Донскихъ казаковъ подъ командою походнаго Атамана Кульбакова захватила въ плѣнъ четырехъ Турокъ вышедшихъ изъ Браилова. Эти Турки, представленные Князю Николаю Васильевичу Репнину, сказали, что при Мачинѣ собралось Турокъ уже до тридцати тысячь, что Браиловскій гарнизонъ учетверенъ и что сверхъ того по Дунаю пришла флотилія съ десантными войсками и стала на якорѣ подъ защитою крѣпостныхъ батарей. Сверхъ этого Князь Николай Васильевичь получилъ нѣсколько извѣстій изъ Бухареста и разныхъ мѣстъ Валлахіи, что Визирь со всею своею арміею пришелъ въ Гирсову и оттуда пойдетъ къ Мачину. »Сіи извѣстія предвѣщали важное событіе, доносилъ Россійскій Военачальникъ Монархинѣ, на которое войска Русскія съ радостію готовились.«

Князь Рѣпнинъ рѣшился предупредить враговъ нападеніемъ на нихъ. Съ 22 на 23 число Іюня часть нашихъ войскъ пе-

реправилась на судахъ на правый берегъ Дуная. Усилившійся вѣтръ дѣлалъ дальнѣйшую переправу на судахъ неудобною и слишкомъ медленною. Генералъ-Маіоръ Рибасъ вызвался сдѣлать мостъ изъ паромовъ и понтоновъ и 26 числа всѣ войска назначенныя къ атакѣ арміи Верховнаго Визиря были уже на Кунцефанѣ. До непріятельскаго лагеря было не болѣе тридцати верстъ и Князь Николай Васильевичь, раздѣливъ войска свои на четыре колонны выступилъ въ походъ съ 27 на 28 число. Колонны шли всю ночь почти безъ отдыха и поутру въ шестомъ часу Генералъ - Поручикъ Князь С. Ѳ. Голицынъ первый пришелъ съ ввѣреннымъ ему войскомъ къ пункту атаки и открылъ канонаду. Въ тоже самое время конница Генерала - Поручика Князя Г. С. Волконскаго, предводимая Генералъ-Маіоромъ Рибасомъ ударила на непріятеля, очистила занимаемое имъ мѣсто и связала сообщеніе съ войсками Князя Голицына, между тѣмъ, какъ Князь Волконскій слѣдовавшій съ пѣхотою за конницею, выстроясь въ боевой порядокъ,

достигъ также до своего пункта и тоже началъ канонаду. Тогда Голенищевъ-Кутузовъ обходя горы, чтобы зайти въ правый флангъ непріятелю, долженъ былъ съ большимъ трудомъ пробиваться сквозь окружавшихъ его отвсюду Турокъ, старавшихся разрѣзать сообщеніе между имъ и арміею.

Всѣ покушенія Визиря были уничтожены Княземъ Репнинымъ: онъ приказалъ Генералъ-Маіору Рибасу атаковать неоднократно непріятеля, а Князю Волконскому вытянуть изъ двухъ его линій три гренадерскіе полка съ артиллеріею въ лѣвую сторону и приближиться къ горамъ. Тщетно пѣхота Турецкая, желая воспользоваться отдѣленіемъ войскъ, бросилась густыми толпами на первый каре Екатеринославскаго гренадерскаго полка: храбрые воины опрокинули, обратили въ бѣгство непріятеля. Въ тоже самое время толпы Турокъ напали на правый флангъ нашъ, предводимый Княземъ Голицынымъ; но были отбиты съ значительнымъ урономъ и преслѣдуемы конницею до перваго

ихъ лагеря. Такимъ образомъ уничтожилъ Князь Репнинъ покушенія Турокъ на нашъ резервъ со стороны Дуная, подкрѣпивъ его высланными войсками.

Вскорѣ пѣхота Кутузова показалась на горахъ во флангѣ непріятельскомъ: Князь Волконскій поспѣшилъ переправить за крутой оврагъ, находившійся подъ горою, два гренадерскіе полка для открытія сообщенія съ Кутузовымъ. Тогда войски со всѣхъ сторонъ двинулись на непріятеля. Князь Голицынъ пошелъ въ его ретраншаментъ, Князь Волконскій въ лагерь, а Голенищевъ-Кутузовъ во флангъ. Послѣ шести часоваго упорнаго сопротивленія разбитый во всѣхъ пунктахъ непріятель обратился въ бѣгство къ Гирсовой. Легкія войска, преслѣдовавшія непріятеля, довершили его разстройство.

Непріятель лишился пятнадцати знаменъ, тридцати пяти орудій и болѣе четырехъ тысячь человѣкъ убитыми, кромѣ умерщвленныхъ на судахъ, изъ которыхъ три были взорваны на воздухъ и четыре потоплены. Всѣхъ Турецкихъ

войскъ въ эшой бишвѣ было болѣе 85,000 человѣкъ. Пошеря съ нашей стороны была незначишельна въ сравненіи съ неприяшельскою.[60]

Князь Репнинъ, пробывъ два дня на мѣсшѣ бишвы возврашился 1 Іюля въ прежній лагерь на Кунцефану, ошкуда войско перешло, по мосшамъ, Дунай и раздѣлилось по прежнимъ своимъ лагерямъ.

Разбишіе визирской арміи при Мачинѣ слишкомъ поразило Поршу: самонадѣянносшь ея исчезла и сверхъ шого она увѣрилась, чшо всѣ обѣщанія державъ, принимавшихъ учасшіе въ судьбѣ Опшоманской Имперіи, осшавались лишь обѣщаніями и усердныя сшаранія ихъ положишь конецъ войнѣ были не больше, какъ дѣяшельная пересылка курьеровъ ошъ одного кабинеша къ другому. Порша сама заговорила о мирѣ и даже изъявила желаніе заключишь его безъ посредниковъ.

Но прежде нежели разбишый Визирь объявилъ желаніе заключишь миръ, Коншръ-Адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичь Ушаковъ получилъ приказаніе вывесши флошъ изъ Севасшополя въ море. Плава-

ніе имѣло цѣлію поиски надъ непріяшелемъ у Румелійскихъ береговъ, и не прошло двухъ дней, какъ наши увидали, 31 Іюля, непріяшельскій флошъ, сшоявшій на якорѣ при Калакріи, прошивъ мыса Калерахъ-Бурни, подъ прикрышіемъ посшроенной на берегу башшареи. У Турокъ было осмнадцашь большихъ кораблей и въ числѣ ихъ девяшь флагманскихъ, десяшь линейныхъ фрегашовъ и семь малыхъ, со множесшвомъ мѣлкихъ судовъ. Нашъ флошъ сосшоялъ изъ шесшнадцаши кораблей, двухъ фрегашовъ, двухъ бамбардирскихъ кораблей, брандера и семнадцаши крейсерскихъ судовъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичь усмошрѣвъ непріяшеля прошелъ съ флошомъ своимъ подъ выстрѣлами башшареи, ошрѣзалъ Турокъ ошъ берега и будучи на вѣшрѣ спѣшилъ ихъ аппшаковашь. Флошъ непріяшельскій, изумленный неожиданнымъ приходомъ Русскихъ кораблей, ошрубилъ якори, и проигравъ вѣшеръ, легъ подъ паруса. Замѣшашельсшво Турокъ было сшоль велико, что корабли ихъ во время маневра, часто сшалкивались между собою.

Капуданъ-Паша бѣжалъ съ флотомъ подъ вѣтръ и началъ строить боевую линію, перемѣняя нѣсколько разъ на правый и лѣвый галсъ. Пользуясь смятеніемъ непріятеля, Ушаковъ, будучи въ ордерѣ марша трехъ колоннъ, уже достигалъ непріятеля. Нѣсколько Турецкихъ кораблей были построены Капуданомъ-Пашею въ линію праваго галса, но Алжирскій Саитъ-Али-Паша, командовавшій отдѣльною частію флота и имѣвшій на корабляхъ красные флаги, пошелъ впередъ и обратилъ весь флотъ за собою, устроивая линію на лѣвый галсъ, чему послѣдовалъ и Капуданъ-Паша. Ушаковъ тотчасъ приказалъ строить свою линію при вѣтрѣ С. с. в. параллельно флоту непріятельскому и немедленно на него спускаться. Тогда Саитъ-Али съ двумя кораблями краснаго флага и нѣсколькими фрегатами, будучи самъ передовымъ, спѣшилъ отдѣлиться для выигранія вѣтра.

Ушаковъ желая уничтожить его намѣреніе, погнался за нимъ на кораблѣ *Рождество Христово*, приказавъ своему фло-

шу сомкнуть дистанцію. Наши корабли построились въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Турецкихъ; передній корабль Саитъ-Али былъ настигнутъ, и весь флотъ нашъ спустился на непріятеля. Тогда Өедоръ Өедоровичь, приближась къ кораблю Алжирскаго Адмирала въ дистанцію полукабельтова и обойдя его съ носу, атаковалъ и далъ сигналъ начать общее сраженіе.

Кровопролитный бой этотъ продолжался отъ половины пятаго до половины девятаго часа по полудни. Непріятель, потерпѣвшій большой уронъ и необычайное поврежденіе обращенъ былъ въ бѣгство. Прежде другихъ былъ сбитъ передовой и лучшій корабль непріятельскаго флота, принадлежавшій Пашѣ Алжирскому: безъ форстеньги, безъ гротъ-марселя, съ разстрѣленными парусами и весьма поврежденный въ корпусѣ, онъ принужденъ былъ скрыться въ средину флота; заступившіе его мѣсто два корабля и два фрегата краснаго флага тоже скоро были сбиты и будучи сильно

повреждены, пошли за линію, защищая однакоже Саитъ-Али-Пашу отъ слѣдовавшихъ за *Рождествомъ Христовымъ* передовыхъ кораблей *Александра, Іоанна Предтечи и Ѳедора Стратилата,* которые спустились отъ вѣтра и окружа бѣгущіе непріятельскіе корабли, производили по нимъ и вдоль всего ихъ флота безпрерывный и жестокій огонь. Нашъ Контръ-Адмиральскій корабль преслѣдуя спасавшагося въ средину флота Саитъ-Али-Пашу, вошелъ въ самый центръ непріятельской линіи и довершалъ пораженіе преслѣдуемаго корабля. Вся наша линія, слѣдуя за передовыми кораблями столько стѣснила и смѣшала непріятельскіе корабли, что они другъ друга поражали выстрѣлами, въ безпорядкѣ укрывались одинъ за другимъ и бѣжали подъ вѣтръ сжатою кучею, оборотясь кормами къ нашему флоту, который сомкнувъ дистанцію, гналъ и поражалъ ихъ до самой темной ночи. Многіе Турецкіе корабли лишились мачтъ, стенгъ, рей и парусовъ и всѣ вообще были сильно повреждены въ кор-

пусахъ, а особливо Турецкаго Адмирала, едва державшійся на водѣ

При побѣдѣ, столь совершенной, можно было надѣяться, что значительная часть кораблей взята будетъ въ плѣнъ: но обстоятельства спасли Турокъ отъ конечной гибели. Въ половинѣ девятаго часа при сгустившейся отъ дыма темнотѣ, флотъ непріятельскій успѣлъ удалиться отъ своихъ преслѣдователей. Между тѣмъ вѣтеръ стихъ и большая зыбь склонила нашъ флотъ подъ вѣтръ въ разныя стороны; вскорѣ потомъ настало совершенный штиль, долгое время оставлявшій паруса безъ дѣйствія. Наконецъ около 11 часовъ подулъ сѣверозападный вѣтръ и флотъ нашъ былъ приведенъ въ бейдевиндъ лѣваго галса и легъ къ Сѣверо-востоку, съ тѣмъ, чтобы поворотясь на другой галсъ быть у непріятеля на вѣтръ. Въ самую полночь Ушаковъ далъ сигналъ поворотить на правый галсъ и взять курсъ къ сторонѣ непріятельскаго флота. Но 1 Августа при разсвѣтѣ, непріятеля не было уже

въ виду и лишь чрезъ нѣсколько часовъ замѣчаны были на горизонтѣ подъ вѣтромъ верхи Турецкихъ кораблей, въ сторонѣ Константинополя. Нашъ неутомимый предводитель флота, отдавъ приказаніе прибавить сколько можно парусовъ, полетѣлъ на непріятеля; но сѣверный вѣтръ часъ отчасу усиливавшійся произвелъ сильное волненіе — и принудилъ оставить погоню, тѣмъ болѣе, что разныя поврежденія въ нашихъ судахъ и оказавшаяся на кораблѣ *Александрѣ* течь отъ подводныхъ ранъ, требовалипочинокъ, которыхъ нельзя бы было исправить, не имѣя безопаснаго пристанища. А потому флотъ нашъ пойдя подъ берегъ мыса Эмене, не въ дальнемъ разстояніи отъ Фароса, бросилъ якори.

Въ три дня всѣ поврежденія на корабляхъ были исправлены и флотъ приведенъ былъ въ благонадежное состояніе, чтобы опять сразиться съ непріятелемъ. 4 числа флотъ былъ готовъ къ походу, но противный вѣтръ и сильное теченіе возпрепятствовали его выходу

съ рейда. Контръ - Адмиралъ Ушаковъ узналъ отъ плѣнныхъ, что въ Варнѣ находится Турецкая эскадра подъ командою Алжирскаго Паши и рѣшился отправиться туда съ флотомъ, истребить непріятельскія корабли и оттуда взять курсъ къ сторонѣ Константинополя для продолженія поисковъ. 5 числа поутру флотъ нашъ снялся съ якорей и лавируя при перемѣнныхъ вѣтрахъ, пустился къ Варнѣ. Въ третій день плаванія наши увидали два Турецкіе кирлангича; Ушаковъ послалъ за ними нѣсколько мѣлкихъ судовъ; но кирлангичи, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію, бѣжать отъ своихъ преслѣдователей, сами пошли къ нимъ, показывая знаками, что желаютъ сообщить какое-то извѣстіе. Кирлангичи были допущены къ нашему флоту и Турки передали Ѳедору Ѳедоровичу повелѣніе отъ главнокомандующаго Русскими войсками — прекратить военныя дѣйствія, потому что »въ 31 день Іюля Генералъ-Аншефъ Князь Репнинъ, въ отсутствіе Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина - Таврическаго, по даннымъ

въ виду и лишь чрезъ нѣсколько часовъ замѣчаны были на горизонтѣ подъ вѣтромъ верхи Турецкихъ кораблей, въ сторонѣ Константинополя. Нашъ неутомимый предводитель флота, отдавъ приказаніе прибавить сколько можно парусовъ, полетѣлъ на непріятеля; но сѣверный вѣтръ часъ отчасу усиливавшійся произвелъ сильное волненіе — и принудилъ оставить погоню, тѣмъ болѣе, что разныя поврежденія въ нашихъ судахъ и оказавшаяся на кораблѣ *Александрѣ* течь отъ подводныхъ ранъ, требовали починокъ, которыхъ нельзя бы было исправить, не имѣя безопаснаго пристанища. А потому флотъ нашъ пойдя подъ берегъ мыса Эмене, не въ дальнемъ разстояніи отъ Фароса, бросилъ якори.

Въ три дня всѣ поврежденія на корабляхъ были исправлены и флотъ приведенъ былъ въ благонадежное состояніе, чтобы опять сразиться съ непріятелемъ. 4 числа флотъ былъ готовъ къ походу, но противный вѣтръ и сильное теченіе воспрепятствовали его выходу

КНИГА XI.

ГЛАВА XXXIX.

МИРЪ РОССІИ СЪ ПОРТОЮ, ВЪ 1791 ГОДУ.

Первая Турецкая война, оконченная Кучукъ-Кайнаржійскимъ трактатомъ, ведена была нашимъ Отечествомъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: Пугачевскій бунтъ и чума были бѣдствіями, постигшими Россію въ годину достославной борьбы ея съ Портою. Но не смотря ни на какія затрудненія, увеличивавшія обычное бремя, которому неиз-

бѣжно подвергается воюющая держава, борьба съ Портою окончана была въ 1775 году выгоднымъ и славнымъ миромъ. Вторая война, начатая Турціею въ 1787 году то же была тягостна для Россіи: волненія въ Польшѣ и разрывъ съ Швеціею должны были отвлечь значительную часть Русскихъ силъ отъ театра Турецкой войны. Въ такихъ обстоятельствахъ миръ съ Портою былъ бы для Россіи, не смотря даже и на счастливые успѣхи нашего оружія, событіемъ, могтимъ безъ всякаго сомнѣнія способствовать возстановленію дружескихъ сношеній Россіи съ прочими державами. Правда, положеніе Россіи не было таково, чтобы примиреніе съ Портою или Швеціею было для нея необходимостію: однако Екатерина тѣмъ не мѣнѣе желала водворить спокойствіе въ своей Имперіи, и готова была даже принять въ этомъ случаѣ посредничество другихъ державъ, неравнодушно смотрѣвшихъ на успѣхи нашего оружія въ войнѣ съ Турками.

Утраты Порты возбуждали опасеніе во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ, а преимущественно въ Англіи и Пруссіи. Эти двѣ державы еще съ начала войны поддерживавшія возмущеніе въ Польшѣ и подстрекавшія замыслы Швеціи, непринимая въ нихъ впрочемъ непосредственнаго участія, намѣревались было предписать Россіи условія мира съ Портою. Пруссія заключила даже съ Турками договоръ и армія ея собралась уже въ Силезіи; Англійскій флотъ готовъ былъ вторгнуться въ Балтійское море: но трудно было устрашить Екатерину и заставить Ее уступить высокомѣрію другихъ державъ.[61]

Императрица, оскорбленная не совсѣмъ искренними домогательствами Англіи и Пруссіи и утомленная неотступными предложеніями посредничества со стороны послѣдней державы повелѣла, наконецъ, своему Посланнику въ Берлинѣ, Графу Нессельроде, сообщить Королю Прусскому »что Она будучи всегда оживляема искреннѣйшимъ желаніемъ доказать непремѣнную свою склонность къ прекращенію бѣд-

ствій несправедливѣйшей войны, къ которой Она принуждена была, ни мало не усумнилась, изъ персональной и особенной довѣренности Его Величеству Королю Прусскому сообщить слѣдующіе пункты, которые по правиламъ величайшей умѣренности и строжайшей справедливости, кажется, могутъ служить основаніемъ мира: 1) Удовлетвореніе за причиненное оскорбленіе сану Императрицы; 2) Награжденіе убытковъ и издержекъ, причиненныхъ несправедливо противъ Ея начатою войною, и наконецъ 3) Доставленіе споручительства къ будущему содержанію мира и спокойствія между граничащими между собою Государствами.«

На основаніи этихъ главныхъ пунктовъ Императрица Екатерина II требовала, чтобы Порта »безъ всякаго дальнаго объясненія« возобновила всѣ Трактаты, заключенные съ Россіею послѣ Кайнарджійскаго мира и вмѣстѣ обязалась, чтобы впредь границы Россіи простирались до Днѣстра, включая и городъ Акерманъ (тогда Бѣлградъ) во владѣнія Рос-

сія. Кромѣ этого, когда миръ заключенъ будетъ, то чтобы Бессарабія, Молдавія и Валлахія составили вольное и независимое Государство, управляемое Княземъ господствующей религіи въ этихъ земляхъ, который никогда бы невступалъ ни съ кѣмъ въ союзы, но »служа всегда сосѣдамъ преградою, могъ удалить отъ нихъ всякій поводъ къ несогласіямъ и спорамъ, каковые весьма часто произходятъ отъ непосредственнаго сосѣдства, и чрезъ сіе бы уничтожились на предбудущія времена всѣ таковые поводы, и миръ и спокойствіе возстановлены были бы съ обѣихъ сторонъ на твердомъ основаніи.«

Берлинскій Кабинетъ, увѣренный въ невозможности склонить Россію къ миру безъ всякихъ потерь для Порты, переслалъ ноту нашего посла въ Константинополь: но Диванъ не хотѣлъ и слышать »о мирѣ безъ Крыма.« Сверхъ того, сколько изъ объясненій Рейсъ-Эфендія замѣтить можно было, Порта опасалась, чтобы независимость Бессарабіи, Молдавіи и Валлахіи, поставляемая

Россіею въ число условій мирнаго тракташа, не кончилась тѣмъ же, чѣмъ кончилась независимость Крыма. Такимъ образомъ надежды Пруссіи и Англіи склонишь воюющія державы къ примиренію могли ошдалишься на неопредѣленное время, если бы кончина Императора Іосифа не измѣнила шеченія дѣлъ. По вступленіи на пресшолъ Леопольда II, Авсшрійскія войска осшавили своихъ союзниковъ и Русскіе осшались одни на военномъ поприщѣ съ Турками.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1790 года сшараніями Пруссіи, Англіи и Голландіи былъ ошкрышъ конгрессъ въ Реихенбахѣ. Послѣ непродолжишельныхъ споровъ заключена была наконецъ конвенція, долженсшвовавшая служишь основаніемъ для будущаго мира Авсшріи съ Турціею. Авсшрія согласилась осшавишь владѣнія по прежнему (in status quo a. b.). Но окончашельное зачлюченіе мира, по случаю различныхъ непредвидѣнныхъ обсшояшельсшвъ, замѣдлилось до половины слѣдующаго года. Авгусша 4, 1791 года, въ селеніи Чисшовѣ

былъ подписанъ трактатъ мира между Австріею и Турціею.[62]

Но переговоры съ Россіею были гораздо затруднительнѣе. Не смотря ни на представленія, ни даже на угрозы Европейскихъ кабинетовъ, наиболѣе принимавшихъ участіе въ судьбѣ Оттоманской Имперіи, Екатерина II не хотѣла согласиться на уменьшеніе своихъ требованій отъ державы, принудившей Россію приняться за оружіе. Слѣдствіемъ настойчивыхъ требованій кабинетовъ, трактовавшихъ о прекращеніи Турецкой войны было наконецъ то, что Императрица Екатерина объявила рѣшительно, что заключитъ миръ безъ всякихъ посредниковъ. Блистательные успѣхи Русскаго оружія и примиреніе съ Швеціею могли служить твердымъ основаніемъ столь благородной рѣшительности, свидѣтельствовавшей о постояно возраставшемъ могуществѣ нашего Отечества.

Безпрерывные побѣды Русскихъ на всѣхъ пунктахъ театра войны и нако-

нецъ рѣшительное разбитіе арміи Верховнаго Визиря войсками, ввѣренными Князю Николаю Васильевичу Репнину при Мачинѣ (28 Іюля 1791) убѣдили Мусульманъ »отдавшихся, по словамъ Императрицы Екатерины, въ опеку и поручившихъ свои дѣла опекунамъ,«[63] что дальнѣйшее упорство удовлетворитъ требованіямъ Россіи повлечетъ лишь ихъ къ большимъ потерямъ. Верховный Визирь, какъ было уже упомянуто, первый заговорилъ о мирѣ — на поляхъ Мачинскихъ. Князь Репнинъ, въ отсутствіе Главнокомандовавшаго, имѣвшій полное право прекратить вражду съ непріятелями, успѣлъ убѣдить Визиря, что никогда Россія не согласится уменьшить своихъ требованій, никогда не заключитъ мира, несообразнаго съ ея достоинствомъ и не удовлетворяющаго ея, хотя въ малой мѣрѣ, за понесенныя потери во время войны. Турки пламенно желали окончить пагубную для нихъ борьбу съ могущественною сосѣдкою и Визирь, убѣжденный въ твердости Императрицы Екатерины и въ достаточности средствъ Россіи къ

продолженію войны съ прежнею славою, подписалъ наконецъ 31 Іюля прелиминаріи мира, предложенныя ему Княземъ Репнинымъ. Главныя условія, долженствовавшія служить основаніемъ мирнаго трактата состояли въ томъ, что Кайнаржійскій миръ и послѣдовавшіе за нимъ договоры подтверждены во всей силѣ; рѣка Днѣстръ назначена границею обоихъ Государствъ и земли между этой рѣки и Буга присоединены къ владеніямъ Россіи. Въ замѣнъ этаго Россія обязывалась возвратить всѣ сдѣланныя ею въ продолженіе войны завоеванія, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Такимъ образомъ обѣ враждовавшія стороны положили наконецъ оружіе.

Во все продолженіе компаніи 1791 года Князь Григорій Александровичь находился въ С. Петербургѣ; но получивъ донесеніе отъ Князя Репнина о разбитіи силъ Верховнаго Визиря при Мачинѣ, и предвидя, что война должна кончиться, тотчасъ отправился къ дѣйствующей арміи, надѣясь исхитить у Репнина двойную

славу побѣдителя и миротворца. Потемкинъ прибылъ въ Галацъ рано поутру 1 Августа, то есть на другой день подписанія мирныхъ прелиминарій Репнинымъ и Юсуфъ-Пашею. Раздосадованный неудачею Фельдмаршалъ осыпалъ заслуженнаго Полководца страшными упреками, присоединялъ къ нимъ угрозы. »Я исполнилъ долгъ свой« — отвѣчалъ Князь Репнинъ, »и готовъ дать отвѣтъ Государынѣ и Отечеству.«[64] Но не смотря на то, Таврическій уничтожилъ договоръ заключенный въ Русскомъ лагерѣ при Мачинѣ, считая его не соотвѣтствующимъ достоинству Россійской Имперіи. Пламя войны, по видимому, должно было опять возгорѣться.

Потемкинъ къ условіямъ, предложеннымъ Репнинымъ для заключенія мира, присоединилъ еще нѣсколько требованій, въ числѣ которыхъ главнѣйшими были тѣ, чтобы Порта, сверхъ земель между Буга и Днѣстра, уступила еще Россіи всю Закубанскую страну и въ вознагражденіе военныхъ издержекъ заплати-

ла двадцать милліоновъ піастровъ. Собранный для этого конгрессъ въ Яссахъ готовъ уже былъ послѣ двухъмѣсячныхъ переговоровъ прекратиться. Но Потемкинъ предписывалъ Туркамъ тягостныя условія и готовился къ новой брани въ то время, когда смерть уже невидимо носилась надъ его головою, и ея предвѣстники — изнуреніе силъ и тоска поселились въ тѣлѣ честолюбиваго Фельдмаршала... изнурительная лихорадка постигла великолѣпнаго Князя Тавриды; все искуство медиковъ осталось безполезнымъ. Потемкинъ, своенравный, разстроенный неудачами и въ томъ, за чѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ, въ началѣ 1791 года, и въ томъ, для чего послѣ борьбы двухъ противуположныхъ желаній поспѣшилъ изъ Петербурга къ арміи, не успѣвъ ни тамъ ни тутъ достигнуть своей цѣли, отказывался отъ предписываемыхъ лѣкарствъ и напротивъ предавался всѣмъ излишествамъ обычной ему роскоши и тѣмъ давалъ обильную пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала: онъ продолжалъ

вести обширную переписку; курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; Польскіе Магнаты и Молдавскіе Бояре, искавшіе покровительства своей отчизнѣ у сильнаго Вельможи толпились у его великолѣпной палатки. Но внутренняя скорбь не давала покоя чрезмѣру честолюбивому; »по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ« сказалъ Потемкинъ и выѣхалъ туда изъ Яссъ 5 Октября. Но и этому желанію не суждено было исполниться. На тридцать восьмой верстѣ Таврическій почувствовалъ сильное томленіе, вышелъ изъ кареты, легъ подъ деревомъ близь дороги — и тутъ подъ открытымъ небомъ на рукахъ любимой племянницы испустилъ духъ свой.[65]

На мѣсто Потемкина въ Яссы Императрица прислала Графа Александра Андреевича Безбородку, повелѣвъ быть при немъ на конгрессѣ Генералъ-Поручику Самойлову, Генералъ-Маіору де Рибасу и Статскому Совѣтнику Лошкареву. Дѣла приняли другой оборотъ, переговоры скоро окончились и миръ былъ заклю-

ченъ 29 Декабря 1791 года. Къ прежнимъ условіямъ присоединено было одно шолько новое, чшобы Порша »ни шайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ не оскорбляла и не безпокоила земель и жишелей, владѣемыхъ Царемъ Каршалинскимъ.«

КНИГА XII.

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1788—1790.

ла двадцать милліоновъ піастровъ. Собранный для этого конгрессъ въ Яссахъ готовъ уже былъ послѣ двухъмѣсячныхъ переговоровъ прекратиться. Но Потемкинъ предписывалъ Туркамъ тягостныя условія и готовился къ новой брани въ то время, когда смерть уже невидимо носилась надъ его головою, и ея предвѣстники — изнуреніе силъ и тоска поселились въ тѣлѣ честолюбиваго Фельдмаршала... изнурительная лихорадка постигла великолѣпнаго Князя Тавриды; все искуство медиковъ осталось безполезнымъ. Потемкинъ, своенравный, разстроенный неудачами и въ томъ, за чѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ, въ началѣ 1791 года, и въ томъ, для чего послѣ борьбы, двухъ противуположныхъ желаній поспѣшилъ изъ Петербурга къ арміи, не успѣвъ ни тамъ ни тутъ достигнуть своей цѣли, отказывался отъ предписываемыхъ лѣкарствъ и напротивъ предавался всѣмъ излишествамъ обычной ему роскоши и тѣмъ давалъ обильную пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала: онъ продолжалъ

вести обширную переписку; курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; Польскіе Магнаты и Молдавскіе Бояре, искавшіе покровительства своей отчизнѣ у сильнаго Вельможи толпились у его великолѣпной палатки. Но внутренняя скорбь не давала покоя чрезмѣру честолюбивому; »покрайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ« сказалъ Потемкинъ и выѣхалъ туда изъ Яссъ 5 Октября. Но и этому желанію не суждено было исполниться. На тридцать восьмой верстѣ Таврическій почувствовалъ сильное томленіе, вышелъ изъ кареты, легъ подъ деревомъ близь дороги — и тутъ подъ открытымъ небомъ на рукахъ любимой племянницы испустилъ духъ свой.[65]

На мѣсто Потемкина въ Яссы Императрица прислала Графа Александра Андреевича Безбородку, повелѣвъ быть при немъ на конгрессѣ Генералъ-Поручику Самойлову, Генералъ-Маіору де Рибасу и Статскому Совѣтнику Лошкареву. Дѣла приняли другой оборотъ, переговоры скоро окончились и миръ былъ заклю-

ченъ 29 Декабря 1791 года. Къ прежнимъ условіямъ присоединено было одно шолько новое, чшобы Порша »ни шайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ не оскорбляла и не безпокоила земель и жишелей, владѣемыхъ Царемъ Каршалинскимъ.«

КНИГА XII.

ВОЙНА СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1788—1790.

КНИГА XII.

ГЛАВА XL.

ШВЕЦІЯ НАМѢРЕВАЕТСЯ ОБЪЯВИТЬ ВОЙНУ РОССІИ. ВСТРѢЧА ГЕРЦОГА ЗЮДЕРМАНЛАНДСКАГО СЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛОМЪ ФОНЪ ДИЗИНОМЪ. НОТА СТОКГОЛЬМСКАГО КАБИНЕТА. НАЧАЛО НЕПРІЯЗНЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ СО СТОРОНЫ ШВЕЦІИ.

Густавъ III, Король Шведскій, полагалъ, что во время войны Россіи съ Портою настала для него удобная минута сокрушить однимъ ударомъ могущество грозной своей сосѣдки: Въ 1788 году онъ открылъ походъ противъ Россіи и хотя

война не была для него безславна и кончилась безъ потерь для Швецiи, но только одинъ необыкновенный умъ его и сила воли помогли ему выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Мы уже говорили, что первымъ предлогомъ породившимъ неудовольствiе между нашимъ Дворомъ и Стокгольмскимъ было мнимое сомнѣнiе, изъявленное Королемъ Шведскимъ на счетъ назначенiя Русскаго флота, готовившагося къ походу въ Средиземное море. Не смотря ни на какiя увѣренiя нашего Кабинета, что корабли вооружаются единственно противъ Турокъ, Шведскiй Король далъ повелѣнiе вооружать и свой флотъ, объявилъ при этомъ, что опасается нападенiя со стороны Россiи и послалъ двоюроднаго брата своего Герцога Зюдерманландскаго съ эскадрою наблюдать за движенiями нашихъ кораблей.

Въ началѣ Iюня мѣсяца 1788 года три Русскiе военные корабля, отдѣленные отъ эскадры готовившейся къ походу въ Средиземное море, проходя высоту острова Даго, встрѣтили нѣсколько

Шведскихъ кораблей: одинъ изъ нихъ подошелъ къ нашему кораблю, на которомъ находился Вице-Адмиралъ фонъ Дизенъ. Командиръ Шведскаго фрегата объявилъ, что на одномъ изъ кораблей, встрѣченныхъ Русскими, находится братъ Шведскаго Короля Герцогъ Зюдерманландскій и потребовалъ салютаціи. Фонъ-Дизенъ, ссылаясь на 17 статью Абовскаго мирнаго трактата, которою постановлено флагамъ обѣихъ державъ не салютовать другъ друга, объявилъ, что такое требованіе не можетъ быть исполнено. Но когда Шведскій фрегатъ началъ удаляться, нашъ Вице-Адмиралъ приказалъ сдѣлать тринадцать выстрѣловъ и послалъ одного изъ своихъ офицеровъ къ Герцогу сказать, что салютація сдѣлала единственно въ честь особы Его Высочества. Шведскій Принцъ отвѣчалъ, что ему »хорошо извѣстны всѣ статьи Абовскаго договора, но что сверхъ того, онъ имѣетъ отъ своего Короля повелѣніе требовать во всякомъ случаѣ салютаціи флагу флота Его Величества, и даже въ случаѣ нужды, поддерживать это требованіе вооруженною рукою

Фонъ-Дизенъ тотчасъ донесъ объ этомъ произшествіи, и въ Санктпетербургѣ неуспѣли еще сдѣлать отзыва о такомъ поступкѣ, какъ тамъ получено было другое донесеніе изъ Стокгольма, что Король Шведскій велѣлъ Министру Императрицы Екатерины II при его дворѣ Графу Разумовскому выѣхать въ Россію.

Столь оскорбительный для нашего Отечества поступокъ можно было объяснить лишь желаніемъ Короля Шведскаго принудить Россію первую объявить войну. Вотъ обстоятельства сопровождавшія выѣздъ нашего посланника изъ Стокгольма.

Вооруженіе нашего флота въ Балтійскомъ морѣ вовлекло Санктпетербургской Дворъ въ продолжительные переговоры съ Стокгольмскимъ о назначеніи флота и когда Шведскій Король, убѣжденный внутренно о цѣли вооруженія объявилъ однако же Русскому Министру чрезъ Графа Оксенштирна »что опасается нападенія состороны Россіи и что для защиты своего Королевства тоже велѣлъ

войскамъ своимъ бышь гошовымъ къ походу по первому приказанію.« Графъ Разумовскій, послѣ канференціи съ Графомъ Оксенширномъ, тошчасъ представилъ Шведскому Минисшерсшву записку, шакого содержанія.[67]

»Нижеподписавшійся, Россійскаго-Императорскаго Двора чрезвычайный Посланникъ и полномочный Министръ въ слѣдствіе изусшнаго изъясненія своего съ Его Сіяшельсшвомъ г. Сенаторомъ Графомъ Оксенширномъ, имѣешъ чесшь представить въ сей запискѣ крашкое о шѣхъ же предмешахъ повшореніе.«

»Сколь ни велико было удивленіе Ея Императорскаго Величества Всемилосшивѣйшей Государыни моей при полученіи извѣсшія о чинимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, однакожъ Ея Величесшво, не видя ни какимъ справедливыхъ побудишельныхъ причинъ, могущихъ подашь къ онымъ поводъ, вознамѣрилась пребывашь въ молчаніи, доколѣ сіи движенія пребудушъ внушри Государсшва. Но узнавъ потомъ о побудишельныхъ причинахъ, приведенныхъ въ сообщеніи, сдѣлан-

номъ отъ Г. Сенатора Графа Оксенстирна Датскому Министру, который въ слѣдствіе существующей между обоими Дворами тѣсной дружбы извѣстилъ объ нихъ нижеподписавшагося, Ея Императорское Величество рѣшилась сіе молчаніе прервать и повелѣть нижеподписавшемуся вступить съ Министерствомъ Его Величества Короля Шведскаго въ слѣдующія изъясненія.«

»Ея Императорское Величество не преставала въ теченіи двадцатилѣтняго Царствованія своего изъявлять Королю и націи Шведской опыты желанія Своего сохранять доброе съ нею сосѣдство и согласіе на такомъ основаніи, какъ оныя установлены были между обѣими Державами заключеннымъ въ Абовѣ миромъ. Если Ея Императорское Величество и посреди самаго покоя, коимъ Имперія Ея со стороны прочихъ сосѣдовъ наслаждалася, даже ни малѣйшей мысли никогда не имѣла нарушить или перемѣнить сей порядокъ вещей, то по всей вѣроятности не можно было оное приписать Ея Величеству въ то время, когда

Она находится въ войнѣ, неправедно сильнымъ непріятелемъ воздвигнутой и всего вниманія Ея требующей. И потому Ея Императорское Величество, видя Себя принужденною употребить дарованные Ей Богомъ способы для отвращенія непріятельскихъ покушеній, не оставила дружески предварить о томъ всѣхъ Христіанскихъ Державъ, и имянно поступила Она такимъ образомъ, когда приняла намѣреніе вооружить флотъ для отправленія въ Архипелагъ, о чемъ по Высочайшему Ея повелѣнію, увѣдомилъ нижеподписавшійся и Министерство Шведское.«

»Всѣ сіи распоряженія и пріуготовленія, относящіяся явно и единственно до положенія, въ которомъ Россія находилась, не могли отнюдь потревожить прочихъ Ея сосѣдовъ, не питающихъ сокровенныхъ умысловъ умножить заботы Ея оными, предполагая на время, что Россійскій Дворъ предписываетъ Шведскому Двору таковые умыслы, сколь бы ни противны они были святости договоровъ, связующихъ сіи Дворы.— Здр

вый разсудокъ, да и польза перваго, долженствовали ограничивать всѣ мѣры его, стараніемъ предупреждать токмо слѣдствія, а не возбуждать оныя; да и въ самомъ дѣлѣ мѣры, кои благоразуміе предписывало, и которыя приняты были по разнесшимся по всюду слухамъ о чинимыхъ въ Швеціи вооруженіяхъ, сокращались въ нѣкоторомъ умноженіи Россійскихъ въ Финляндіи войскъ; такъ же и въ назначеніи эскадры, по обыкновенію ежегодно въ Балтійское море для обученіе мореходцовъ посылаемой. Сіе обыкновеніе не навлекало никогда на себя вниманія Швеціи и не подавало ей никогда подозрѣнія. Между тѣмъ вооруженія ея хотя продолжались и умножались ежедневно, не разсудилъ однакожъ Стокгольмскій Дворъ заблаго открыться въ томъ формально Санктпетербургскому; и когда они приведены къ окончанію, тогда Г. Сенаторъ Графъ Оксенштирнъ не обинуясь объявилъ именемъ Королевскимъ Министру Двора, въ тѣснѣйшей связи съ нами состоящаго (и отъ котораго слѣдовательно должно было ожи-

дать, что онъ не скроетъ отъ насъ), что пріуготовленія сіи клонились противъ Россіи, въ томъ мнѣніи, что Швеція угрожается отъ нее нападеніемъ. При таковыхъ обстоятельствахъ Ея Императорское Величество равномѣрно не обинуясь и съ Своей стороны объявляетъ чрезъ нижеподписавшагося Министерству Его Величества Короля Шведскаго, такъ какъ и всѣмъ тѣмъ, кои въ сей націи нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ, что Ея Императорское Величество не можетъ дать надежнѣйшаго опыта миролюбивыхъ Ея къ нимъ расположеній и участія, пріемлемаго Ею въ сохраненіи ихъ спокойствія, какъ увѣряя ихъ Императорскимъ словомъ, что всѣ приписываемыя Ей противныя намѣренія суть вовсе не основательны; но что въ случаѣ, буде столь торжественное и столь точное увѣреніе, сопряженное съ простыми и убѣдительными доводами, выше сего представленными, не было бы достаточно къ возстановленію тишины и спокойствія, то Ея Императорское Величество намѣрена

ожидать всего, что случится, съ надежностію и увѣреніемъ, каковыя вперяютъ Ей непорочность и невиность Ея намѣреній, такъ же какъ и достаточныя Ей Богомъ дарованныя способы, кои Ею всегда ко славѣ Имперіи и благополучію Ея подданныхъ употребляемы были.«[68]

Шведскому Королю угодно было счесть эту записку оскорбительною для своей славы; къ Графу Разумовскому чрезъ нѣсколько дней явился Королевскій Церемоніймейстеръ Бедоаръ и прочиталъ ему слѣдующее объявленіе:

»Его Величество не могъ безъ крайняго удивленія видѣть изъ записки, врученной 16 Іюня Россійскимъ чрезвычайнымъ Посланникомъ и полномочнымъ Министромъ Графомъ Разумовскимъ, сколь умышленно онъ старается отдѣлять Короля отъ націи, увѣряя какъ о миролюбивыхъ Ея Императорскаго Величества къ нимъ расположеніяхъ, такъ и о пріемлемомъ Ею въ спокойствіи ихъ участіи. Хотя Король и признаетъ въ сихъ изъясненіяхъ такія правила, которыя Россійскимъ Дворомъ часто ока-

зываны были: однако, поелику Его Величество не можешъ согласишь сихъ дружескихъ Ея Императорскаго Величества расположеній со внушеніемъ; прямо къ раздѣленію его отъ націи клонящихся, и имѣешъ швердое намѣреніе не принимать никогда правилъ, могущихъ изъ того произойти, то и не можетъ думать, чтобъ таковое объявленіе оному Министру предписано было отъ Россійскаго Двора. Его Величество охотнѣе относитъ оное къ самому Министру, обрѣтающемуся при немъ. Но будучи столько же удивленъ, сколько и оскорбленъ примѣчаемымъ тушъ непристойнымъ и спокойствію Государства противнымъ изъясненіемъ, не можешъ онъ отнынѣ признавать Графа Разумовскаго при Дворѣ своемъ въ званіи чрезвычайнаго Посланника и полномочнаго Министра, предоставляя себѣ по прибытіи въ Финляндію отвѣтствовать Императрицѣ Россійской на прочія того объявленія статьи, посредствомъ находящагося въ Санктпетербургѣ Министра своего. Его Величество видитъ себя однакожъ пр

нужденнымъ требовать, чтобъ выѣхалъ Графъ Разумовскій, обьявляя ему, что не можетъ онъ уже позволить своимъ Министрамъ имѣть съ нимъ по дѣламъ сношеній, въ разсужденіи того, что въ представленіи его нарушены начальныя основанія правленія и должное уваженіе къ особѣ королевской. Оказанныя Его Величествомъ сему Министру милости, съ того времяни, какъ онъ его узналъ, доказываютъ, сколь прискорбно ему предписать сей отъѣздъ, и единственно столь сильныя причины, каковы суть лично оскорбленная слава Его Величества и спокойствіе Государства, которое бы нарушено было таковыми необыкновенно обнаруженными правилами, могли принудить Его Величество пожелать удаленія особы, толико заслуживающей его благоволеніе.

»Его Величество извѣщая Графа Разумовскаго о соизволеніи своемъ, что не будетъ болѣе признавать его публичнымъ Министромъ, даетъ ему однакожъ сроку недѣлю для нужныхъ распоряженій. Отъ Его Величества даны уже

повелѣнія о корабляхъ, такъ же, какъ и о всемъ, что долженствуетъ служить къ спокойному его отъѣзду въ Петербургъ.«

Въ тоже время Графъ Оксенштирнъ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ Министрамъ записку такого содержанія:

»Король среди старанія своего о сохраненіи со всѣми его сосѣдами добраго согласія, не упуская ничего для соблюденія онаго и съ Россійскимъ Дворомъ, не могъ безъ удивленія видѣть слабое дѣйствіе таковыхъ расположеній надъ поведеніемъ Министра сей Державы. Изъясненія, сопровождающія уже нѣсколько мѣсяцовъ поступки его, кажется знаменуютъ еще туже систему раздора по преданію предмѣстниковъ его продолжавшуюся, и которую старались они всегда тщательно распространять. Король и тутъ не хотѣлъ подавать вѣры симъ произшествіямъ; онъ желалъ еще, чтобъ можно было усумниться въ усиліяхъ Россійскаго Посланника къ приведенію Шведской націи въ заблужденіе, обольстившее ея во время безначалія и

къ распространенію вновь въ нѣдрахъ Государства прежняго духа несогласія, промысломъ Божіимъ и трудами Его Величества счастливо пресѣченнаго: но Графъ Разумовскій запискою своею отъ 18 Іюня прекратилъ наконецъ всѣ сумнѣнія, кои Король въ разсужденіи предмета сего желалъ еще имѣть. Въ слѣдъ за дружескими со стороны Ея Императорскаго Величества увѣреніями, поданными Королю, коими наполнена сія записка, не обинуяся прибѣгнулъ Министръ сей еще и къ другимъ, кромѣ одного Короля. Онъ обращается ко всѣмъ въ Правленіи участвующимъ, а равно и къ самой націи, для увѣренія ихъ о расположеніяхъ своей Государыни и о пріемлемомъ Ею въ спокойствіи ихъ участіи. Поелику Швеція одолжена онымъ единственно собственному своему согласію, то Король не могъ безъ крайняго удивленія видѣть объявленіе, въ таковыхъ выраженіяхъ составленное, и совершенно находитъ тутъ политику и отзывы предмѣстниковъ Министра сего, кои недовольствуясь тѣмъ, что посѣвали несогласіе между

подданными Его Величества, желали бы еще и противуположить другую власть законному начальству и испровергнуть коренные государственные законы, приглашая въ подкрѣпленіе своимъ отзывамъ таких свидѣтелей, кои по образу Правленія не могутъ быть признаны. Тщетно старался бы Его Величество согласить дружескія Ея Императорскаго Величества увѣреніи съ вызовами Ея къ Шведскимъ подданнымъ. Всякій Министръ, коему препоручается расположеніе своего Государя, не долженъ, да и не можетъ изъявлять ихъ кому либо другому, кромѣ Государя, при которомъ онъ уполномоченъ. Всякая иная власть для него чужда, всякой иной свидѣтель для него излишенъ. Таковъ есть законъ, таковъ есть непремѣнный всѣхъ Европейскихъ Кабинетовъ обычай, и сіе правило непрестанно наблюдаемо было, развѣ когда затѣвали, какъ прежде сего въ Швеціи, коварными внушеніями привести дѣла въ замѣшательство, все запутать и вновь воздвигнуть преграду, раздѣлявшую нѣкогда націю и Государя.«

»Его Величество почитаетъ себя по-тому оскорбленнымъ наичувствительнѣйшимъ для славы его образомъ, и какъ не усматриваетъ онъ болѣе, чтобъ изъясненія Графа Разумовскаго были изъясненія Министра, коему до сего времени поручено было возвѣщать дружескія Ея Императорскаго Величества расположенія, да и не можетъ себѣ представить такъ же, чтобъ ему предписаны были израженія, кореннымъ Шведскимъ законамъ столь противныя, кои отдѣляя Короля отъ Государства учинили бы всякаго подданнаго виновнымъ, то и относитъ оныя болѣе къ личнымъ Россійскаго Министра расположеніямъ, нежели къ даннымъ ему отъ Двора его повелѣніямъ. Совсѣмъ тѣмъ однакожъ послѣ всего произшедшаго, послѣ объявленій, сколько блаженству Государства, стольножъ законамъ, а равно и должнымъ Его Величеству уваженіямъ противныхъ; не можетъ уже Его Величество признавать болѣе Графа Разумовскаго въ званіи Министра, и видитъ себя обязаннымъ требовать, чтобъ онъ изъ

Швеціи выѣхалъ; поруча Министру своему при Россійскомъ Дворѣ находящемуся сообщить отвѣты его на прочіе во врученной запискѣ содержащіяся статьи. Ни что иное какъ толь безпосредственное славѣ Его Величества отъ Графа Разумовскаго учиненное оскорбленіе, могло побудить его на отлученіе отъ себя такого человѣка, котораго онъ удостоивалъ своей отличной милости. Но къ сожалѣнію, Его Величество видя себя принужденнымъ поступить на сію необходимость, старался однакожъ, въ слѣдствіе прежняго къ нему благоволенія, уменьшить непріятность подобнаго положенія попечительнымъ своимъ распоряженіемъ, какъ относительно выѣзда Графа Разумовскаго, такъ и въ разсужденіи времени и спокойствія его во время путешествія и проѣзда въ Санктпетербургъ.»

Графъ Разумовскій неуспѣлъ выѣхать изъ Стокгольма,[70] какъ въ Петербургѣ получено было еще извѣстіе о новомъ оскорбительномъ поступкѣ со стороны Швеціи: 21 числа Іюня отрядъ Швед-

скихъ войскъ перешелъ предѣлы Россіи, напалъ на пограничную шаможенную сшражу, засшрѣлилъ офицера и двухъ солдашъ, ворвался въ предмѣсшіе Нейшлоша, обложилъ крѣпосшь и началъ мѣшашь въ нее бомбы.

»Таковымъ образомъ, прежде чѣмъ какую либо вину сей войны знаемъ, объявляла Императрица Екатерина II, своимъ вѣрноподданнымъ, Манифесшомъ ошъ 30 Іюня 1788 года, »внесены уже въ предѣлы Россійской Имперіи дѣйсшвія оной, образомъ сроднымъ шокмо хищнымъ варварамъ, а не просвѣщеннымъ Европейскимъ Державамъ, кошорыя не подъемлюшъ оружія, не предваривъ о причинахъ къ шому побуждающихъ.«

Причинъ войны, кромѣ мнимыхъ опасеній на счешъ вооруженія Русскаго флоша, Король Шведскій и не могъ найши. Но какъ бы шо ни было, въ шо время, какъ уже Шведскія войска вошли въ предѣлы Россіи, Король Гусшавъ III прислалъ къ своему Посольсшву въ Пешербургъ ношу для врученія Россійско-Имперашорскому Минисшерсшву, въ кошорой пред-

лагалъ условія, на которыхъ онъ соглашался оставить свое намѣреніе — идти войною на Россію. Помѣщаемъ эти условія, въ томъ видѣ, какъ онѣ были обнародованы тогда въ С. Петербургѣ.

»Первое, чтобы Россійскій-Императорскій Министръ Графъ Разумовскій былъ наказанъ примѣрнымъ образомъ за употребленные имъ происки въ Швеціи къ возмущенію дружбы, довѣренности и добраго согласія между двумя Имперіями; дабы подобные ему отвращены были навсегда мѣшаться во внутреннія дѣла Монархіи независимой. Второе, чтобы въ награжденіе убытковъ, Королемъ понесенныхъ на его вооруженіе, Ея Императорское Величество уступила ему на вѣчныя времена всю часть Финляндіи и Кареліи съ губерніею и съ городомъ Кексгольмомъ, такъ какъ все оное уступлено Россіи мирнымъ договоромъ Нейштатскимъ, и Абовскимъ установляя границу по Систербекъ. Третіе, чтобы Ея Императорское Величество приняла посредничество Короля Шведскаго къ доставленію Ей мира съ

Портою-Оттоманскою и уполномочила его предложить Порт полную уступку Крыма и возстановленія границъ по договору 1774 года; но ежели Король Шведскій не успѣетъ согласить Порту къ миру на сихъ условіяхъ, то предоставить сей Державѣ положеніе ея предѣловъ такъ, какъ они были до войны 1768 года; для безпечности же въ сихъ жертвахъ, чтобы Ея Величество предварительно разоружила свой флотъ, возвратила корабли, въ Балтійское море вышедшіе, вывела войска свои изъ новыхъ границъ и согласилась, чтобъ Шведскій Король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россіею и Портою.«

Изъ всего этого видно, что Густавъ III имѣлъ слишкомъ ошибочное мнѣніе о тогдашнемъ положеніи Россіи и непостигалъ, вѣроятно, величія и твердости воли Русской Монархини. Требованія Швеціи были столь странны, что, очень ясно, незаслуживали никакаго отвѣта. Императрица повелѣла только Генералъ-Аншефу Графу Брюсу (бывшему тогда Главнокомандующимъ въ Санктпетер-

бургѣ) объявишь вручившему ношу Секрешарю Шведскаго Посольства, Шлафу »чшобы онъ, со всемъ посольсшвомъ и съ курьерами къ нему ошъ Двора его прибывшими, какъ наискорѣе выѣхалъ изъ сшолицы и изъ предѣловъ Всероссійской Имперіи.«

Вслѣдъ за шѣмъ Императрица повелѣла высшупишь войскамъ въ Финляндію и флошу своему идши на всшрѣчу непріяшельскому. Войска сухопушныя поручены были Генералъ-Аншефу Графу Валеншину Плашоновичу Мусину-Пушкину, а флошъ Адмиралу Самуилу Карловичу Грейгу.

Сухопушнаго Русскаго войска было слишкомъ мало вблизи Шведскихъ границъ: почши всѣ Русскія войска дѣйсшвовали въ шо время прошивъ Турокъ. Гвардія, сколько ее находилось шогда въ С. Пешербургѣ, была ошправлена на почшовыхъ прошивъ непріяшеля, сшоль внезапно вшоргнувшагося въ Россію; на подкрѣпленіе ея послали гарнизоны изъ

КНИГА XII.

ГЛАВА XLI.

ДѢЙСТВІЯ РУССКАГО ФЛОТА ПРОТИВЪ ШВЕДОВЪ ВЪ 1788 ГОДУ. СРАЖЕНІЕ БЛИЗЬ ОСТРОВА ШТЕН-ШКЕРА. КОНЧИНА АДМИРАЛА ГРЕЙГА.

Русскій флотъ, ввѣренный Адмиралу Грейгу, снялся съ якоря въ началѣ Іюля и 6 числа увидалъ непріятеля въ семи миляхъ отъ Гохланда къ Весту, между острова Штен Шкера и мѣли Калбо-де-грунтъ. У Шведовъ было пятнадцать линѣйныхъ кораблей, восемь большихъ

Побѣда, одержанная Грейгомъ, могла бы быть названа совершенною, еслибы не омрачилась однимъ несчастнымъ событіемъ: послѣ сраженія уже, во время штиля, одинъ нашъ корабль (74-хъ пушечный) былъ отнесенъ теченіемъ къ той сторонѣ, куда скрылись непріятельскія суда, и при сильной темнотѣ, вдругъ былъ окруженъ четырьмя Шведскими кораблями, и по долговременномъ сопротивленіи, былъ ими взятъ въ плѣнъ.

Желая загладить это несчастное событіе, Грейгъ, снявшись съ якоря при островѣ Сескарѣ, 25 Іюля отправился съ флотомъ своимъ къ Свеаборгу и 26 числа, въ шесть часовъ поутру, приблизился къ четыремъ военнымъ Шведскимъ кораблямъ, стоявшимъ на рейдѣ близь порта. Они тотчасъ отрубили якори и пустились на всѣхъ парусахъ въ портъ. Всѣ движенія ихъ означали крайнее замѣшательство, и когда авангардъ нашего флота приблизился къ нимъ на пушечный выстрѣлъ, одинъ изъ бѣжавшихъ Шведскихъ кораблей ударился о подводный камень и такъ сильно, что

большая его мачта сломилась, и упала на бордъ. Корабль остался на камнѣ, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ корабля Контръ-Адмирала Козлянинова, спустилъ свой флагъ. Остальные три корабля спаслись въ портъ, куда слишкомъ опасно было идти за ними по незнанію мѣстности, усѣянной наружными и подводными камнями. Главнокомандующій послалъ шлюбки для принятія сѣвшаго на камень корабля, который имѣлъ шестьдесятъ четыре пушки, былъ новаго построенія и назывался *Густавомъ-Адольфомъ*. Капитанъ корабля Полковникъ Кристіернинъ, тринадцать Офицеровъ и пятьсотъ тридцать человѣкъ экипажа взяты были на наши корабли военноплѣнными. Едва наши успѣли взойти на бордъ плѣненнаго корабля, какъ въ немъ оказалась сильная течь и чрезъ нѣсколько времени онъ наполнился водою почти на 20 футовъ; спасти его было не возможно — и когда всѣ плѣнные сошли съ него съ своими вещами и когда по возможности была спасена большая часть воинскихъ снарядовъ — его предали огню.

Побѣда, одержанная Грейгомъ, могла бы быть названа совершенною, еслибы не омрачилась однимъ несчастнымъ событіемъ: послѣ сраженія уже, во время штиля, одинъ нашъ корабль (74-хъ пушечный) былъ отнесенъ теченіемъ къ той сторонѣ, куда скрылись непріятельскія суда, и при сильной темнотѣ, вдругъ былъ окруженъ четырьмя Шведскими кораблями, и по долговременномъ сопротивленіи, былъ ими взятъ въ плѣнъ.

Желая загладить это несчастное событіе, Грейгъ, снявшись съ якоря при островѣ Сескарѣ, 25 Іюля отправился съ флотомъ своимъ къ Свеаборгу и 26 числа, въ шесть часовъ поутру, приблизился къ четыремъ военнымъ Шведскимъ кораблямъ, стоявшимъ на рейдѣ близь порта. Они тотчасъ отрубили якори и пустились на всѣхъ парусахъ въ портъ. Всѣ движенія ихъ означали крайнее замѣшательство, и когда авангардъ нашего флота приблизился къ нимъ на пушечный выстрѣлъ, одинъ изъ бѣжавшихъ Шведскихъ кораблей ударился о подводный камень и такъ сильно,

большая его мачта сломилась, и упала за *бордъ. Корабль* остался на камнѣ, и по*слѣ нѣсколькихъ* выстрѣловъ съ корабля *Контръ-Адмирала* Козлянинова, спу*стилъ свой* флагъ. Остальные три кора*бли* спаслись въ портъ, куда слишкомъ *опасно* было идти за ними по незнанію мѣстности, усѣянной наружными и подводными камнями. Главнокомандующій послалъ шлюбки для принятія сѣвшаго на камень корабля, который имѣлъ шестьдесятъ четыре пушки, былъ новаго построенія и назывался *Густавомъ-Адольфомъ*. Капитанъ корабля Полковникъ Кристіернинъ, тринадцать Офицеровъ и пятьсотъ тридцать человѣкъ экипажа взяты были на наши корабли военноплѣнными. Едва наши успѣли взойти на бордъ плѣненнаго корабля, какъ въ немъ оказалась сильная течь и чрезъ нѣсколько времени онъ наполнился водою почти на 20 футовъ; спасти его было не возможно — и когда всѣ плѣнные сошли съ него съ своими вещами и когда по возможности была спасена большая часть воинскихъ снарядовъ — его предали огню.

Герцогъ Зюдерманландскій со всѣмъ флотомъ своимъ оставался въ Свеборгскомъ портѣ спокойнымъ зрителемъ этого произшествія и не сдѣлалъ ни малѣйшаго сопротивленія нашимъ кораблямъ, приближавшимся къ сѣвшему на камень, хотя это мѣсто отстояло отъ Свеаборга не далѣе пяти верстъ. Причина этого была та, по объявленію Шведскихъ плѣнныхъ, что флотъ ихъ былъ сильно поврежденъ въ сраженіи 6 Іюля, и прежде половины Августа не могъ выйти въ море. Адмиралъ, считая это обстоятельство благопріятнымъ для исправленія нѣкоторыхъ поврежденій въ собственномъ флотѣ, рѣшился идти къ Ревелю и высадивъ тамъ плѣнныхъ, учредилъ свое крейсерство къ западу, чтобы лишить флотъ Шведскій возможности получать съѣстные припасы изъ Карлскроны и воспрепятствовать присоединиться къ нему ожидаемымъ оттуда пяти кораблямъ съ артиллеріею и снарядами. Шведскій флотъ находившійся въ Свеаборгѣ, претерпѣвалъ во всемъ большой недостатокъ, и не смотря

що не выходилъ ошшуда. Грейгъ разъѣзжая по шкерамъ, не упускалъ непріяшеля изъ виду и сверхъ шого учредилъ посшъ при мысѣ Гангушъ, замѣчая, что непріяшельскія суда около шого мѣсша безпрерывно были въ движеніи, покушаясь обойши Гангушскій мысъ къ Сшокгольму. Командующій посшомъ Капишанъ Травеньонъ, примѣшя 3 Окшября по западную сшорону мыса нѣсколько судовъ, идущихъ изъ Абова съ провизіею, приказалъ преслѣдовашь ихъ гребными судами, подъ прикрышіемъ фрегаша *Св. Марка.* Погода въ що время была шихая и непріяшель пользуясь ею, началъ выводишь свои суда изъ Тверминша, намѣреваясь обойши Гангушскій мысъ греблею и подашь помощь судамъ своимъ. Уже чешыре канонирскія лодки и еще чешыре судна другой консшрукціи, обошли мысъ, когда Капишанъ Травеньенъ послалъ другой фрегашъ въ подкрѣпленіе первому. Эшошъ фрегашъ успѣлъ ошрѣзашь пушь вышедшимъ изъ Тверминша судамъ и засшавилъ ихъ обрашишься назадъ. 5 числа канонирскія лодки и другія непріяшель-

скія суда вступили въ бой съ фрегатомъ *Св. Марка*: пальба продолжалась полтора часа, до наступленія ночной темноты. Непріятель обратился въ бѣгство, оставя суда свои на отмѣляхъ. Четырнадцать изъ этихъ судовъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько нагруженныхъ провіантомъ, были сожжены. Этимъ происшествіемъ окончились подвиги нашего флота въ 1788 году, хотя крейсерство и не прекращалось. Но въ то время, когда Шведскій флотъ, запертый въ Свеаборгѣ, претерпѣвая во всемъ недостатокъ, былъ приведенъ въ самое критическое положеніе, тяжкая болѣзнь прекратила полезную жизнь Адмирала Грейга. Онъ скончался 15 Октября, на Адмиральскомъ кораблѣ *Ростиславѣ*.

Въ то время, какъ ведена была война на морѣ, не оставались въ бездѣйствіи и сухопутныя войска враждовавшихъ Державъ, находившіяся въ Финляндіи. Шведскою арміею предводительствовалъ самъ Король Густавъ III; наша, какъ уже сказано было, находилась подъ главнымъ начальствомъ Генерала-Аншефа В. П

сина-Пушкина; частію войскъ предводительствовалъ Великій Князь Павелъ Петровичь. Шведы дѣйствовали наступательно, Русскіе вели оборонительную войну. Большихъ сраженій во все продолженіе компаніи 1788 года не было, хотя кровопролитныя встрѣчи немногочисленныхъ отрядовъ происходили очень часто, если не ежедневно. Русскіе сражались съ обычною храбростію, каждый шагъ земли защищали до послѣдней капли крови. Шведскій отрядъ, обложившій Нейшлотскій замокъ, видя безполезность своихъ усилій, послѣ двухъ мѣсячной осады принужденъ былъ отступить. Въ началѣ Августа мѣсяца Король Густавъ удалился со всѣми своими войсками изъ Русскихъ владѣній. Вотъ все, что можно сказать вообще о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на сухомъ пути въ продолженіе перваго года войны, объявленной Швеціею Россіи въ Царствованіе Императрицы Екатерины II. Прибавить можно развѣ только то, что эта малая война была разительнымъ доказательствомъ того, что Русскіе, одушевляемые вѣрою своего

Отечества и преданные Престолу, съ малыми силами могутъ твердо стоять противъ врага сильнѣйшаго.

Частныхъ событій этой войны, авторъ не рѣшился описывать по не возможности изобразить въ надлежащемъ видѣ тѣ блистательные подвиги храбрости и мужества нашихъ воиновъ, которые совершались при каждомъ нападеніи непріятелей. А эти нападенія случались, какъ уже замѣчено было, почти ежедневно; описаніе каждой изъ такихъ стычекъ можетъ быть подведено подъ одну общую формулу: »Отрядъ Шведовъ втрое превосходившій числомъ Русскихъ, напалъ на нашъ передовой постъ при такомъ-то мѣстечкѣ и былъ мужественно отраженъ нашими.« Но кто опишетъ тѣ подвиги, быть можетъ большею частію забытые и самими Русскими, которые всякій разъ были причиною отступленія Шведовъ? И сверхъ того описаніе такихъ подвиговъ, въ которыхъ каждый воинъ старался превзойти одинъ другаго и всѣ покрывали себя

увядаемыми лаврами, будетъ походитъ скорѣе на пристрастную похвалу Русскимъ воинамъ, нежели на точное повѣствованіе о военныхъ дѣйствіяхъ четырнадцатитысячной Русской арміи, защищавшейся противъ тридцатишеститысячной Шведской.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ обнаружилось неповиновеніе въ Шведской арміи: тамъ многіе роптали, что война, начатая съ Россіею противна § 48 Конституціи 1772 года, въ которомъ сказано, что Король не можетъ начинать наступательной войны безъ согласія чиновъ. Это было причиною того, что Густавъ III принужденъ былъ удалить войска свои изъ Русскихъ владѣній. Возвратясь въ Стокгольмъ, онъ созвалъ Государственный Сеймъ и издалъ извѣстный актъ 3 Апрѣля 1789, коимъ успѣлъ распространить Монархическія права свои — главнѣйшія изъ нихъ были—объявлять войну и заключать миръ безъ согласія чиновъ. Дворяне успѣли оспорить только нѣкоторые исключительные случаи. Послѣ этихъ внутрен-

нихъ успѣховъ Король возобновилъ въ 1789 году свой походъ противъ Русскихъ. Впрочемъ на сухомъ пути опять не было большихъ сраженій; за то морская война оживилась большею дѣятельностію.

КНИГА XII.

ГЛАВА XLII.

МОРСКІЯ СРАЖЕНІЯ МЕЖДУ РУССКИМИ И ШВЕДАМИ ВЪ 1789 ГОДУ. АДМИРАЛЪ ВАСИЛІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ. ПРИНЦЪ НАССАУ-ЗИГЕНЪ. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Въ 1789 году парусный флотъ нашъ былъ усиленъ гребною флотиліею, ввѣренною начальству Принца Нассау-Зигена. Мѣсто скончавшагося Адмирала Грейга занялъ во флотѣ Адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

Крейсерство по Балтійскому морю открыто было нашими въ 1789 году съ самаго начала навигаціи; но весь флотъ, ввѣренный Чичагову, выступилъ въ море не прежде Іюля мѣсяца. Этотъ флотъ долженъ былъ соединиться съ эскадрою Вице-Адмирала Козлянинова, бывшею въ Копенгагенѣ, и потомъ искать непріятеля. 14 Іюля Чичаговъ получилъ извѣстіе, что флотъ Шведскій находится въ пяти миляхъ отъ Эланда къ Сѣверо-западу и въ девяти миляхъ отъ нашего флота. Въ тотъ же день около полудня съ передовыхъ нашихъ фрегатовъ данъ былъ сигналъ о приближеніи двадцати двухъ Шведскихъ караблей, девяти большихъ фрегатовъ и пяти меньшихъ судовъ. Не смотря на то, что флотъ нашъ не соединился съ эскадрою Козлянинова, что у насъ всего было двадцать кораблей и пять фрегатовъ, Чичаговъ неуклонился отъ бою и построя корабли свои въ двѣ линіи, помѣстивъ фрегаты позади линіи и убавивъ парусовъ, приготовился къ встрѣчѣ непріятеля. Шведы тоже убавили парусе

занялись уравненіемъ своей линіи. Ни та ни другая сторона не начинали битвы и провели всю ночь на 15 число въ виду другъ у друга.

На разсвѣтѣ другаго дня, Шведскій флотъ по сигналу съ Генералъ-Адмиральскаго корабля, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, повелъ атаку на наши корабли, изготовившіеся отразить нападеніе. Но, по всему можно было видѣть, что Шведамъ хотѣлось разстаться съ нашими безъ пороховаго дыму: не прежде, какъ уже во второмъ часу пополудни, сомкнувъ пять кораблей около Генералъ - Адмиральскаго, непріятель открылъ пушечную пальбу, на разстояніи отъ нашего флота болѣе версты. Наши отвѣчали тѣмъ же, но не прежде, какъ можно было полагать на вѣрное, что выстрѣлы произведутъ желаемое дѣйствіе. Шведскіе передовые корабли спустились на эскадру Контръ-Адмирала Спиридова, которая составляла тогда нашъ авангардъ. Съ этой минуты завязался отчаянный, упорный бой, продолжавшійся съ трехъ до девяти часовъ пополудни.

Два Шведскіе корабля, потерявшіе большую часть снастей и поврежденные въ корпусахъ, принуждены были выдти изъ линіи. На одномъ изъ нашихъ кораблей, *Мстиславѣ*, была сбита форстенга; но это не возпрепятствовало ему продолжать бой съ новымъ непріятельскимъ кораблемъ, занявшимъ мѣсто поврежденныхъ. Стоявшій близь *Мстислава* другой карабль *Дерисъ* загорѣлся было внутри отъ своихъ разорванныхъ пушекъ; но скоро былъ потушенъ. Шведы употребляли всѣ усилія сломить наше правое крыло, но видя храброе сопротивленіе— принуждены были прекратить сраженіе.

16 Іюля на разсвѣтѣ наши увидали что непріятель отступилъ къ Западу, оставя мѣсто сраженія своимъ противникамъ. Чичаговъ, построя флотъ свой въ линію, пустился вслѣдъ Шведамъ, стараясь выиграть вѣтеръ; но сколько не употребляли наши усилій, что бы возобновить сраженіе, они не могли принудить къ тому непріятеля: пользуясь попутнымъ для себя вѣтромъ Шведы скры-

Между шѣмъ, вдали на горизонтѣ, наши увидѣли паруса: то была эскадра Вице-Адмирала Козлянинова, шедшая изъ Копенгагена. Чичаговъ пошелъ къ эшой эскадрѣ и соединясь съ нею, направилъ путь свой къ Карлскронѣ. Простоявъ нѣсколько дней передъ эшимъ поршомъ и тщетно ожидая выхода непріятельскихъ кораблей, флошъ нашъ взялъ обратный курсъ къ Дагеръ-Оршу, для снабженія себя свѣжею водою и прочими потребностями къ продолженію плаванія.

Въ половинѣ Іюля были готовы къ выходу въ море гребная флотилія, ввѣренная Принцу Нассау и часть резервной парусной эскадры, вооружавшейся въ Кроншташѣ подъ надзоромъ Вице-Адмирала Александра Ивановича Круза. Галеры и корабли должны были соединиться близь острова Аспо въ исходѣ Іюля; но парусныя суда, задержанныя противными вѣтрами, не прежде 10 Августа пришли къ пункту соединенія. 12 Августа Русскіе увидали Шведскій флошъ, стоявшій верстахъ въ пяти отъ острововъ Легмы и Леллеръ. Принцъ Нассау, по повелѣнію

Императрицы, вручивъ начальство надъ парусными судами Генералъ-Маіору Балле, правое крыло или авангардъ Флота-Капитану Генералъ - Маіорскаго ранга Графу Литту, а лѣвое крыло Флота-Капитану 1-го ранга Слизову, вступилъ 13 числа въ дѣло съ непріятелемъ. Жаркое, упорное съ обѣихъ сторонъ сраженіе продолжалось съ 10-ти часовъ утра 13 Августа до 2-хъ часовъ по полуночи другаго дня. Непріятеля, обратившагося въ бѣгство, поражали до тѣхъ поръ, пока онъ скрылся изъ выстрѣловъ и когда Главнокомандующій Принцъ Нассау, щадя своихъ людей, безпрерывно въ продолженіи четырнадцати часовъ бывшихъ въ дѣлѣ, приказалъ остановить преслѣдованіе. Трофеями Русскихъ были 11-ть военныхъ судовъ, въ томъ числѣ Адмиральскій фрегатъ, 202 пушки, множество ружей, пороху, такелажа, аммуниціи, всѣ флаги, гюйсы и сигналы со взятыхъ 11-ти судовъ и 6-ти потопленныхъ. Сверхъ того взяты въ плѣнъ Вице-Адмиралъ Розенштейнъ съ 36-ю Штабъ- и Оберъ - Офицеровъ и 1200 рядовыхъ

Потеря непріятеля, кромѣ этого, простиралась до 5000 убитыхъ, въ числѣ которыхъ былъ Вице-Адмиралъ Флитвудъ. Наша потеря не превосходила 500 убитыми и около 600 ранеными. Предводитель Шведскаго флота Оберъ-Адмиралъ Эренсвердъ бѣжалъ съ остатками силъ своихъ, прежде къ устью Кюмени, потомъ подъ прикрытіе Свартгольмскихъ батарей и наконецъ укрылся въ Аббосфорсъ. Принцъ Нассау съ гребными судами приблизился 21 Августа къ Финляндскому берегу близь Фридрихсгама для высадки войскъ своихъ на твердую землю; а парусныя суда пошли къ Гангуту и овладѣли тамъ, 4 Сентября, постомъ Борезундскимъ. Этою побѣдою окончились дѣйствія Русскаго флота въ 1789 году.[74]

На сухомъ пути въ этомъ году, также какъ и въ прошедшемъ, не было большихъ сраженій. Армія наша увеличена была до 20,000 человѣкъ и неограничивалась уже одними оборонительными дѣйствіями.

До Іюня мѣсяца, кромѣ незначительныхъ схватокъ и перестрѣлокъ на передовыхъ постахъ, ничего особенно замѣчательнаго не происходило ни съ той ни съ другой стороны. Но 31 Мая, Главнокомандовавшій, объѣзжая посты и обозрѣвая положеніе пограничныхъ мѣстъ отъ Вильманстранда до Кирхшпиля Христина, узналъ, что при деревнѣ Кири въ пяти верстахъ отъ нашей границы находится непріятельскій лагерь, укрѣпленный ретраншаментомъ и двумя баттареями, устроенными близь моста, сдѣланнаго чрезъ проливъ между двухъ озеръ на большой дорогѣ и что изъ этого-то мѣста непріятель наиболѣе производилъ набѣги на нашу пограничную стражу. Графъ Валентинъ Платоновичь приказалъ Генералъ-Поручику Михельсону выбить Шведовъ изъ этаго укрѣпленія и идти далѣе въ ихъ владѣнія.

31 Мая, на разсвѣтѣ, авангардъ корпуса Михельсона, подъ командою Генералъ-Маіора Раутенфельда, перешелъ Шведско-

скоро приближился къ непріятельскому ретраншаменту при Кири и занялъ дефилеи и возвышенности, которыя могли служить въ пользу нашимъ. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ съ своими войсками и Михельсонъ, и найдя ретраншаментъ окруженнымъ водою, чрезъ которую мостъ былъ разобранъ, приказалъ поставить полевую артиллерію и сбить ближайшую непріятельскую батарею. Но какъ на другую батарею орудія наши дѣйствовать не могли, то на высоту, противъ нея лежащую, Михельсонъ поставилъ отрядъ егерей и Башкирцевъ, которые открыли батальный огонь и начали мѣтать стрѣлы въ то самое время, когда Генералъ-Маіоры Раутенфельдъ и Спренгпортенъ съ гренадерами ударили на ретраншаментъ и не взирая ни на какія препятствія, открыли путь въ укрѣпленіе, и овладѣвъ тамъ одною пушкою погнали Шведовъ, которые отступая подъ выстрѣлами другой своей пушки, скоро построились опять въ боевой порядокъ при самой деревнѣ Кири. Тутъ наши храбро

аттаковали Шведовъ въ другой разъ, и въ тоже самое время Генералъ-Маіоръ Денисовъ, сдѣлавъ обходъ въ сторону съ казаками и егерями, ударилъ на Шведскій отрядъ защищавшій переправу — и стѣсненный непріятель принужденъ былъ опять ретироваться. Но, храбро защищаясь и каждый шагъ земли отдавая съ бою, Шведы остановились въ третій разъ и хотѣли было сами ударить на нашихъ; но третья атака, произведенная Михельсономъ рѣшила все дѣло. Шведы »опрометью« побѣжали въ разныя стороны, въ лѣсъ и къ озеру Саймъ. Но мало спаслось ихъ отъ смертоносныхъ ударовъ раздраженныхъ побѣдителей: въ лѣсахъ преслѣдовали Шведовъ егеря и казаки; въ водѣ Башкирцы, гоняясь вплавь за непріятелемъ. Изъ полутортысячнаго отряда Шведовъ тутъ бывшихъ, тысяча человѣкъ положено было на мѣстѣ. Нашихъ убито — всего двадцать два человѣка. Двѣ пушки и множество ружей достались побѣдителямъ, и 1 числа Іюля Русскіе вступили въ Христину, и въ тотъ же день въ десять часовъ

по полудни пошли далѣе, внутрь Шведскихъ владѣній по дорогѣ, ведущей къ Санш-Михелю.[76]

Авангардъ Михельсона, подъ командою Генералъ-Маіоровъ Денисова и Раушенфельда приблизился къ С. Михелю, послѣ нѣсколькихъ схвашокъ съ Шведами, попадавшимися на дорогѣ, еще 2 Іюня. Но, по недосшашку въ войскахъ и снарядахъ, Русскіе не прежде 7 числа могли предпринять что либо рѣшительное. Въ эшошъ день, на разсвѣшъ, Михельсонъ, подсшупя снова къ С. Михелю и сообразуясь съ мѣстоположеніемъ, распредѣлилъ войска свои шакъ, что чешыре егерскія роты и сто человѣкъ казаковъ и Башкирцевъ занявъ дифилеи, сосшавили авангардъ и должны были весши ашшаку на правый непріяшельскій флангъ; чешыре роты гренадеръ, съ казаками и Башкирцами должны были идши прямо на Шведскіе решраншаменшы; а десять ротъ Лейбъ-гренадеръ, прикрывая правый нашъ флангъ, могли въ случаѣ нужды перейши скрышно ошъ непріяшеля и на лѣвый. Чешыре гранадерскія роты сосшав-

ляли резервъ и остальныя легкія войска аррiергардъ, расположенный въ двухъ верстахъ подъ прикрытiемъ горъ. Цѣлый день съ обѣихъ сторонъ происходила пушечная пальба; однако Шведы не успѣли воспрепятствовать нашимъ заложить и построить на выгодныхъ мѣстахъ баттареи.

8 Числа поутру въ два часа, Михельсонъ открылъ сильный огонь и артиллерія наша дѣйствовала столь удачно, что почти всѣ непріятельскія орудія большаго калибра въ скоромъ времени должны были умолкнуть. Шведы видя, что ихъ мѣлкія орудія не производятъ уже почти никакого дѣйствія, вознамѣрились было атаковать нашихъ егерей, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ. Увидя это, Михельсонъ тотчасъ подкрѣпилъ егерей, девятью гренадерскими ротами и въ то же время, присоединивъ къ остальной гренадерской ротѣ четыре бывшія въ резервѣ, приказалъ Полковнику Абламовскому ударить въ лѣвый непріятельскій флангъ. Шведы, атакованные въ двухъ пунктахъ, пришли въ замѣшательство и

по видимому стали готовиться къ отступленію. Михельсонъ, замѣтя это, пошелъ самъ съ двумя гренадерскими ротами, примкнувшими штыки, на непріятельскія баттареи въ центръ укрѣпленія. Шведы, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обратились въ бѣгство, и ретраншаментъ былъ тотчасъ занятъ нашими. Добравшись до возвышенія въ полуверстѣ отъ С. Михеля, непріятель остановился и приготовился было отразить аттаку Русскихъ; но не дождавшись еще приближенія всѣхъ нашихъ войскъ, побѣжалъ опять далѣе и сталъ въ боевой порядокъ на ровномъ мѣстѣ уже близь самаго С. Михеля. Гренадеры ударили въ штыки—и Шведы разстроенные во всѣхъ пунктахъ, безпорядочными толпами обратились въ бѣгство къ Іокасу и Пумалу-Зунду, подорвавъ во время своего бѣгства пороховой погребъ, заставившій нашихъ остановиться на нѣсколько времени. Однако храбрый Михельсонъ, отрядивъ нѣсколько ротъ для занятія С. Михеля, самъ пошелъ за непріятелемъ для дальнѣйшихъ поисковъ внут[illegible]едскихъ владѣній.

Въ одно время съ Михельсономъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Шульцъ, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ, тоже перешелъ Шведскую границу при деревнѣ Пиланьялаксъ по дорогѣ ведущей къ Сулкову и овладѣвъ непріятельскимъ ретраншаментомъ въ десяти верстахъ отъ границы, пошелъ далѣе по дорогѣ, ведущей къ Іоаразу, встрѣчая почти на каждомъ шагу непріятельскіе отряды.

Въ Іюнѣ, Іюлѣ и половинѣ Августа армія наша переходя съ мѣста на мѣсто въ Шведскихъ владѣніяхъ успѣла очистить отъ непріятеля значительное пространство отъ нашихъ границъ, разорила множество укрѣпленій, заняла нѣсколько мѣстечекъ и Графъ Валентинъ Платоновичь Мусинъ-Пушкинъ, рѣшился ожидать слѣдствій морскаго сраженія, къ которому готовился галерный флотъ нашъ.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Принцемъ Нассау 13 Августа, Главнокомандовавшій сухопутною арміею рѣшился атаковать главный корпусъ Шведскихъ войскъ, находившійся по

командою самаго Короля и расположенный между Гекфорса и Кюменгарда. Между тѣмъ, какъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ повелъ войска свои изъ Кувала къ Фридрихсгаму, для нападенія на Шведскій корпусъ, Принцъ Нассау приближился къ берегамъ Финляндіи между Гейнлакса и Куписа и высадилъ съ судовъ войска свои 21 Августа. Непріятель, для затрудненія десанта построилъ въ этомъ мѣстѣ двѣ баттареи, дѣйствовавшія на дорогу, по которой должно было идти нашимъ войскамъ. Непріятельскія баттареи охранялись значительнымъ отрядомъ Шведовъ, имѣвшихъ сильный резервъ, скрытый отъ Русскихъ выстрѣловъ позади пригорка.

Принцъ Нассау открылъ съ своихъ канонирскихъ шлюбокъ сильный огонь, приказавъ между тѣмъ высадить пять сотъ человѣкъ егерей при деревнѣ Стенсеръ, самъ сошелъ на островъ Геросари и поставилъ тамъ баттареи. Артиллеристы наши дѣйствовали столь удачно, что менѣе нежели чрезъ полчаса непріятельскія баттареи должны

были умолкнуть. Между тѣмъ Бригадиръ Буксгевденъ, начальствовавшій пятью стами егерей, высаженными на берегъ, перешелъ по камнямъ къ мосту при Куписѣ. Послѣ сильной перестрѣлки продолжавшейся до пяти часовъ по полудни, Буксгевденъ сбилъ нѣсколько Шведскихъ постовъ и былъ уже при самой деревнѣ Куписъ, какъ непріятель получилъ сильное подкрѣпленіе. Буксгевденъ долженъ былъ отступить. Принцъ Нассау пославъ тотчасъ на помощь этому отряду еще пятьсотъ человѣкъ, самъ съ тремя тысячами и съ шестью орудіями занялъ дифилеи на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ и обративъ огонь противъ Шведскихъ баттарей, препятствовавшихъ дальнѣйшей высадкѣ нашей арміи, овладѣлъ ими. Въ то же время Буксгевденъ донесъ Принцу, что видѣлъ колонну съ экипажемъ Короля Шведскаго. Начальникъ галернаго флота, полагая что успѣетъ на разсвѣтѣ другаго дня догнать отступившій Шведскій отрядъ, обратилъ всѣ свои силы противъ войскъ, защищавшихъ берегъ между Гейнлакса

и Куписа. Шведы послѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія принуждены были обратиться въ бѣгство, и когда на другой день въ 7 часовъ поутру Принцъ Нассау отправилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ въ ту сторону, куда удалился корпусъ, предводимый Королемъ, Русскіе встрѣтили лишь нѣсколько незначительныхъ Шведскихъ егерскихъ партій, прикрывавшихъ отступленіе своего Монарха.

Въ дѣлѣ при высадкѣ войскъ Принцъ Нассау овладѣлъ 44 мѣдными пушками, взялъ въ плѣнъ Королевскаго Адъютанта Левенгельма, и до 206 нижнихъ чиновъ.

Въ тоже время особый отрядъ Генералъ-Маіора Балле отбилъ у Шведовъ 28 пушекъ, нѣсколько канонерскихъ шлюбокъ, пять баркасовъ и собственную Королевскую богато убранную яхту.

Послѣ этого Принцъ Нассау присоединился къ корпусу Графа Мусина-Пушкина, — и тѣмъ окончилась компанія 1789 года.

КНИГА XII.

ГЛАВА XLIII.

МОРСКІЯ И СУХОПУТНЫЯ СРАЖЕНІЯ ВЪ 1790 ГОДУ И МИРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

Не выигравъ ни одного морскаго сраженія въ 1788 и 1789 годахъ Шведы, усиливъ флотъ свой въ 1789 году, рѣшились предупредить Русскихъ выходомъ въ морѣ и узнавъ, что нашъ флотъ, находившійся подъ командою Адмирала Чичагова, стоитъ на Ревельской рейдѣ,

правились шуда изъ Карлскроны въ половинѣ Апрѣля мѣсяца. 30 числа наши крейсерскія суда усмошрѣли, чшо Шведское морское ополченіе, лавируя при восшочномъ вѣшрѣ, приближаешся къ нашимъ берегамъ въ числѣ 28 большихъ шрехмачшовыхъ судовъ.

Подъ командою Чичагова было всего десяшь линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегашовъ, не совсѣмъ еще вооруженныхъ. Но храбрый Адмиралъ неусшрашился многочисленносши силъ непріяшельскихъ, и немедленно посшавивъ флошъ свой въ выгодный боевой порядокъ, созвалъ къ себѣ Генераловъ, Командировъ и корабельныхъ Капишановъ, произнесъ имъ крашкую но сильную рѣчь, кошорою убѣждалъ ихъ »умерешь или прославишь себя и Ошечесшво знаменишою побѣдою.» Между шѣмъ Шведскій флошъ, предводишельсшвуемый Генералъ-Адмираломъ, Вице-Адмираломъ и двумя Коншръ-Адмиралами, при попушномъ ему вѣшрѣ, подъ одними верхними парусами быстро спускался по сѣверному фарвашеру между Наргена и Вульфа, какъ бы въ

шріумфъ въ Ревельскую рейду, гдѣ стояли наши корабли малымъ полукругомъ. Когда передовой ихъ корабль, а за нимъ и другіе, поровнявшись противъ линіи нашего фланга, стали поворачивать по вѣтру на другую сторону, Чичаговъ, смотря на приближавшуюся къ нему громаду, произнесъ въ слухъ: »Богъ защитникъ мой! не проглотятъ они насъ,« вышелъ на верхній декъ корабля Ростислава и приказалъ открыть сильную канонаду. Это было въ 10 часовъ поутру. Непріятель, отвѣчая на нашъ огонь, не могъ однакоже заставить нашихъ перемѣнить позицію и напротивъ, потерпѣвъ сильное поврежденіе въ реяхъ, стенгахъ и парусахъ, нѣсколько разъ приходилъ въ разстройство и удалялся отъ нашей линіи. Въ исходѣ 11 часа Шведскій Вице-Адмиральскій корабль, поровнявшись съ кораблемъ, на которомъ находился Адмиралъ Чичаговъ, легъ въ дрейфъ и началъ сильную пальбу; но потерявъ бизань-рей, принужденъ былъ удалиться. Потомъ еще другой 70-ти пушечный непріятельскій корабль пошелъ прямо въ средину

правились туда изъ Карлскроны въ половинѣ Апрѣля мѣсяца. 30 числа наши крейсерскія суда усмотрѣли, что Шведское морское ополченіе, лавируя при восточномъ вѣтрѣ, приближается къ нашимъ берегамъ въ числѣ 28 большихъ трехмачтовыхъ судовъ.

Подъ командою Чичагова было всего десять линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ, не совсѣмъ еще вооруженныхъ. Но храбрый Адмиралъ неустрашился многочисленности силъ непріятельскихъ, и немедленно поставивъ флотъ свой въ выгодный боевой порядокъ, созвалъ къ себѣ Генераловъ, Командировъ и корабельныхъ Капитановъ, произнесъ имъ краткую но сильную рѣчь, которою убѣждалъ ихъ »умереть или прославить себя и Отечество знаменитою побѣдою.« Между тѣмъ Шведскій флотъ, предводительствуемый Генералъ - Адмираломъ, Вице-Адмираломъ и двумя Контръ-Адмиралами, при попутномъ ему вѣтрѣ, подъ одними верхними парусами быстро спускался по сѣверному фарватеру между Наргена и Вульфа, какъ бы въ

тріумфѣ въ Ревельскую рейду, гдѣ стояли наши корабли малымъ полукругомъ. Когда передовой ихъ корабль, а за нимъ и другіе, поровнявшись противъ линіи нашего фланга, стали поворачивать по вѣтру на другую сторону, Чичаговъ, смотря на приближавшуюся къ нему громаду, произнесъ въ слухъ: »Богъ защитникъ мой! не проглотятъ они насъ,« вышелъ на верхній декъ корабля Ростислава и приказалъ открыть сильную канонаду. Это было въ 10 часовъ поутру. Непріятель, отвѣчая на нашъ огонь, не могъ однакоже заставить нашихъ перемѣнить позицію и напротивъ, потерпѣвъ сильное поврежденіе въ реяхъ, стенгахъ и парусахъ, нѣсколько разъ приходилъ въ разстройство и удалялся отъ нашей линіи. Въ исходѣ 11 часа Шведскій Вице-Адмиральскій корабль, поровнявшись съ кораблемъ, на которомъ находился Адмиралъ Чичаговъ, легъ въ дрейфъ и началъ сильную пальбу; но потерявъ бизань-рей, принужденъ былъ удалиться. Потомъ еще другой 70-ти пушечный непріятельскій корабль пошелъ прямо въ средину

нашей линіи и подвергся тѣмъ не только выстрѣламъ ядрами изъ большихъ орудій, но даже картечнымъ залпамъ со шканцевъ *Ростислава;* скоро лишился онъ гротъ и форъ стенгъ и повлекся силою вѣтра къ линіи нашихъ большихъ кораблей, которые дружно встрѣтили его сильнымъ огнемъ. Корабль спустилъ Шведскій флагъ и отдался нашимъ въ плѣнъ. Въ первомъ часу Шведы грянули на нашихъ всѣми своими силами; но на каждый залпъ ихъ отвѣтствовано съ нашей стороны ужаснымъ и скорымъ огнемъ, заставлявшимъ непріятельскіе корабли удаляться одинъ за другимъ. Нанесенный вредъ флоту непріятельскому заставилъ Герцога Зюдерманландскаго дать сигналъ къ общему отступленію, при чемъ Шведы лишились еще корабля, сѣвшаго на мѣль при островѣ Вульфѣ. Разбитые Шведы остановились за островами Наргеномъ и Вульфомъ, выжидая случая снова сдѣлать нападеніе на нашъ флотъ; но судьба готовила имъ другой, столь же сильный ударъ.

Въ тоже время, какъ Герцогъ Зюдерманландскій пошелъ съ кораблями своими противъ Русскаго флота, стоявшаго на Ревельской рейдѣ, самъ Король Шведскій, пользуясь рановременнымъ очищеніемъ шкеръ отъ льда, повелъ 155 гребныхъ судовъ къ Фридрихсгаму, гдѣ зимовала часть флотиліи, находившейся подъ главнымъ начальствомъ Принца Нассау. Въ Фридрихсгамской гавани стояло всего 60 дубель-шлюбокъ и канонерскихъ лодокъ, почти невооруженныхъ, находившихся подъ командою Капитана Слизова. 4 Мая, рано утромъ, Рускіе увидали Шведскія суда вытянувшіяся между мысомъ Вираноми и островомъ Вягемуста. Слизовъ вывелъ суда свои изъ гавани и въ 4 часа утромъ непріятель ринулся на нихъ, осыпая ядрами и наконецъ даже картечью. Тутъ завязалось кровопролитное упорное сраженіе, продолжавшееся болѣе шести часовъ: Шведы подавляли Рускихъ многочисленностію судовъ своихъ. Слизовъ, издержавшій всѣ заряды, лишившійся двѣнадцати шлюбокъ и четырнадцати канонерскихъ лодокъ, принужденъ

былъ отступить къ крѣпости. Обрадованный успѣхомъ Король Шведскій послалъ своего Адъютанта Моріана къ Фридрихсгамскому Коммендашту съ требованіемъ сдачи города, приготовляясь между тѣмъ къ высадкѣ войскъ своихъ на берегъ. Моріанъ скоро возвратился и донесъ Его Величеству — что къ Фридрихсгаму подступилъ значительный корпусъ Русскихъ войскъ, подъ командою Генералъ-Маіоровъ Буксгевдена и Раутенфельда. Густавъ III вышелъ изъ Фридрихсгамской гавани и направилъ путь свой къ Питкопасу.

Между тѣмъ, какъ скоро Кроншатская рейда очистилась отъ льда, оттуда пошла для соединенія съ флотомъ Чичагова эскадра, вооруженная подъ командою Вице-Адмирала Круза и состоявшая изъ 17 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 катеровъ. Шведскій флотъ, предводимый Герцогомъ Зюдерманландскимъ, все еще находился невдалекѣ отъ Ревеля, »упражняясь отчасти въ починкахъ знатныхъ поврежденій, претерпѣнныхъ имъ во время сраженія 2 Мая, отчасти же въ за-

держаніяхъ судовъ купеческихъ, вопреки правамъ народнымъ и правиламъ нейтральнымъ, къ которымъ Король Шведскій изъ первыхъ приступилъ въ 1780 году.«[76] Слухъ о выходѣ въ море эскадры Круза потревожилъ Шведовъ: ихъ успокоивала только надежда на многочисленность судовъ своихъ и на близость гребной своей флотиліи. Однако Герцогъ Зюдерманландскій, опасаясь соединенія Кронштатской эскадры съ Ревельскимъ флотомъ, пустился къ Гохланду, надѣясь разбить Круза и потомъ снова испытать счастія въ борьбѣ съ Чичаговымъ.

Эскадра наша была задержана противными вѣтрами у Красной Горки до 21 Мая. Въ этотъ день вѣтръ сдѣлался благопріятнымъ и Крузъ пустился въ море. 22 числа наши увидали непріятельскій флотъ, стоявшій на высотѣ острова Сескара. Крузъ построилъ корабли свои въ линію, и какъ скоро Шведы, бывшіе на вѣтрѣ увидали нашу эскадру, начали тихо спускаться на нее. Однако весь тотъ день прошелъ безъ боя.

23 Числа въ 2 часа пополуночи вѣтръ перемѣнился: на вѣтръ стали наши корабли. Пользуясь этою выгодою Крузъ рѣшился предупредить аттакою непріятеля. Время было туманное. Непріятель скоро построился въ ордеръ баталіи на довольно растянутой линіи, съ явнымъ намѣреніемъ выиграть вѣтеръ у арріергарда нашего флота и поставить его въ два огня. Но Крузъ увидавъ это и зная, что Шведскій флотъ у него на траверзѣ подъ вѣтромъ, сдѣлалъ сигналъ поворотить къ вѣтру и идти контръ-галсомъ. Туманъ становился гуще и гуще, однакожъ поутру въ три часа съ половиною дѣло завязалось постепенно по всей линіи. Артиллерія дѣйствовала съ обѣихъ сторонъ по отблѣскамъ выстрѣловъ. Перевѣсъ постоянно былъ на нашей сторонѣ, не смотря на то, что четыре поврежденные наши корабля принуждены были выдти изъ линіи. Выстрѣлы нашей артиллеріи имѣли рѣшительное преимущество предъ выстрѣлами съ непріятельскихъ кораблей и часу въ девятомъ Шведы принуждены были ретироваться;

пріятеля и 29 числа Чичаговъ начальствуя тридцатью линѣйными кораблями и 18 фрегатами приближился къ Выборгской бухтѣ, примкнувъ правое крыло къ острову Куріо, а лѣвое къ мѣли Салваръ. Принцъ Нассау съ гребными судами тоже присоединился къ флоту Чичагова. Шведы были заперты въ бухтѣ.

Дѣйствія на сухомъ пути начались въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главнокомандующимъ Финляндскою арміею назначенъ былъ въ 1790 году Генералъ-Аншефъ Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ. И въ этомъ году опять не было большихъ сраженій: страна лѣсистая и гористая не представляла возможности ни для какихъ правильныхъ дѣйствій. Шведская война въ царствованіе Императрицы Екатерины II, была въ полномъ смыслѣ партизанскою; все заключалось въ однихъ обходахъ, нападеніяхъ изъ ущелій, съ утесовъ. Но тѣмъ не менѣе была трудна эта война, образецъ мужества и твердости Русскихъ.

Начало компаніи 1790 года ознамѣновалось для насъ неудачею. Генералъ Поручикъ Баронъ Игельстромъ, имѣя повелѣ-

многочисленностію своихъ кораблей и дѣлая различные повороты старался принудить нашу эскадру къ какимъ нибудь невыгоднымъ для нее маневрамъ; однако всѣ его хитрости были безъуспѣшны и Крузъ вездѣ противупоставлялъ ему искусный отпоръ. Наконецъ Шведы устремили всю массу своихъ кораблей, намѣреваясь охватить эскадру съ двухъ сторонъ; но и тутъ искусный поворотъ, произведенный Крузомъ, не только разрушилъ планы непріятелей, но и самихъ ихъ поставилъ въ невыгодное положеніе: послѣ двухчасоваго боя Шведы обратились въ бѣгство, прикрываясь фрегатами. Крузъ зная о приближеніе Ревельскаго флота, погнался за непріятелемъ, стараясь поставить его между двухъ огней. Но мрачная погода скрыла бѣгство Шведскаго флота, удалившагося въ крайнемъ безпорядкѣ въ Выборгскую бухту, позади острова Ронда и мѣли Салвара, гдѣ находилась гребная флотилія предводимая самимъ Королемъ.

26 Мая, въ семь часовъ поутру обѣ наши эскадры соединились въ виду у не-

пріятеля и 29 числа Чичаговъ начальствуя тридцатью линейными кораблями и 18 фрегатами приближился къ Выборгской бухтѣ, примкнувъ правое крыло къ острову Куріо, а лѣвое къ мѣли Салваръ. Принцъ Нассау съ гребными судами тоже присоединился къ флоту Чичагова. Шведы были заперты въ бухтѣ.

Дѣйствія на сухомъ пути начались въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главнокомандующимъ Финляндскою арміею назначенъ былъ въ 1790 году Генералъ-Аншефъ Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ. И въ этомъ году опять не было большихъ сраженій: страна лѣсистая и гористая не представляла возможности ни для какихъ правильныхъ дѣйствій. Шведская война въ царствованіе Императрицы Екатерины II, была въ полномъ смыслѣ партизанскою; все заключалось въ однихъ обходахъ, нападеніяхъ изъ ущелій, съ утесовъ. Но тѣмъ не менѣе была трудна эта война, образецъ мужества и твердости Русскихъ.

Начало компаніи 1790 года ознамѣновалось для насъ неудачею. Генералъ Поручикъ Баронъ Игельстромъ, имѣя пове-

ніе вытѣснить непріятеля, укрѣпившагося въ Пардокоски и Керникоски, раздѣлилъ назначенныя для атаки войска на три колонны, которыя подъ начальствомъ Генералъ - Поручика Принца Ангальтъ - Бернбургскаго выступили въ походъ 18 Апрѣля въ 11 часовъ по полудни.

Первая колонна, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку подъ командою Секундъ - Маіора Байкова, приближась по льду къ островамъ Лапенсало и Котенъ, устроила тамъ баттарею и вытянула фрунтъ свой противъ мыса на лѣвой сторонѣ Лапенсало. Непріятель открылъ сильную пушечную пальбу съ правой стороны острова. Послѣ двухъчасовой пальбы наши прогнали Шведовъ. Байковъ повелъ Преображенцевъ на Пордокоски; картечный градъ обливалъ храбрыхъ; не прошло и четверти часа, какъ Байковъ раненый картечью былъ вынесенъ изъ фрунта. Капитанъ Чаадаевъ былъ тоже убитъ и почти всѣ офицеры подвер-

глись участи или Байкова или Чаадаева. Первая колонна отступила съ урономъ.

Инженеръ Генералъ-Маіоръ фонъ Сухшеленъ, бывшій начальникомъ второй колонны, раздѣливъ свои пять баталіоновъ на двѣ части, и поручивъ одну Бригадиру Князю Мещерскому, съ другою пошелъ самъ изъ Савашайла лѣтнею дорогою на Пардокоски. Мещерскій долженъ былъ провести войска свои по льду мимо деревни Полко и напасть на Пардакоски съ лѣва въ одно время съ Сухшеленымъ.

Сухшеленъ первый пришелъ къ пункту атаки, удачными выстрѣлами своей артиллеріи заставилъ молчать непріятельскую батарею построенную на противоположномъ берегу залива. Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій послѣ этого успѣшнаго дѣйствія приказалъ ударить маршъ и быстро атаковать непріятеля, укрѣпившагося обширными шанцами за Керникоскимъ мостомъ; наши овладѣли батареею и бывшія на ней орудія обратили противъ Шведовъ, начинавшихъ было уже оставлять и шанцы. Вдругъ непріятель получилъ сильное подкрѣп-

ніе и всѣми силами ударилъ на нашихъ. Князь Мещерскій не являлся съ своимъ отрядомъ. Звукъ оружія первой колонны замолкъ и непріятель обратилъ весь свой огонь противъ отряда Сухтелена, который, послѣ тщетныхъ усилій удержать за собою позицію, принужденъ былъ отступить — и тоже съ урономъ.

Столь же безуспѣшны были дѣйствія и третьей колонны, ввѣренной Генералъ-Маіору Берхману, который атаковалъ Керникоски. Лейбъ-гренадеры этой колонны овладѣли тоже батареею и взяли двѣ пушки; но послѣ пятичасовой перестрѣлки, истративъ всѣ снаряды, принуждены были отступить, отдавъ назадъ Шведамъ и батарею и пушки.

Впрочемъ Русскіе не были разбиты въ этомъ сраженіи, какъ говорится, на голову: они отступили въ такомъ порядкѣ, что непріятель не осмѣлился ихъ преслѣдовать. Торжевство Шведовъ было непродолжительно. 22 Апрѣля, Король Густавъ III, съ нѣсколькими Генералами, предводя 7 баталіонами и сильною ар-

шиллеріею опправился на рекогносцированіе мѣспъ между кирхи Валкіала и деревни Тайкалы. Узнавъ объ эшомъ, Генералъ-Маіоръ Денисовъ рѣшился пошчась апшаковашь непріяшеля. Шведы, какъ скоро завидѣли нашихъ, спали опсшупашь. Денисовъ, поворошя опъ Тайкалы всшорону, по дорогѣ ведущей на мызу Оровола, зашелъ непріяшелю во флангъ и принудилъ его къ сраженію. Шведы лишились всего своего обоза и аршиллеріи. Разбишый Король оспановился было при Машпиловскомъ моспу, собралъ свои войска и рѣшился въ ожиданіи подкрѣпленія, удержашь за собою эпу позицію. Денисовъ снова апшаковалъ Шведовъ: они зажегши моспъ, обрашились въ бѣгспво; но Донскіе казаки, переправясь чрезъ рѣчку въ бродъ, снова ударили на непріяшеля, кошорый, не оспанавливаясь уже нигдѣ быспро перешелъ за Кюмень. На шрешій день Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ перешелъ на правый берегъ Кюмени и ошкинулъ непріяшеля еще на пяшнадцашь верспъ, въ собсшвенной землѣ ихъ.

Въ одно время съ Буксгевденомъ перешелъ за Кюмень, при Мемѣлѣ Генералъ-Поручикъ Нумсенъ, овладѣлъ укрѣпленіями, бывшими на правомъ берегу рѣки, взялъ 12 пушекъ и болѣе трехъ сотъ плѣнныхъ.

Король Шведскій въ это время перешелъ съ большею частію войскъ своихъ на гребныя суда и послѣ сраженія съ Принцемъ Нассау (4 Мая) подступилъ къ Выборгу, окружилъ его и намѣревался взять приступомъ. Но, запертый въ Выборгскомъ заливѣ, онъ скоро долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, овладѣть городомъ и долженъ былъ думать болѣе о спасеніи своихъ флотовъ. Чичаговъ держалъ Шведовъ въ осадѣ четыре недѣли, не допуская ихъ суда выходить въ море. Съ сухаго пути они окружены были нашими войсками: не смотря на перемѣнное счастіе въ продолженіи компаніи 1790 года, Салтыковъ отрядилъ часть своей арміи подъ командою Генералъ-Маіора Барона Ферзена въ Свеаборгскій округъ. Непріятель терпѣлъ во всемъ крайній недостатокъ;

сину-Пушкину, начальствовавшему аріергардомъ, отрядить отъ себя два ближнихъ корабля на помощь Повалишину.

Корабль *Константинъ* подъ командою Генерала - Маіора Скуратова первый вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ; за нимъ открыли канонаду фрегаты, бывшіе подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Ханыкова. Чрезъ полчаса Адмиралъ Чичаговъ далъ сигналъ всему арріергарду отрубивъ якори, устремиться на Шведскіе корабли, а авангардному начальнику, Вице-Адмиралу Крузу, вступивъ подъ паруса, гнать и атаковать Шведовъ. Отряды Повалишина и Ханыкова дѣйствовали успѣшно; а потому Чичаговъ снялся и самъ съ якоря, и съ кордебаталіею погнался за непріятелемъ.

Растерявъ на мѣляхъ пять кораблей и два фрегата и подорвавъ своими брандерами одинъ собственный корабль и два линейныхъ фрегата, Шведы при усилившемся вѣтрѣ, неся всѣ паруса обратились въ бѣгство, оставя позади свою гребную флотилію, которая протянулась длинною колонною по шкерамъ. Адмиралъ

якоря, имѣя весь свой галерный флотъ позади себя въ линіи. Примѣтя это движеніе и полагая, что, можетъ быть, онъ пойдетъ среднимъ ходомъ, Адмиралъ Чичаговъ тотчасъ далъ знакъ флоту своему лечь на шпрингъ и приготовиться къ бою, приказавъ имѣть при каждомъ кораблѣ вооруженныя шлюбки и барказы съ брандерами и цѣпьми для отвода брандеровъ непріятельскихъ; а гребной нашей флотиліи, находившейся въ Трапезундѣ подъ командою Вице-Адмирала Козлянинова, сдѣлалъ сигналъ выступить немедленно къ флоту. Между тѣмъ не зная какимъ ходомъ устремится непріятель и чтобы не быть обманутымъ, Адмиралъ рѣшился не снимать съ мѣста, до нѣкотораго времени, того отряда, отъ котораго Шведы начнутъ уклоняться. Въ началѣ восьмаго часа, когда непріятель подвинулъ къ Крюсерортскому берегу нѣкоторые корабли свои и авангардъ его, встрѣченный сильною канонадою пошелъ на прорывъ къ отряду Контръ-Адмирала Повалишина, Чичаговъ приказалъ Вицъ-Адмиралу Му-

сину-Пушкину, начальствовавшему аріергардомъ, отрядить отъ себя два ближнихъ корабля на помощь Повалишину.

Корабль *Константинъ* подъ командою Генерала - Маіора Скурашова первый вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ; за нимъ открыли канонаду фрегаты, бывшіе подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Ханыкова. Чрезъ полчаса Адмиралъ Чичаговъ далъ сигналъ всему арріергарду отрубивъ якори, устремиться на Шведскіе корабли, а авангардному начальнику, Вице-Адмиралу Крузу, вступивъ подъ паруса, гнать и атаковать Шведовъ. Отряды Повалишина и Ханыкова дѣйствовали успѣшно; а потому Чичаговъ снялся и самъ съ якоря, и съ кордебаталіею погнался за непріятелемъ.

Растерявъ на мѣляхъ пять кораблей и два фрегата и подорвавъ своими брандерами одинъ собственный корабль и два линейныхъ фрегата, Шведы при усилившемся вѣтрѣ, неся всѣ паруса обратились въ бѣгство, оставя позади свою гребную флотилію, которая протянулась длинною колонною по шкерамъ. Адмиралъ

Чичаговъ велѣлъ нѣсколькимъ фрегатамъ и катерамъ подъ командою Капитана Кроуна напасть съ обоихъ фланговъ на гребныя Шведскія суда; эта аттака была стольже успѣшна, какъ и первая: почти половина непріятельскихъ судовъ была потоплена или разбита; остальныя, устрашенныя гибелью ихъ, разстроенныя, почти безъ всякой обороны спускали флаги, поднимали въ защиту и единственное спасеніе свое Россійскій флагъ, предавались во власть побѣдителей. Адмиралъ, предоставивъ дальнѣйшее пораженіе и преслѣдованіе Шведской гребной флотиліи Принцу Нассау-Зигенъ, самъ поспѣшилъ на всѣхъ парусахъ за бѣжавшими кораблями.

Въ десятомъ часу по полудни, прошедъ Гохландъ, корабль *Мстиславъ*, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Биллова, настигъ непріятельскій корабль подъ Контръ-Адмиральскимъ флагомъ, аттаковалъ его и чрезъ полчаса, сбивъ бизань-мачту и повредивъ многія снасти, взялъ его въ плѣнъ, потерпѣвъ и самъ поврежденіе, хотя и незначительное, въ

реяхъ и парусахъ. Въ одиннадцашь часовъ корабль *Киръ* и *Іоаннъ*, подъ командою Капишана Теша, овладѣлъ фрегашомъ.

Вѣшръ въ эшо время усилился и осташокъ Шведскаго флоша, прибавляя безпрерывно паруса, сколько возможно было, усиливалъ бѣгъ свой и сшремился къ Гельсингфорсу.

На другой день, одинъ изъ заднихъ кораблей Шведскихъ, пошерявшій форъ-сшенгу, былъ ошрѣзанъ кораблемъ *Изяславомъ*, подъ командою капишана Сиверса и фрегашомъ *Венусомъ*, подъ командою Капишана Кроуна и пусшился было для спасенія своего въ шкеры ниже Гельсингфорса; но, догнанный *Венусомъ* былъ аштакованъ и принужденъ къ сраженію. Чрезъ полчаса подоспѣлъ и *Изяславъ*; Шведскій корабль спусшилъ флагъ свой и былъ взяшъ нашими въ плѣнъ. Напослѣдокъ, при зашихшемъ вѣшрѣ, флошъ Шведскій помощію буксира, а пошомъ и на парусахъ, вошелъ въ самое узкое мѣсшо Гельсингфорскаго залива и бросилъ якори подъ шамошними укрѣпленіями. Кромѣ пошерянныхъ непріяшелемъ ко-

раблей, фрегатовъ и разныхъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, взяты еще во время преслѣдованія командирами фрегата *Св. Марка*, Лейтенантомъ фонъ-Дизиномъ большой двухмачтовый барказъ и двѣ канонерскія лодки; — фрегата *Премислава* Капитанъ-Лейтенантомъ Станищевымъ кононерская лодка и два транспортныхъ судна съ воинскими снарядами;—корабля *Прохора* Капитаномъ Скорбѣевымъ кононерскій ботъ;—катера *Лстуcaго*, Капитанъ - Лейтенантомъ Бартеневымъ двѣ кононерскія лодки и два транспортныхъ судна; — фрегата *Надежды-благополучія*, Капитаномъ-Лейтенантомъ Бодиско четыре большія шлюбки, вооруженныя каждая осмью фалконетами и двадцатичетырехъ фунтовою пушкою, и два транспортныя судна;—фрегата *Славы* Капитаномъ Лейтенантомъ Свитинымъ двѣ галеры и сверхъ того потоплены одна полугалера и двѣ канонерскія лодки.

Шведы лишились убитыми болѣе трехъ тысячь человѣкъ. Въ плѣнъ нами взято болѣе пяти тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ Контръ-Адмиралъ и сто

восемдесятъ семь Штабъ-и Оберъ-Офицеровъ. Съ нашей стороны не было потеряно ни одного корабля, ни даже шлюбки. Людей убито — 117 человѣкъ и ранено 164. Столь знаменитая побѣда было однакоже омрачена запальчивостію Принца Нассау. Оставленный Адмираламъ Чичаговымъ для преслѣдованія гребнаго непріятельскаго флота, онъ устремился за Королемъ Шведскимъ въ бухту Швейзундъ, нашелъ тамъ нѣсколько свѣжихъ непріятельскихъ судовъ, попалъ подъ непріятельскія батареи — и былъ разбитъ. 55 судовъ (въ томъ числѣ болѣе тридцати мѣлкихъ) и около 6000 человѣкъ экипажа достались Шведамъ.[78]

Густавъ III не обольстился однакоже этою побѣдою, увѣренный, что не можетъ долѣе состязаться съ Россіею. Казна его истощилась, парусный флотъ уменьшенный до половины, былъ столько поврежденъ, что по крайнѣй мѣрѣ требовалъ шести мѣсяцевъ для починокъ. На сухомъ пути, на каждое выигранное сраженіе приходилось по три проигранныхъ. Въ Стокгольмѣ начался ропотъ.

Помощи ожидать ему было не откуда. Наши дѣла съ портою приходили къ концу, славному для Россіи.

Король Шведскій предложилъ Императрицѣ Екатеринѣ миръ, написавъ къ ней объ этомъ собственноручное письмо. Испанскій Посланникъ при Санктпетербургскомъ Дворѣ вызывался было въ посредники; но Государыня отвергла этотъ вызовъ, давъ повелѣніе Генералу Барону Игельстрому вступить тотчасъ въ переговоры съ уполномоченнымъ Короля Шведскаго Генераломъ Армфельдомъ.

Переговоры происходили въ палаткѣ, поставленной между обѣими арміями и 3 Августа заключенъ былъ миръ, подписанный Игельстромомъ и Армфельдомъ; ратификаціи размѣнены въ шесть дней. Трактатъ состоявшій изъ 8 статей, имѣлъ основаніемъ строгое statu quo, передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій и слѣдовательно возвращеніе всѣхъ мѣстъ, занятыхъ войсками той или другой державы, въ земляхъ своего непріятеля. Въ этомъ договорѣ, кромѣ предпо.

ложеній о взаимной салютаціи флаговъ обѣихъ державъ и разрѣшенія для Швеціи безпошлинной покупки хлѣба въ портахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря ежегодно на 50,000 рублей, нѣтъ никакихъ особенныхъ статей« въ разсужденіи, какъ сказано въ 7-й статьѣ, »что поспѣшность, съ каковою восхотѣли обѣ высокія договаривающіяся стороны прекратить наискорѣе военныя бѣдствія, удручавшія обоюдныхъ ихъ подданныхъ, не дозволила постановить разныя статьи и предметы, удобные къ прочному утвержденію добраго сосѣдства и совершеннаго границъ спокойствія. Онѣ согласились и обѣщаются взаимно заняться сими статьями и предметами и разобрать и постановить ихъ дружески посредствомъ пословъ или полномочныхъ министровъ, коихъ отправятъ онѣ другъ къ другу, вскорѣ по заключеніи сего мирнаго договора.«

Замѣчательно также, что въ Верельскомъ договорѣ ни слова не упомянуто (вопреки принятыхъ обыкновеній, чтобы предшествовавшіе трактаты были внесе-

послѣдующіе) ни о Нейштатскомъ, ни объ Абовскомъ. Это сдѣлано потому, что король Шведскій не соглашался отказаться отъ дружескихъ сношеній съ Портою, а Императрица Екатерина хотѣла, чтобъ о дѣлахъ ея съ Портою не упоминали ни слова. Верельскій миръ какъ и Абовскій, утвердилъ границею между Россіи и Швеціи рѣку Кюмень. [79]

КНИГА XIII.

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ РАЗДѢЛЫ ПОЛЬШИ. ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ ГЕРЦОГСТВА КУРЛЯНДСКАГО.

на счетъ потерь и лишеній были различны: о чемъ одинъ соболѣзновалъ, тому другой радовался; что одна партія старалась искоренить, то другая искала замѣнить еще худшимъ.... Умы были въ волненіи. Польша, походила на буйную толпу школьниковъ, оставленныхъ на время, учителемъ. Между Россіею и Пруссіею несогласія, возникшія предъ началомъ второй Турецкой войны и увеличившіяся въ продолженіе хода военныхъ дѣйствій увеличили бѣдственное положеніе Республики Польской.

Покровительствуемая Берлинскимъ Дворомъ »анти-русская« Партія усилилась и наконецъ одержала верхъ надъ всѣми прочими. Конституція 1775 года, обезпеченная ручательствомъ Императрицы Екатерины II была отмѣнена. Поляки, безпрерывно подстрѣкаемые чужеземцами отказали Россіи въ пропускѣ войскъ чрезъ свои земли и даже заключили союзъ съ Пруссіею, (29 Марта 1790) которая гарантировала ихъ владѣнія и обѣщала формальную защиту отъ »иностранцевъ,« которые будутъ вмѣшиваться въ дѣла

Государство. Напротивъ того раздоры Вельможъ болѣе и болѣе обезсиливали Республику. Король Станиславъ Понятовскій, какъ будто усиливался доказывать каждымъ своимъ поступкомъ, что онъ не рожденъ царствовать: »Не Станиславъ Августъ, по словамъ Сегюра, Екатерина II царствовала въ Польшѣ въ Послѣ Своемъ Стакельбергѣ, котораго Дворъ былъ многочисленнѣе, блистательнѣе Королевскаго« можно было подумать, что Польша во второй половинѣ XVIII столѣтія находилась еще на той же степени дѣтства, грубости нравовъ и невѣжества на какой находились Европейскія Государства въ средніе вѣки.

Когда Турція принудила Россію къ войнѣ, то естественно, что вниманіе С. Петербургскаго Кабинета въ отношеніи Польши уменьшилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Магнаты считали что раздоръ Россіи съ Портою для Польши есть минута самая удобная для возвращенія всего того, что она потеряла или чего не могла сохранить въ слабое Царствованіе Понятовскаго. Но мнѣнія ихъ

на счетъ потерь и лишеній были различны: о чемъ одинъ соболѣзновалъ, тому другой радовался; что одна партія старалась искоренить, то другая искала замѣнить ещё худшимъ.... Умы были въ волненіи. Польша, походила на буйную толпу школьниковъ, оставленныхъ на время, учителемъ. Между Россіею и Пруссіею несогласія, возникшія предъ началомъ второй Турецкой войны и увеличившіяся въ продолженіе хода военныхъ дѣйствій увеличили бѣдственное положеніе Республики Польской.

Покровительствуемая Берлинскимъ Дворомъ »анти-русская« Партія усилилась и наконецъ одержала верхъ надъ всѣми прочими. Конституція 1775 года, обезпеченная ручательствомъ Императрицы Екатерины II была отмѣнена. Поляки, безпрерывно подстрѣкаемые чужеземцами отказали Россіи въ пропускѣ войскъ чрезъ свои земли и даже заключили союзъ съ Пруссіею, (29 Марта 1790) которая гарантировала ихъ владѣнія и обѣщала формальную защиту отъ »иностранцевъ,« которые будутъ вмѣшиваться въ дѣла

Сейма. Въ тоже время магнаты Польскіе старались усилить связи свои съ Портою и съ нею тоже заключить оборонительный союзъ. Но все это доказывало лишь, что недалеко то время, когда имя Польши будетъ исключено изъ списка независимыхъ Государствъ Европейскихъ. Союзный договоръ съ Портою не былъ ратификованъ, а дружба съ Пруссіею вскорѣ оказалась двусмысленною: защитники тогда же начали заговаривать объ уступкѣ имъ Данцига и Торуня.[80]

Между тѣмъ, какъ заключались союзы, Игнатій Потоцкій и его приверженцы, съ помощію Пруссіи и соблюдая величайшую тайну, готовили проэктъ новой конституціи. Король былъ скоро соглашенъ на одобрѣніе этого постановленія и тѣмъ легче, чѣмъ менѣе онъ былъ способенъ властвовать.

Ночью съ 2 на 3 Мая 1791 года, наканунѣ перваго засѣданія Сейма послѣ праздника Пасхи, Депутаты, готовившіе новую конституцію собрались къ Королю и упросили его усилить стражу въ замкѣ и предъ Сей-

мовою залою. На другой день поутру, національная гвардія явилась въ полномъ вооруженіи съ распущенными знаменами. Король имѣлъ торжественное шествіе къ мѣсту совѣщаній: однако никто, кромѣ небольшаго числа приверженцевъ Потоцкаго, не зналъ для чего дѣлались всѣ эти приготовленія. По порядку предложеній, назначенныхъ въ Сеймѣ еще до Пасхи, всѣ ожидали преній о Государственныхъ доходахъ. Но вмѣсто этого, Король, вставъ съ трона объявилъ, »что при опасныхъ видахъ открывавшихся вновь для отечества и для сохраненія блага и независимости Польши онъ предначерталъ новое постановленіе, долженствующее обезпечить судьбу Королевства.« Проэктъ новой конституціи былъ въ то же время прочтенъ; главныя статьи были слѣдующія: 1) Королевство превращается изъ избирательнаго въ наслѣдственное. 2) Наслѣдство престола признается навсегда за домомъ Саксонско-Курфиршескимъ, такимъ образомъ, что Курфирстъ Фридрихъ Августъ назначенъ быть преемникомъ Станислава. А какъ у него

не было потомковъ мужескаго пола, то единственная дочь Марія Августа объявляется Польскою Инфантиною: Супругъ, котораго она получитъ съ согласія Короля и чиновъ Республики, безъ дальнѣйшаго избранія будетъ наслѣдникомъ престола и имъ начнется Королевская наслѣдственная династія. 3) Государственная власть раздѣляется на законадательную, принадлежащую Сейму, исполнительную — Королю и судебную — трибуналамъ. Король долженъ имѣть при себѣ Верховный Гоударственный Совѣтъ, состоящій изъ шести Министровъ, подлежащихъ отвѣтственности предъ Государственными чинами. Армія вся поручается Королю. 4) Сеймъ раздѣляется на двѣ палаты; но liberum veto уничтожается. 5) Всѣ привелегіи Дворянства подтверждаются; крестьяне и граждане получаютъ новыя. 6) Католическое вѣроисповѣданіе признается господствующимъ и всѣ вообще терпимыми.

Ни одна еще конституція, казалось, не была принята съ такимъ энтузіасмомъ — противуположныхъ чувствованій. Многіе

члены Сейма едва могли дождаться окончанія чтенія, чтобы обнаружить свое негодованіе, возбужденное столь неожиданнымъ предложеніемъ. Напротивъ того другіе видѣли въ новой конституціи зарю и ручательство своей независимости. Какъ бы то ни было, большинство было на сторонѣ новаго постановленія и оно было укрѣплено присягою Короля и большей части чиновъ.

Поддержать новую конституцію было гораздо труднѣе, чѣмъ составить и обнародовать. Существованіе ея казалось наиболѣе несбыточнымъ оттого, что Король долженствовавшій защищать постановленіе былъ слишкомъ слабъ даже и для того, чтобъ захотѣть защищать. Не смотря на то, что болѣе десятитысячь войска отправлено было въ провинціи, обнаружившія неудовольствіе и нехотѣвшія присягать новой конституціи; не смотря на то, что опредѣлено учредить Сеймовый судъ, долженствовавшій наказывать наравнѣ съ измѣнниками всѣхъ противившихся большинству Сейма—конституція умирала при самомъ рожденіи.

ностей, преимуществъ и законовъ, похищенныхъ конституціею 3 Мая 1791 года.[81] Вслѣдъ за этимъ Русскія войска, подъ предводительствомъ Генералъ-Аншефовъ Михайлы Никитича Кречетникова вступили въ Польшу (19 Мая) и Коссаковскаго въ Литву (21 Мая). Въ Польской Украйнѣ, Волыніи и Подоліи открылись возстанія; войсками тамъ предводительствовали приверженцы Россіи—Браницкій, Ржевуцкій и Феликсъ Потоцкій. Екатерина приняла подъ свое покровительство Тарговичскую конфедерацію.

Война запылала. Горячіе патріоты поскакали въ Дрезденъ убѣждать въ свою пользу Курфирста, нарѣченнаго Королемъ; въ Парижъ, склонять на свою сторону тамошнихъ властителей; въ Вѣну просить помощи Императора. Поляки твердо надѣялись на помощь Пруссіи, одобрившей ихъ конституцію и были убѣждены, что по первому ихъ возванію, Фридрихъ Вильгельмъ явится къ нимъ съ оружіемъ защищать неприкосновенность Королевства. Но дѣла принимали худой оборотъ: Курфирстъ Саксонскій

колебался принять ненадежную корону; Франція ограничилась лишь восторженными одобреніями новой Польской конституціи; Императоръ обѣщалъ лишь нейтралитетъ, а Пруссія... Поляки догадывались уже, что Пруссія оставитъ ихъ; но имъ не приходило и на мысль, чтобы защитница ихъ соединилась съ Россіею. Вскорѣ однакожъ убѣдились они въ этомъ и прежде нежели могли питать и малѣйшее подозрѣніе. Фридрихъ Вильгельмъ возвратился со стыдомъ изъ Шампаніи, казна была истощена, и война на Рейнѣ все еще продолжалась. Въ такомъ положеніи, какую будущность представлялъ Пруссіи раздоръ съ Россіею? Переговоры между Пруссіею и Россіею клонились къ дружбѣ и союзу двухъ Державъ. Судьба Польши была рѣшена.

Войска наши быстро подвигались впередъ; даже Косцюшко не могъ устоять противъ ихъ натиска.[82] Смятеніе съ каждымъ днемъ увеличивалось въ Варшавѣ. Тамъ узнали наконецъ, что Дворы Вѣнскій и Берлинскій совершенно были согласны съ Императрицею Екатериною и

что ихъ мысли объ уничтоженіи конституціи 3-го Мая были однѣ и тѣже. Число членовъ Тарговичской конфедераціи умножалось каждый день. Въ Вильнѣ образовалась тоже конфедерація противъ новой конституціи и соединилась съ Тарговичскою. Феликсъ Потоцкій издалъ универсалъ, приведшій противную сторону въ самое затруднительное положеніе. Въ этомъ универсалѣ, между прочимъ сказано было »что нѣкоторый скопъ заговорщиковъ произвелъ Государственный переворотъ 1791 года Мая 3, ввелъ монархическое неограниченное правленіе вмѣсто республиканскаго; расточаетъ доходы Государства, намѣревается продавать имѣнія республики (т. е. староства), обремѣняетъ казначейство огромными займами. А потому и объявляется, какъ внутреннимъ такъ и заграничнымъ банкирамъ и торговымъ домамъ, чтобы они нынѣшній незаконный Сеймъ въ Варшавѣ не ссужали ни какими суммами, изъ опасенія потерять ихъ, потому что со введеніемъ прежняго образа правленія всѣ займы сдѣланные съ Іюля 1791 года признаны будутъ ничтожными.«

Король Станиславъ Августъ убѣжденный въ несогласіи ни на какое перемиріе со стороны Русскихъ,[83] убѣжденный въ невозможности продолжать неравную борьбу, повелѣлъ своимъ войскамъ сколько возможно уклоняться отъ кровопролитія и отнесся письмомъ къ самой Императрицѣ. Отвѣтъ изъ Санктпетербурга пришелъ въ Варшаву 22 Іюля и тотчасъ доставленъ былъ Королю Булгаковымъ. Отвѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, »что Императрица будетъ поддерживать конфедерацію въ Тарговичѣ, находящуюся подъ Ея покровительствомъ, и что только скорое, полное и неограниченное приступленіе Короля и Республики къ сей конфедераціи есть единственное средство, чрезъ которое Король дружбу а Республика благоволеніе Императрицы опять пріобрѣсти могутъ; что Польша ни какимъ другимъ образомъ и условіемъ не избавится отъ совершенной своей гибели, и что Ея Императорское Величество Королю только тотъ совѣтъ дать можетъ, чтобъ какъ возможно скорѣе приступить къ

конфедераціи подъ предводительствомъ Феликса Потоцкаго, а по сему отказаться отъ постановленія 3 Мая 1791 года; все, что изъ того воспослѣдовало объявить за небывшее и ничтожное и все опять привесть въ то состояніе, въ какомъ было до той точки времяни.«

Это письмо поразило Короля Польскаго; но онъ былъ убѣжденъ Булгаковымъ, что дальнѣйшее упорство повлечетъ за собою лишь большія непріятности.

Король Станиславъ приступилъ къ Тарговичской конфедераціи 23 Іюля, 1792 года.

Первымъ слѣдствіемъ приступленія Станислава къ Тарговичской конфедераціи было формальное утвержденіе перемирія. Главное начальство надъ Польскими войсками опять поручено было прежнимъ Фельдмаршаламъ. Многіе Вельможи, содѣйствовавшіе введенію конституціи 1791 года, удалились за границу.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 11 числа на генеральномъ съѣздѣ Тарговичской конфедераціи въ Брестъ-Литовскомъ, поло-

жено было открыть Сеймъ въ Гродн. Тамъ Польша должна была ожидать рѣшенія своей участи. Польскія войска, бывшія въ Варшавѣ и всѣ присутственныя мѣста присягнули конфедераціи въ вѣрности. Всѣ отрасли исполнительной власти, всѣ части правительства, сообразно съ постановленіями 1775 года, приведены въ такое состояніе, какъ было до 1788 года. Новая Военная Коммиссія и главная команда надъ войсками поручены были опять Коронному и Литовскому Фельдмаршаламъ. Армія республики уменьшена до того комплекта, какой былъ опредѣленъ въ 1775 году. Племянникъ Короля, Іосифъ Понятовскій, выѣхалъ изъ Государства; Генералы Вельегорскій и Косцюшко вступили въ Австрійскую службу. Новыя подати уничтожены. Предполагавшаяся продажа староствъ осталась пустымъ проэктомъ; какъ въ Варшавѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, всѣ Коллегіи и Судебныя мѣста присягнули въ повиновеніи всѣмъ опредѣленіямъ »свѣтлѣйшей генеральной конфедераціи.« Власть Королевская ограни-

чена была до шого, что даже указы подписанные Королемъ запрещено было признавашь дѣйсшвишельными безъ одобренія Сейма. Пашенты на ордена, данные послѣ 3 Мая 1791 года, объявлены ничшожными.[84]

»Нашурально,« замѣчаешъ авторъ книги, подъ заглавіемъ »дѣянія Императрицы Екашерины II,« Г. Колошовъ, »что сіи обсшояшельсшва сдѣлали, шогда Короля весьма унылымъ и повредили его здоровью.«

Первымъ дѣломъ новоошкрышаго Сейма въ Гроднѣ было ошправленіе ошъ имени генеральной конфедераціи посольсшва въ Санкшпешербургъ для принесенія благодарносши Императрицѣ »за возсшановленіе древняго республиканскаго правленія и уничшоженіе беззаконнаго самовласшія.« Въ числѣ пословъ были великій коронный Гешманъ Графъ Браницкій, полный коронный Гешманъ Графъ Ржевуцкій, полный Гешманъ Лишовскій Графъ Коссаковскій, Воевода Кіовскій Графъ Пошоцкій, Касшяллянъ Гродскій Графъ Плашеръ и короный Секрешарь Графъ Гра-

новскій. Послѣ торжественной аудіенціи, которой удостоила ихъ Императрица, послы представлялись также Цесаревичу, Его Супругѣ, Великимъ Князьямъ и Княжнамъ.[86]

Такъ кончилась Польская война.

Между тѣмъ Король Прусскій, въ началѣ 1793 года, повелѣлъ нѣсколькимъ корпусамъ своихъ войскъ вступить въ Польшу, »въ которой, какъ сказано было въ деклараціи по этому случаю, »сторона противная спасительнымъ намѣреніямъ Россійскаго Двора, не взирая на свое безсиліе, которое принудило ее отрѣчься отъ открытой войны, продолжаетъ втайнѣ обнародывать возмутительныя сочиненія и, по видимому, умышляетъ снова ниспровергнуть прежній порядокъ.« Цѣлію вступленія Прусскихъ войскъ въ Польшу, сначала, было только усмиреніе въ ней якобинисма. Однако въ Февралѣ мѣсяцѣ Пруссаки овладѣли Данцигомъ и потомъ Торунемъ, составлявшими постоянную цѣль ихъ притязаній со времени перваго раздѣла. Послѣ этого Прусскія войска двинулись къ Варшавѣ. Поляки не-

доумѣвали и взялись было снова за оружіе. Но вмѣстѣ съ Прусскими придвинулись къ Варшавѣ и наши войска.

18 Марта, чрезвычайный посолъ Императрицы Екатерины, Графъ Сиверсъ, сообщилъ свѣтлѣйшей генеральной конфедераціи декларацію, объяснявшую намѣренія Императрицы и Короля Прусскаго касательно Польши. Содержаніе этой деклараціи было слѣдующее:

»Намѣренія Ея Величества Императрицы Всероссійской, объявленныя въ деклараціи, поданной прошлаго года въ 8 день Мая Министромъ Ея въ Варшавѣ по случаю вступленія войскъ Ея въ Польшу, безпрекословно заслуживали согласіе, уваженіе, и можно примолвить, благодарность отъ всего Польскаго народа; видѣла однакожъ вся Европа, въ какомъ образѣ и цѣнности онѣ приняты были. Чтобы очистить конфедераціи Торговичской путь къ достиженію правъ и власти законовъ ей принадлежащихъ, нужно было прибѣгнуть къ силѣ оружія; и тогда только зачинщики перемѣны 3 Маія 1791 года и сообщники ихъ оставили бой, къ которо-

му они принудили войска Россійскія, когда уже нашли себя не въ силахъ прошивустоять превозможенію оныхъ.«

»Но ежели явное сопрошивленіе и прекрашилось, шо безпосредсшвенно было замѣнено шайными происками, копорыхъ коварное соплѣшеніе шѣмъ опаснѣе, чѣмъ удобнѣе можешъ укрывашься ошъ самаго рачишельнѣйшаго наблюденія и даже ошъ преслѣдованія самыхъ законовъ.«

»Духъ раздора и мяшежа просшеръ сшоль глубоко корень, чшо люди занимающіеся зловреднымъ упражненіемъ воспалять и разливашь оный, не видя успѣха въ проискахъ своихъ при иносшранныхъ Дворахъ, чшобъ возбудишь сомнѣніе на виды Россіи, обрашили сшараніе свои на заблужденіе шолпы, всегда удобной къ уловленію и досшигли до шого, чшо засшавили ея раздѣляшь ненависшь и злобу, кои возъимѣли они прошивъ сей Имперіи за шо, чшо она лишила ихъ виновныхъ ихъ упованій. Не говоря о многихъ дѣяніяхъ, всему свѣшу извѣсшныхъ, подшверждающихъ зловредныя росположенія большей часши Поляковъ, довольно будешъ ска-

зать, что они во зло употребили даже самыя правильныя человѣколюбія и кротости мѣры, на которыхъ Генералы и Офицеры войскъ Государыни Императрицы сходственно съ данными имъ о томъ точными повелѣніями учреждали свое поведеніе и свои дѣянія, чтобъ обнаружить противъ нихъ всякого рода обиды и худые поступки до такой степени, что самые наглѣйшіе дерзнули говорить о вечерняхъ Сицилійскихъ, и угрожать имъ подобною судьбою.«

»Таковаго рода воздаяніе сіи враги спокойства и добраго порядка, кои Ея Императорское Величество искала возстановить и утвердить въ ихъ отечествѣ, готовили великодушнымъ Ея намѣреніямъ! Да разсудятъ теперь о искренности приступленія большой части изъ нихъ къ конфедераціи, нынѣ существующей, равно какъ о продолженіи и твердости тишины внутри и внѣ Республики.«

»Но Ея Императорское Величество обыкла уже тридцать лѣтъ противоборствовать непрестаннымъ безпокойствамъ сего Государства, и полагаясь на

способы, дарованныя Ей Всемогущимъ для положенія предѣловъ симъ междоусобіямъ, кои тамъ и поднесь царствуютъ, конечно настояла бы въ Своихъ безкорыстныхъ усиліяхъ, и продолжала бы предавать забвенію всѣ причины негодованія Своего, равнымъ образомъ какъ и справедливыя притязанія, на которыя сіи поступки даровали Ей право, если бы не представились неудобства такого роду, котораго важность еще вящшую за собою влекла опасность. Звѣрское изступленіе народа, прежде столь процвѣтавшаго, нынѣ же столь униженнаго, раздираемаго и поставленнаго на край пропасти, разверзтой на поглощеніе его, вмѣсто чтобъ быть предметомъ ужаса для сихъ мятежниковъ, представляется имъ примѣромъ подражанія достойнымъ. Они старались ввести въ нѣдра Республики сіе адское ученіе, изобретенное сектою безбожною, святотатственною и убійственною, къ бѣдствію и разрушенію всѣхъ обществъ духовныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Уже клубы, установленные на подобіе Якобинскому въ Парижѣ, заве-

дены были въ столицѣ, такъ какъ и въ разныхъ Польскихъ провинціяхъ; они пріуготовляли втайнѣ свой ядъ, вливали его въ умы и тѣмъ ихъ распаляли.

»Заведеніе столь опаснаго горна для всѣхъ Державъ, имѣющихъ области свои въ сосѣдствѣ Республики, долженствовало естественно возбудить ихъ вниманіе; почему и не могли они вообще не изыскивать надежнѣйшихъ мѣръ къ утушенію зла при самомъ его рожденіи и для воспрепятствованія заразѣ его достигнуть до ихъ собственныхъ предѣловъ; сего ради Ея Величество Императрица Всероссійская и Его Величество Король Прусскій, съ согласія Его Величества Императора Римскаго, не нашли дѣйствительнѣйшихъ способовъ для безопасности своей, какъ сократить Республику Польскую, въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, опредѣляя ей бытіе и соразмѣрность, гораздо сходнѣйшія для посредственной Державы и которыя не предосуждая древней ея вольности, облегчили бы ей способы къ достиженію и сохраненію правленія благоразумнаго, благоустроен-

наго и въ тоже время довольно твердаго и довольно дѣятельнаго, къ предупрежденію и обузданію всѣхъ безпорядковъ и мятежей, кои столь часто нарушали тишину, какъ Ея собственную, такъ и сосѣдей. На сей конецъ соединясь совершеннымъ согласіемъ въ видахъ и началахъ Ихъ Величества Императрица Всероссійская и Король Прусскій внутренно убѣждены будучи, что имъ не льзя лучше упредить было совершенное опроверженіе, угрожающее Республикѣ отъ раздора ея терзающаго, а паче всего отъ тѣхъ отвратительныхъ и ложныхъ мнѣній, которыя тамъ уже начинались оказываться, какъ присоединивъ къ взаимнымъ ихъ областямъ смѣжныя нынѣ съ ними Польскія провинціи, и вступивъ съ сего времяни въ дѣйствительное владѣніе оныхъ, дабы такимъ образомъ благовременно охранить ихъ отъ вредныхъ дѣйствій тѣхъ самыхъ мнѣній, которыя старались въ оныхъ распространить.«

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ было таково, что не смотря на самый пылкій, необузданный »патріотизмъ« нѣсколь-

нихъ горячихъ головъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Республики, всякое сопротивленіе было безполезно и влекло за собою конечную гибель. 22 Апрѣля на Гродненскій Сеймъ прибылъ Король Станиславъ и повѣренные отъ Австріи, Англіи, Голландіи и Швеціи. Кречетниковъ занялъ между тѣмъ мѣста, долженствовавшія поступить подъ Державу Всероссійской Имперіи. Англія, надѣясь на помощь Россіи въ войнѣ съ Франціею,[87] не противорѣчила новому раздѣлу. Императоръ отказался отъ новыхъ пріобрѣтеній. Прочіе Дворы безмолствовали. Три мѣсяца продолжались жаркія прѣнія; но 22 Іюля Гродненскій Сеймъ уступилъ Россіи требуемыя ею земли. Россія получила области Минскую, Подольскую, половину Волыніи, часть Литвы и 10 уѣздовъ къ Кіеву, всего 4653 квадратныхъ мили съ 3,011,628 жителей. Въ три губерніи, составленныя изъ новопріобрѣтенныхъ земель Императрица назначила Губернаторами Генералъ-Маіоровъ: въ Минскую Неплюева, въ Изяславскую — Шереметева, въ Браславскую—

Берхмана. Генералъ-Губернаторомъ опредѣленъ былъ Генералъ - Аншефъ Тутолминъ.

По удовлетвореніи Россіи, на Сеймѣ долго упорствовали въ отводѣ земель для Пруссіи, просили защиты Россіи. Но Графъ Сиверсъ настоятельно требовалъ безусловнаго исполненія воли Императрицы Екатерины II, и 15 Сентября Сеймъ сдѣлалъ постановленіе, по которому Пруссія получила Данцигъ, Торунь, Плоцкъ, Познань, Калишь, Ленчицу, Раву и Сѣверскъ; всего 1,061 квадратную милю и 1,136,899 душъ.

Остальная часть Польши, (4016 квадр. миль съ 3,153,620) осталась подъ зависимостію Россіи. Союзники дали Республикѣ только видъ политическаго существованія.

14 Октября 1793 года былъ заключенъ союзъ между Польшею и Россіею; главнѣйшія изъ условій были слѣдующія: 1) Россія удерживаетъ за собою право распоряжать будущею войною. 2) Безъ согласія ея Польша не должна входить ни въ какія сношенія съ прочими Дер-

жавами. 3) Русскія войска могутъ имѣть свободный переходъ чрезъ Польскія земли, по одному лишь предварительному извѣщенію.

Польша, по новому раздѣлу земель ея, лишилась сосѣдства съ Турціею и была окружена Россіею, Австріею и Пруссіею. Совершенная покорность волѣ Императрицы Екатерины, была условіемъ политическаго существованія Польской Республики. Но буйные Поляки возмечтали избавиться отъ опеки, которой ихъ подвергли несбыточные замыслы—и имя Польши было исключено изъ списка независимыхъ Государствъ Европейскихъ.

КНИГА XIII.

ГЛАВА XLV.

ВОЛНЕНІЕ ВЪ ПОЛЬШѢ ПОСЛѢ ВТОРАГО РАЗДѢЛА. ИГЕЛЬСТРОМЪ. УБІЙСТВА РУССКИХЪ ВЪ ВАРШАВѢ И ДРУГИХЪ ГОРОДАХЪ. ПРУССКІЯ ВОЙСКА ОСАЖДАЮТЪ ВАРШАВУ. СУВОРОВЪ. ШТУРМЪ ПРАГИ И КАПИТУЛЯЦІЯ ВАРШАВЫ. СЕЙМЪ ВЪ ГРОДНѢ. ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ КУРЛЯНДІИ. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПОЛЬШИ.

Въ Польшѣ даже и по заключеніи мира съ Россіею, послѣ вшораго раздѣла, все показывало, чшо спокойсшвіе не могло

быть прочно. Россійскій Посолъ Графъ Яковъ Ефимовичь Сиверсъ, заступившій мѣсто Булгакова при Дворѣ Станислава, исполняя въ точности волю Екатерины, при всей дѣятельности своей, не обратилъ должнаго вниманія на два узаконенія Гродненскаго Сейма: однимъ дозволено носить знакъ отличія, учрежденный въ Польшѣ въ 1791 году для воиновъ, сражавшихся противъ Русскихъ, а другимъ отмѣнены и разрушены всѣ постановленія Торговичской конфедераціи. Этими двумя обстоятельствами воспользовались такъ называвшіеся »патріоты« находившіеся въ чужихъ краяхъ. Полагаясь на безпокойный духъ націи, они тайно раздували тлѣвшія искры мятежа.

Императрица отозвала Сиверса въ Санктпетербургъ и послала въ Варшаву Барона Игельстрома, »для принятія главнаго начальства надъ Россійскими войсками, расположенными въ Польшѣ.« Русскій Генералъ носилъ вмѣстѣ съ званіемъ Главнокомандовавшаго и званіе Посла. Лестно было для Игельстрома это назначеніе и вмѣстѣ затруднительно:

разгоряченные умы Поляковъ, безпокойный нравъ ихъ — все предвѣщало грозу, которую трудно было удалить съ малыми силами.

Игельстромъ поспѣшилъ исправить недосмотръ своего предшественника: 10 Января 1794 года Король Польскій съ согласія Непремѣннаго совѣта (rady nieustajacey) издалъ универсалъ, которымъ возобновлялись всѣ постановленія Торговичской конфедераціи и уничтожался знакъ отличія 1791 года. Этотъ актъ, навѣрное, заслужитъ полное вниманіе всякаго. Вотъ онъ слово въ слово: »Среди прискорбія, произшедшаго отъ объявленія о неудовольствіи Императрицы Всероссійской, Мы Король съ согласія въ помощь къ Намъ присоединеннаго Непремѣннаго совѣта, ни мало не сомнѣваемся предъ глазами нашей націи, и цѣлаго свѣта, избрать и принять такія мѣры, которыя очевидно удостовѣрить могутъ, что Польша будучи вѣрна своему трактату, на коемъ основывается ея дальнѣйшее благоденствіе, и отъ коего зависитъ вся ея надежда, не имѣ-

ешъ и не можешъ имѣшь ни какихъ другихъ намѣреній, кромѣ шѣхъ, чшобъ заслужишь посшоянную дружбу и благоволеніе сея Великія Монархини и своея союзницы. Мы навлекли бы на себя горькія жалобы цѣлой націи, если бы шошчасъ не оmвращили несчасшныхъ слѣдсшвій, не избѣжно могущихъ посшигнушь цѣлое Государсшво, коль скоро бы (Боже сохрани) пошеряли, или нарушили дружбу Великія Екашерины въ печальнѣйшихъ обсшояшельсшвахъ нашего ошечесшва. Въ залогъ досшовѣрносши нашего увѣренія о Нашей и всего Польскаго народа безпредѣльной довѣренносши къ Ея Импершорскому Величесшву Мы ушверждаемъ слѣдующее: положеніе прошедшаго Сейма въ Грондѣ, кошорымъ позволено носишь военные кресшы и медали, должно почишашь за вкравшееся между шолпою проэкшовъ, кошорыхъ множесшво въ ночное время, и почши въ послѣднія минушы приближавшагося къ концу Сейма ослабило внимашельносшь его членовъ, и не допусшило ихъ хорошо проникнушь въ сію новосшь, прошивную

обстоятельствамъ и купно всеобщему образу мыслей. Почему ни кто, дѣйствительно ли состоящій въ военной службѣ, или уже изъ нея вышедшій, да не дерзаетъ носить крестовъ, либо медалей, подъ строжайшими и уголовными наказаніями; но всѣ такіе знаки, съ полученными на нихъ дипломами, должны быть возвращены къ Намъ не укоснительно. Директоръ земской канцеляріи въ Гроднѣ долженъ такъ же опредѣленіе прошедшаго Сейма, подъ заглавіемъ *военные знаки почестей,* позволяющее носить военные кресты и медали, тотчасъ прислать къ Намъ, не дѣлая напередъ ни кому изъ него экстракта. Равномѣрно и Нашимъ Министрамъ при чужестранныхъ Дворахъ напомянуть должно, чтобъ они прилежно наблюдали, дабы ни кто не носилъ и не употреблялъ сихъ крестовъ и медалей при Дворахъ, гдѣ они находятся.[89] Какъ Мы притомъ удостовѣрены, что Сеймъ при уничтоженіи опредѣленій, или времянныхъ рѣшеній Торговичской конфедераціи, не принялъ на разсмотрѣніе того, что принадлежитъ за-

конной власти Правительства, особо подкрѣпленной защитою Всепресвѣтлѣйшей Императрицы, прежде нежели вообще получилъ полное о томъ свѣденіе. Между тѣмъ Мы тѣ опредѣленія, которыя по настоянію Литовскаго Инсигнатора, Войлиловича, представлены и уничтожены, не только не уничтожаемъ, но паче во всѣхъ актахъ, гдѣ онѣ внесены, во всей силѣ ихъ возстановляемъ и удерживаемъ, и сіе дѣлаемъ въ доказательство такъ принятыхъ оною конфедераціею средствъ, что притомъ ихъ дѣяній цѣлію на то время была истинная польза Государства. На сей конецъ Мы нарядимъ двухъ прежнихъ совѣтниковъ Торговичской конфедераціи, чтобъ они удостовѣрились въ исполненіи учиненнаго Нами въ семъ дѣлѣ рѣшенія. Однакожъ чрезъ сіе расположеніе, ни мало не отъемлется Наше уваженіе, каковаго требуетъ принадлежащая прошедшему Сейму законодательная власть. Сверхъ того Мы также положили отправить посольство ко Всепресвѣтлѣйшей Императрицѣ Всероссійской, кото-

рое Нашимъ и всей націи именемъ у Престола сея Великія Монархини должно изобразить крайнюю скорбь нашу, что о непремѣнныхъ расположеніяхъ, соединенныхъ съ достовѣрнѣйшимъ упованіемъ на великодушіе и покровительство Великія Екатерины, могло хотя на единую минуту возбуждено быть не благопріятное мнѣніе, которое было бы величайшимъ для Польши несчастіемъ.°° Наконецъ Мы уповаемъ, что нація не только отдастъ Намъ должную справедливость, но даже всякій сынъ отечества, благоденствіе его со всѣми отношеніями полагающій на вѣсахъ здраваго разсудка, признаетъ, что въ принятыхъ нами сихъ мѣрахъ господствуетъ единственно попеченіе о всеобщемъ благѣ, коего сохраненіе нація ввѣрила Исполнительной власти.«

Однако этотъ универсалъ не могъ пресѣчь заразы, давно терзавшей Польшу. Безсильная состязаться на полѣ брани, она кипѣла мщеніемъ, »Патріоты« нашли въ Косцюшкѣ человѣка, способнаго управлять возмущеніемъ... Говорятъ, что

Игельстромъ зналъ о заговорахъ, которые готовились въ Польшѣ, писалъ къ Графу П. А. Зубову, бывшему тогда Фельцейхмейстеромъ, »что готовится революція« просилъ объ увеличеніи арміи; но нарочные попадались большею частію въ руки заговорщиковъ, а возвращавшіеся въ Варшаву будто бы привозили Игельстрому замѣчанія: »что онъ напрасно робѣетъ, что революціи быть не можетъ; конфедерація же если и откроется, то произведетъ взаимную распрю между Поляками, не долженствующую имѣть вліянія на наши войска.«[91]

Между тѣмъ Косцюшко, Колонтай, Заіончикъ и Игнатій Потоцкій увеличивали число своихъ сообщниковъ, раздували пламя мятежа. 13 Марта обнаружился бунтъ въ Краковѣ, подъ начальствомъ Мадалинскаго, по случаю редукціи Польскихъ войскъ. Въ Варшавѣ банкиръ Капустасъ, Макрановскій, Добрскій и Гауманъ, положили, къ вѣчному безславію Польши, быть въ разныхъ мѣстахъ »Сицилійскимъ вечернямъ« въ одинъ день и часъ—6 Апрѣля. Это число

приходилось въ четвергъ Страстной недѣли; и тогда, какъ во всѣхъ концахъ Христіанскаго міра смирялись и благоговѣли въ храмахъ, Поляки исчисляли свои жертвы. Едва показалась заря, раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ у арсенала—въ домахъ и на улицахъ Варшавскихъ полилась кровь Русская.... Тоже совершилось и въ Краковѣ, Вильнѣ, Хельмѣ и Люблинѣ. Игельстромъ съ тремя стами воиновъ проложилъ себѣ дорогу сквозь многочисленныя толпы мятежниковъ. »Счастливъ этотъ старикъ« сказала Екатерина получивъ увѣдомленіе о Варшавскихъ произшествіяхъ, »дорого бы онъ заплатилъ Мнѣ, если бы не имѣлъ за себя ходатаями прежнихъ усердныхъ своихъ заслугъ.« [92]

Косцюшкѣ было вручено диктаторство. Возстановя конституцію 3 Мая 1791 года, онъ лишилъ власти Короля и и учредилъ Верховный временный совѣтъ изъ 8 членовъ. Косцюшко забунтовалъ съ горстью мятежниковъ, но число ихъ быстро возрастало. Изверги, губившіе Польшу, кричали »умремъ за Отечество!«

Надъ Польшею собиралась грозная туча: Прусскія войска взяли Краковъ и самъ Король Фридрихъ Вильгельмъ, лично начальствуя пятидесятитысячною арміею и корпусомъ нашихъ войскъ, вввѣренныхъ Ферзену, подступилъ къ Варшавѣ. Австрія ввела семнадцать тысячь въ Брестъ и въ Дубно. Король Прусскій 27 Іюля взялъ Волю, подъ Варшавою, но получа извѣстіе о возмущеніи въ своихъ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отступилъ къ Радому и Гурѣ, а Ферзенъ переправился за Вислу.

Неудачное покушеніе Пруссаковъ на Варшаву, возродило новыя надежды въ мятежникахъ. Но »паденіе Польши, какъ говоритъ Сегюръ, было написано въ книгѣ судебъ.« Поляковъ спасти могъ одинъ только человѣкъ, и судьба его рѣшила ихъ общую участь. Косцюшко былъ взятъ въ плѣнъ Ферзеномъ, въ сраженіи при Мацевичахъ (10 Октября). Послѣ Косцюшки начальство надъ Польскими войсками принялъ Варжевскій. Къ Русскимъ прилетѣлъ Суворовъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1794 года Суворовъ былъ еще на Крымской границѣ. Но получивъ повелѣніе Императрицы »усмирить Поляковъ« онъ въ три недѣли прошелъ съ пятнадцатитысячнымъ корпусомъ отъ Днѣстра до Вислы, при мѣстечкѣ Кобылки соединилъ всѣ отдѣльные отряды, бывшіе въ Польшѣ и давъ два дня на отдыхъ солдатамъ, возвѣстилъ штурмъ Праги. Онъ пошелъ туда съ 25,000 человѣкъ и 29 пушками. Въ Прагѣ было болѣе 100,000 войска и на баттареяхъ 104 пушки. Но великій полководецъ Екатерины Великой—взглянулъ и побѣдилъ. 4 Ноября Суворовъ увѣдомилъ Императрицу о взятіи Праги донесеніемъ въ двухъ словахъ: *»Ура Прага!«*

»Браво, Фельдмаршалъ!« отвѣчала Екатерина.[93]

Чрезъ три дня сдалась на капитуляцію и Варшава. Суворовъ назначилъ въ нее Коммендантомъ Генерала Буксгевдена, оставивъ ему 10,000 войска, а съ остальными возвратился въ Россію. Спокойствіе водворилось въ Польшѣ.

7 Января 1796 года Король Станиславъ, по приглашенію Императрицы Екатерины, отправился съ небольшою свитою изъ Варшавы въ Гродно, гдѣ должна была окончательно рѣшиться судьба Польши. Графъ Буксгевденъ распустилъ Королевскую армію и объявилъ посламъ и резидентамъ иностранныхъ Державъ, что въ Варшавѣ »нѣтъ никакого Двора, а потому и ни какое посольство не можетъ имѣть тамъ мѣста.« Король Польскій объявилъ въ тоже время о своемъ желаніи сложить корону.

И, между тѣмъ, какъ въ Гродно собирался Сеймъ, Герцогъ Курляндскій Петръ предсталъ на аудіенцію (12 Февраля) предъ Екатериною и торжественно отвергнулъ зависимость Курляндіи отъ Польши, признанную Кетлеромъ въ 1561 году. Вслѣдъ за тѣмъ явились Депутаты отъ Благороднаго Рыцарства и Земства и предложили Курляндію, Семигалію и Пильтенскій округъ въ вѣчное подданство Россіи. Апрѣля 15, 1795 года Императрица возвѣстила манифестомъ о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи принять подъ Свое

высокое и надежное покровительство прежнихъ вассаловъ Польши.

Императрица приняла на себя всѣ долги Герцога, опредѣлила ему 25,000 червонцевъ ежегодной пенсіи и заплатила 500,000 червонцевъ за его помѣстья въ Курляндіи.[94]

Сеймъ въ Гроднѣ продолжался болѣе девяти мѣсяцевъ. Король и благоразумнѣйшіе представители народа видѣли ясно, что упорство не поведетъ ни къ чему и предлагали о скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Но строптивые демагоги, затрудняя рѣшительныя совѣщанія разными мелочами, казалось, будто все еще надѣялись продлить независимость Польши. Между тѣмъ оба Императорскіе Двора объявили уже провизуарнымъ образомъ пріобрѣтенія, ими себѣ назначенныя, а въ послѣдствіи заключили конвенцію вмѣстѣ съ Пруссіею, объ окончательномъ раздѣлѣ Польскихъ провинцій. О противорѣчіи Сейма не думали: Полякамъ оставалось только исполнить обрядъ подписанія договора самимъ себѣ.« Наконецъ, 25 Ноября 1795 года Король

Станиславъ Августъ подписалъ — отреченіе отъ Польской короны, а 14 Декабря того же года Императрица объявила Манифестомъ о присоединеніи къ Россіи древняго ея достоянія—Литвы."

Россія получила на свою часть воеводства Виленское, Гродненское, Самогитское, Новогрудское, Хельмское и остальную часть Волынскаго. Всего 2080 квадратныхъ миль съ 1,176,590 человѣкъ жителей.

Австрія, не участвовавшая во второмъ раздѣлѣ, получила Краковъ, Величку, остальную часть Галиціи, Сендомиржское воеводство, Люблинъ и части Подляхіи и Мазовіи, всего 834 квадратн. мили съ 1,037,732 челов. жителей.

Пруссіи достались: Варшава, Бѣлостокъ, Данцигъ, Торунь, воеводство Августовское, часть Краковскаго округа на Югѣ, часть Мазовіи, Равы, Плоцка и Троковъ, всего 997 квадратн. миль съ 939,297 человѣкъ жителей.

Союзники опредѣлили Королю ежегодной пенсіи по 200,000 червонцевъ и приняли на себя всѣ долги его и Республи-

ки, простиравшіеся до сорока милліоновъ злотыхъ. Притомъ обязались давать каждому сыну Курфирста Саксонскаго ежегодно по 8000 червонцевъ и назначили знатнѣйшимъ Польскимъ фамиліямъ пять лѣтъ на продажу имѣній и избраніе для себя подданства одной изъ трехъ Державъ.

Такъ кончилось политическое существованіе Польши. Станиславъ Понятовскій изъ рукъ Императрицы Всероссійской получилъ вѣнецъ Королевскій; въ Ея руки и возвратилъ его! Повелительница Сѣвера раздѣлила съ другими земли—не дѣливъ ни съ кѣмъ своей власти. Быть можетъ Она возвратила бы и самыя уступки свои. . . . но воля Всемогущаго пресѣкла дни Великой Монархини.

КНИГА XIV.

ВНУТРЕННІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

КНИГА XXIV.

ГЛАВА XLVI.

НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА. АКАДЕМІЯ РОССІЙСКАЯ. ГРАМОТА ДВОРЯНСТВУ И ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Народное образованіе было предметомъ постоянныхъ попеченій Императрицы Екатерины II во все время Ея царствованія. О воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ говорено было во второй части нашего сочиненія; но такія заведенія при всей своей благотвори-

тельности не много могли способствовать не только распространенію просвѣщенія во всей массѣ народонаселенія Имперіи; но даже и въ тѣхъ классахъ народа, которые должны давать изъ среды себя просвѣщенныхъ дѣйствователей на всѣ поприща отечественной службы. Двѣ цѣли были въ виду при учрежденіи воспитательныхъ заведеній въ Россіи; первая состояла въ томъ: »чтобы бѣдныхъ, но неповинныхъ младенцевъ отъ пагубы, и не милосердныхъ убійцъ отъ смертнаго избавить грѣха, и такихъ людей обществу полезными сдѣлать, кои были въ тягость оному своими пороками и своею жизнію.« А какъ »корень всему злу и добру воспитаніе;« то другая цѣль воспитательныхъ заведеній была та, чтобы »произвести сперва способомъ воспитанія новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ

дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущія вѣки.«[96] Замѣчанія—о томъ, были ли и въ какой степени достигнуты и эти цѣли воспитательныхъ заведеній, займутъ мѣсто въ пятой части Исторіи; здѣсь скажемъ только, что взглядъ на средства къ распространенію умственнаго образованія въ Россіи измѣнился почти при самомъ учрежденіи этого рода училищъ, которыя предполагалось заводить во всѣхъ губерніяхъ.

Мы говорили также, что прежде еще учрежденія воспитательныхъ заведеній въ Россіи существовали Академія Наукъ, Академія Художествъ, Университетъ въ Москвѣ и нѣсколько специальныхъ училищъ, (Шляхетный Кадетскій корпусъ или Офицерское училище, Морской Кадетскій корпусъ); но всѣ эти заведенія, приносившія безъ сомнѣнія благодѣтельныя плоды Отечеству, не могли безъ элементарныхъ школъ оказать тѣхъ услугъ въ дѣлѣ общаго просвѣщенія, которыя были необходимы для России.

Неоспоримо, что ни въ одномъ Государствѣ не были столько наблюдаемы Вѣнценосцами разсадники просвѣщенія, нигдѣ не прилагается объ нихъ столько попеченій, какъ въ нашемъ Отечествѣ; но мысль о заведеніи народныхъ школъ въ Россіи обнародована была не прежде 1775 года. При изданіи »Учрежденія для управленія губерній« Императрица Екатерина предназначила Приказамъ Общественнаго Призрѣнія въ числѣ другихъ обязанностей »попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ по всѣмъ городамъ, а потомъ въ многолюдныхъ селеніяхъ (которыя подсудны Верхней Расправѣ) для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ.« Въ этихъ школахъ предполагалось учить »неимущихъ безъ платежа, а имущихъ за умѣренную плату« читать и писать по Русски, рисовать, Ариѳметикѣ и Закону Божію. »Ученіе производиться« должно было »всякой день, выключая Воскресенья и Табельные дни, не болѣе двухъ часовъ сряду по

утру, до двухъ часовъ сряду послѣ обѣда для однихъ дѣтей одной наукѣ; по средамъ же и субботамъ послѣ обѣда— отдохновеніе.«[97]

Прошло семь лѣтъ со времени изданія »Учрежденія о губерніяхъ« — Приказы Общественнаго Призрѣнія или не имѣли средствъ исполнить предначертаніе Екатерины Великой или не могли по другимъ причинамъ достигнуть предположенной цѣли — и въ 1782 году Сентября 7 Императрица повелѣла, »для народныхъ школъ учредить особую Коммисію.« Этой Коммисіи, находившейся подъ собственнымъ вѣденіемъ Государыни, поручено было »сочиненіе плана ученіямъ, свойственнымъ народнымъ школамъ и начертаніе способа ученія съ изданіемъ учебныхъ книгъ, дабы въ томъ совершенное единообразіе наблюдаемо и средства самыя удобнѣйшія изобрѣтены были.«

Дѣйствія Коммиссіи Училищь были успѣшны: въ 1783 году было открыто въ Санктпетербургѣ »Главное Народное училище, состоявшее изъ четырехъ клас-

совъ, изъ которыхъ въ высшемъ или четвертомъ — должны были приготовляться молодые люди для занятія учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ. Императрица Екатерина посѣтила въ 1785 году новооткрытое Главное Училище и »видѣвъ съ особливымъ удовольствіемъ успѣхи и пользу отъ трудовъ Коммисіи объ учрежденіи училищь происходящія« повелѣла (Указомъ отъ 29 Января 1786) Коммисіи »приступить къ сочиненію плана Университетамъ и Гимназіямъ,« и (Указомъ 1788 Ноября 3) открыть главныя народныя училища въ тогдашнихъ губерніяхъ Выборгской, Ревельской, Рижской, Полоцкой, Мстиславской, Новгородъ - Сѣверской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Кавказской, Уфимской, Колыванской, Тобольской и Иркутской.

Но прежде еще предписанія о сочиненіи плана Университетамъ и Гимназіямъ, Императрица соизволила утвердить въ 1783 году Сентября 30 докладъ тогдашняго Директора Академіи Наукъ Княгини Екатерины Романовны Дашковой

»объ учрежденіи Императорской Россійской Академіи« имѣвшей цѣлію заботиться о совершенствованіи и обработкѣ отечественнаго языка. Вслѣдъ за утвержденіемъ доклада, была открыта (21 Октября) и Академія. Княгиня Е. Р. Дашкова назначена была ея президентомъ.

Такъ положено было основаніе первоначальному умственному образованію въ нашемъ отечествѣ. По какому-то неизъяснимому стеченію обстоятельствъ первая, низшая ступень лѣствицы къ храму просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ построена была пятдесятъ восемь лѣтъ спустя послѣ высшей или послѣдней.

Какую услугу оказали, или успѣли ли оказать, Россіи народныя училища въ царствованіе Императрицы Екатерины? Въ отвѣтъ на это приведемъ слова знаменитаго въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія мужа, И. И. Бецкаго »преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу воспитаніе есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза вся остается потомству.«

Заключимъ наши слабые очерки великихъ дѣяній Екатерины II, и событій славнаго Ея царствованія нѣсколькими словами о правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ Императрицею Русскому Дворянству и жителямъ городовъ Россійской Имперіи.

Въ 1785 году, Апрѣля 21 дня Императрица соизволила пожаловать Россійскому благородному Дворянству грамоту »въ награду заслугъ, ревности, усердія и непоколебимой вѣрности Самодержцамъ Всероссійскимъ« оказанныхъ этимъ сословіемъ »какъ на войнѣ такъ и посреди мира.« Жалованною грамотою дарованы »въ память родовъ на вѣчныя времена« тѣ права и преимущества Русскаго Дворянства, которыя отличаютъ это сословіе отъ прочихъ классовъ народа, поставляя на высшую степень подданныхъ въ государствѣ, заставляютъ дорожить названіемъ Дворянина и уважать это названіе.

Вмѣстѣ съ »жалованною грамотою Дворянству« Императрица повелѣла обнародовать »городовое положеніе,« кото-

рымъ опредѣлены, подтверждены и дарованы вновь права и преимущества городамъ Имперіи и городскимъ жителямъ, или среднему состоянію, которое названо—мѣщанствомъ.

Содержаніе, какъ »грамоты Дворянству такъ и городоваго положенія, сущность и основаніе которыхъ неизмѣняемо сохранилось до сихъ поръ, столько всѣмъ извѣстны, что излишне было бы здѣсь объ немъ распространяться. Скажемъ только, что мудрость этихъ узаконеній оправданная послѣдствіями, утвердила и возвысила благосостояніе Русскаго народа и возбудила непритворное удивленіе въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы къ доблестямъ Екатерины Великой.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *См.* въ Oeuvres posthumes de Frédéric II, *Memoires de 1775 jusqu'a 1778*. Berlin, 1788. T. V, p. 195.

2. *См. Побѣды Суворова-Рымникскаго, часть 2. Москва. 1815.*

3. Мы помѣщаемъ здѣсь это любопытное письмо: »Всемилостивѣйшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы Вашей, не щадилъ ее отнюдь гдѣ только былъ случай къ прославленію Высочайшаго Имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало Вашего Императорскаго Величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ дѣйствующую армію камандиромъ отдѣльныхъ и къ непріятелю близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному всевозможнаго вреда: въ чемъ ссылаюсь на командующаго арміею и на самихъ Турковъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистію къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили лишніе знаки Высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсьли я въ мысляхъ Вашего Величества меньше прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ В. И. В. просить, ежели служба моя достойна вашего благоволенія и когда щедрота и Высокомонаршая милость ко

мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ Генералъ-Адъютанты Вашего Императорскаго Величества. Сіе не будетъ ни кому въ обиду, а я сочту за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что находясь подъ особливымъ покровительствомъ В. И. В. удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ ко службѣ В. И. В. и Отечества. *См. Словарь достопам. людей Русской земли, т. 4.*

4. Потемкинъ Графское достоинство получилъ отъ Императрицы Екатерины, а Княжеское, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго, отъ Римскаго Императора.

5. *См. побѣды Суворова. Москва 1815. Часть 1.*

6. Тамъ же.

7. Тамъ же.

8. Шагинъ-Гирей жилъ въ Петербургѣ и получалъ пенсію отъ Императрицы; но соскучась, отправился въ Турцію и былъ тамъ удавленъ по приказанію Султана.

9. Oeuvres post. de Frédéric II, Mem. de 1775 jusqu'a 1778.

10. Война открылась 19 Апрѣля 1775. года сраженіемъ при Лексингтонѣ. Инсургенты остались побѣдителями. Англичане думали усмирить Американскихъ колонистовъ съ малыми силами, посылали за Океанъ, сначала, по нѣскольку полковъ и тѣмъ дали инсургентамъ средства усилиться.

11. Уполномоченнымъ на Тешенскомъ конгрессѣ со стороны Россіи былъ Князь Н. В. Репнинъ.

12. Переговоры о мирѣ съ Америкою открылись въ Версалѣ и прелиминаріи были подписаны Англіею съ Соединенными Штатами 20 Нояб. 1782; съ Франціею и Испаніею 20 Января 1783. Дифинитивный миръ между Англіею, Штатами, Франціею и Испаніею подписанъ 3 Сентября.

13. Поводомъ къ объявленію »вооруженнаго нейтралитета« было взятіе Испанцами въ плѣнъ двухъ кораблей подъ Россійскимъ флагомъ. Впрочемъ Авторъ сочиненія »*Memoires ou precis historiques sur la Neutralité armée et son origine*« Comte de Goertz, бывшій Прусскимъ посломъ при Россійскомъ Дворѣ полагаетъ, что плѣненіе Испанцами нашихъ кораблей послужило только *предлогомъ* къ первому объявленію вооруженнаго нейтралитета; но что истиннымъ побужденіемъ къ этому было желаніе Графа Панина, препятствовать успѣхамъ (?) Англійскаго Посла въ Санктпетербургѣ, кавалера Гарриса.

14. Подробное описаніе путешествія Императрицы Екатерины II, издано въ С. П. 1786 года и помѣщено въ соч. Г. Колотова подъ заглавіемъ: Дѣянія Императрицы Екатерины II. С. П. Б. 1811. Т. III.

15. Вспомоществованія духовенству и бѣднымъ Императрица жаловала почти во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проѣзжала.

16. Заимствовано изъ 3-й части соч. Г. Колотова.

17. Оттуда же.

18. Великіе Князья Александръ Павловичь и Константинъ Павловичь встрѣтили Императрицу въ селѣ Знаменскомъ.

19. Заимствовано изъ Соч. Г. Колотова.

20. Ueber die Einsamkeit, по случаю выхода этой книги Императрица вступила въ переписку съ Циммерманомъ.

21. Польскіе Короли не могли переѣзжать границы Королевства; а потому свиданіе происходило на самой границѣ.

22. Описаніе посѣщенія Россіи Іосифомъ II тоже находится въ соч. Г. Колотова; во 2-й части.

23. Царь Карталинскій и Кахетинскій Ираклій вступилъ подъ покровительство Россіи въ 1783 году. Къ Императрицѣ Екатеринѣ присланы были отъ него уполномоченными Князья Иванъ Константиновичь Багратіонъ и Герсеванъ Чавлавадзевъ съ просьбою »о принятіи Царя со всѣми его преемниками и наслѣдниками и со всѣми его царствами и областями въ Монаршее покровительство Ея Величества и Ея Высокихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, съ признаніемъ верховной власти Императоровъ Всероссійскихъ надъ Царями Карталинскими и Кахетинскими.« Договоръ съ Царемъ Иракліемъ заключенъ былъ въ томъ же году Іюня 18. Уполномоченнымъ со стороны Россіи назначенъ былъ Князь Потемкинъ Таврическій, поручившій трактовать съ Багратіономъ и Чавлавадзевымъ Генералъ-Поручику Павлу Потемкину.

24. Яковъ Ивановичь Булгаковъ содержался въ замкѣ двадцать семь мѣсяцевъ. Не смотря на строгость надзора, онъ находилъ однакоже средства писать къ Потемкину, къ Графу Безбородкѣ и даже къ самой Императрицѣ. Не рѣдко случалось, что Князь Таврическій, во время осады Очакова, получалъ отъ Булгакова изъ тюрьмы увѣдомленія о скрытнѣйшихъ

намѣреніяхъ Верховнаго Визиря. Французскій посолъ Шуазель-Гуфье, тайно противоборствуя Якову Ивановичу, предложилъ ему свое посредство для освобожденія его изъ темницы; на это Булгаковъ отвѣчалъ Ему: »что представитель Екатерины, Русскій Посланникъ, ни какому стороннему посредству нехочетъ ни чѣмъ быть обязанъ и что онъ за личную свою безопасность не пожертвуетъ честію Престола и Отечества.« Шуазель-Гуфье, прикрывая замыслы свои личиною сострадангія, соболѣзновалъ о заточеніи Булгакова и въ то же время совѣтовалъ Верховному Визирю какимъ образомъ Турки должны выручить изъ осады Очаковъ, завладѣть Русскими баттареями, напасть на Кинбурнъ, запереть Русскій флотъ въ Севастополѣ, не мириться съ Русскими и проч. Наставленіе Шуазеля, на Турецкомъ языкѣ, не миновало рукъ Булгакова: онъ препроводилъ эту бумагу къ Потемкину. Булгаковъ много терпѣлъ въ заточеніи: когда распространялись слухи о нашихъ побѣдахъ, чернь не однажды собиралась передъ Семибашеннымъ замкомъ и требовала головы Русскаго Посланника.

Яковъ Ивановичъ во время своего невольнаго уединенія перевелъ на Русскій языкъ огромное сочиненіе Аббата де ла-Порта Voyageur universel, въ двадцати семи томахъ. *Дальнѣйшія подробности о пребываніи Булгакова въ Константинополѣ см. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1814 года, кн. 3. и въ Моск. Телеграфѣ 1831. Т. XXXIX.*

25. Еще во время путешествія Императрицы въ южныя губерніи Турецкіе корабли подошли къ Оча-

кову. Принцъ де Линь въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: »Императрица позволила Принцу Нассау и мнѣ съѣздить къ Очакову, чтобы узнать причину зачѣмъ Турецкіе корабли остановились въ устьѣ Днѣпра, какъ будто для воспрепятствованія нашего плаванія, еслибы Е. И. В. угодно было осмотрѣть, Кинбурнъ. Когда Императрица увидѣла положеніе этого флота на принесенной ей небольшой картѣ, то Нассау предложилъ Ей свои услуги, чтобы отдалить дерзкихъ. Императрица оттолкнула карту и улыбнулась. Я почитаю это предзнаменованіемъ войны, которая надѣюсь, скоро возгорится. Впослѣдствіи я увѣрился въ своей догадкѣ — для чего нѣсколько дней тому назадъ были призваны въ Кабинетъ Императрицы Князь Потемкинъ и нѣсколько Артиллерійскихъ и Инженерныхъ офицеровъ.«

26. Графъ Петръ Александровичъ удалился въ 1789 году въ свое помѣстьѣ близь Кіева. Тамъ въ мирномъ уединеніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, грозный побѣдитель Оттомановъ ласково бѣседовалъ съ своими поселянами, воспоминалъ въ кругу отставныхъ воиновъ о дняхъ славныхъ побѣдъ своихъ. Онъ занимался чтеніемъ, называлъ книги своими учителями и не рѣдко въ простой одеждѣ и сидя на пнѣ удилъ рыбу. Однажды любопытные посѣтители, пріѣхавшіе взглянуть на героя Кагульскаго, увидали близь моста старика удившаго рыбу и спрашивали его, гдѣ можно видѣть Фельдмаршала: »Вотъ онъ, привѣтливо отвѣчалъ старецъ-Задунайскій: »наше дѣло города полонить, да рыбку ловить.«

Въ исходѣ 1791 года дошло до Румянцова извѣстіе о смерти Таврическаго; великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ. »Чему удивляетесь вы? сказалъ онъ окружавшимъ. »Потемкинъ былъ мнѣ соперникъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а Отечество усерднѣйшаго сына.« Въ 1794 доду, во время Польской войны Императрица ввѣрила Румянцову начальство надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣстра до предѣловъ Минской Губерніи и удостоила его собственноручнымъ рескриптомъ (16 Мая) такого содержанія: »Я слышала о лучшемъ состояніи теперь здоровья вашего, обрадовалась и желаю, чтобъ оно дало вамъ новыя силы раздѣлить со Мною тягости Мои; ибо вы сами довольно знаете, сколь Отечество помнитъ васъ, содержа всегда незабвенно заслуги ваши въ сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и все войско самое любитъ васъ и сколь оно порадуется, услыша только, что обожаемый Велисарій опять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ въ свое попеченіе.«

По окончаніи Польской войны, въ 1795 году Румянцевъ награжденъ былъ похвальною грамотой и домомъ, передъ которымъ былъ воздвигнутъ памятникъ съ надписью: »побѣдамъ Графа Румянцова-Задунайскаго.« Этотъ памятникъ нынѣ находится на Васильевскомъ островѣ, между Кадетскимъ Корпусомъ и Академіею Художествъ.

27. Все это было сдѣлано для того, чтобы ободрить солдатъ, и между тѣмъ, выиграть болѣе времени.

28. Суворовъ добѣжалъ къ берегу, самъ обмылъ рану морскою водою и велѣлъ казаку перевязать ее шейнымъ платкомъ и ремнемъ съ пистолетнаго чехола.

29. *См.* Побѣды Суворова. Часть 4, стр. 187.

30. Турки потеряли въ тоже время четыре линейные корабля и два фрегата.

31. *См.* Собраніе реляцій, Москва. 1791 года. Часть 1.

32. *См.* Побѣды Суворова.

33. *См.* Собр. реляцій второй Турецкой войны.

34. *См.* тамъ же.

35. Тамъ же.

36. Тамъ же.

37. Тамъ же.

38. Тамъ же.

39. *См.* выше примѣч. 26.

40. *См.* Побѣды Суворова, часть 4.

41. Тамъ же.

42. Суворовъ провелъ всю ночь на канунѣ этого дня, на высокомъ деревѣ, съ котораго видно было три дороги.

43. За Рымникскую битву Суворовъ получилъ прозваніе Рымникскаго и былъ возведенъ Іосифомъ II въ Графское достоинство Римской Имперіи; Императрица въ тоже время пожаловала его Графомъ Россійской Имперіи.

44. *См.* Побѣды Суворова, часть 4.

45. По занятіи Молдавіи и большей части Бессарабіи, тамъ расположились почти всѣ дѣйствовавшіе наши войска и провели на кантониръ-квартирахъ зиму 1789—1790 года.

46. Іосифу II наслѣдовалъ братъ его Леопольдъ II, бывшій съ 1765 года Великимъ Герцогомъ Тасканскимъ. По кончинѣ Іосифа II Австрійскія войска получили повелѣніе прекратить наступательныя дѣйствія противъ Турокъ; и хотя вскорѣ потомъ Леопольдъ II возобновилъ и утвердилъ союзъ Австріи съ Россіею, заключенный его предшественникомъ; однако Русскіе остались одни на сценѣ войны съ Портою.

47. *См. Словарь дост. люд. Руск. земли, т. IV, стр. 212.*

48. *См. Собраніе реляцій 1791. Ч. 1.*

49. Къ Измаилу какъ сказано уже было на стр. 148, подступали Репнинъ и Гудовичь.

50. *См.* Побѣды Суворова. час. 4.

51. Тамъ же.

52. Тамъ же.

53. Тамъ же.

54. Суворову не было донесено объ этихъ перебѣтчикахъ, ушедшихъ изъ лагеря еще 10 числа. На военномъ Совѣтѣ 9 Декабря положено было идти на штурмъ въ 7 часовъ утра. Но вечеромъ наканунѣ приступа »*неизвѣстно по какой причинѣ*« Суворовъ вмѣсто 7 назначилъ 5 часовъ. Эти два часа были слишкомъ драгоцѣнны для Русской славы: Турки ожидали штурма не прежде 8 часовъ.

55. *См. Побѣды Суворова.*

56. *Тамъ же.*

57. Вотъ какъ описываетъ отъѣздъ Потемкина изъ арміи и пребываніе его въ Санктпетербургѣ Авторъ Словаря достопамятныхъ людей Русской земли, Г. Д. Бантышъ-Каменскій (часть IV: стр. 213—220).

»Потемкинъ проводилъ сіе время въ Яссахъ съ великолѣпіемъ и пышностію, ему одному свойственными; но среди различныхъ увеселеній, Князь Тавриды былъ мраченъ, задумчивъ, искалъ разсѣянія, и вездѣ уныніе, грусть преслѣдовали его. Шестнадцать лѣтъ онъ первенствовалъ въ Россіи, не страшась совмѣстниковъ: явился Зубовъ и могуществомъ своимъ пробудилъ сладостную дремоту самонадѣяннаго вельможи.« Матушка, Всемилостивѣйшая Государыня!»— писалъ тогда Потемкинъ къ Императрицѣ— »Матушка родная! При обстоятельствахъ, васъ отягощающихъ, »не оставляйте меня безъ увѣдомленія. Не ужели Вы »не знаете мѣру моей привязанности, которая особая »отъ всѣхъ? Каково слышать мнѣ со всѣхъ сторонъ »нелѣпыя новости и не знать: вѣрить-ли, или нѣтъ? »Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ »несказанную слабость. Лишась сна и пищи, я хуже »младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Ѣхать въ Хер»сонъ сколь ни нужно, не могу двинуться. Ежели моя »жизнь чего нибудь стбитъ; то въ подобныхъ об»стоятельствахъ скажите только, что вы здоровы и »проч.« Онъ отправился въ С. Петербургъ, въ Февралѣ, 1791 года, былъ принятъ съ отличнымъ уваже-

ніемъ Императрицею, получилъ отъ нея въ подарокъ дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Таврическаго*: платье, украшенное алмазами и дорогими каменьями, въ двѣсти тысячь рублей. Всѣ продолжали раболѣпствовать передъ Потемкинымъ и со всѣмъ тѣмъ глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями, ласками; былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собою; жаловался приближеннымъ на боль зуба, говорилъ: *что выѣдетъ изъ С. Петербурга тогда только, какъ выдернетъ оный* и, предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, устроивалъ въ своемъ дворцѣ блистательный праздникъ для Екатерины. Особливаго вниманія заслуживали двѣ огромныя залы, отдѣленныя одна отъ другой восемнадцатью колоннами. Первая изъ нихъ назначена была для танцевъ: колоссальные столбы въ два ряда окружали оную; между ими находились ложи, убранныя гирляндами и внутри богатыми штофами; на сводѣ висѣли огромные шары, служившіе вмѣсто люстръ; блескъ ихъ отражался въ безчисленныхъ зеркалахъ; вазы Каррарскаго мрамора необыкновенной величины, и печи изъ лазуреваго камня украшали сію залу. Въ другой находился зимній садъ, наполненный лавровыми, померанцовыми и миртовыми деревьями: песчаныя излучистыя дорожки, зеленые холмы и прозрачные водоемы, въ которыхъ рѣзвились золотыя и сребристыя рыбы; пріятный запахъ растеній; восхитительное пѣніе птицъ; гротъ, убраный зеркалами съ мраморною купальнею внутри; возвышавшійся на ступеняхъ сквозный алтарь, съ восьмью колоннами, поддерживающими сводъ онаго; яшмовыя чаши, лампады, вѣнки и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшавшія оный; поставленная

среди колоннъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью: *Матери отечества и мнѣ премилосердой,* статуя Императрицы изъ Пароскаго мрамора; лабиринтъ, окружавшій алтарь съ жертвенниками благодарности и усердія, истуканами славныхъ мужей Древности, драгоцѣнными сосудами, и на зеленомъ лугу высокая пирамида, обдѣланная въ злато, съ гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ прозрачныхъ каменьевъ, съ лучезарнымъ именемъ Екатерины: все это напоминало о волшебныхъ замкахъ, изумляя взоры прелестнымъ соединеніемъ разныхъ климатовъ и временъ года. На сей праздникъ были приглашены Княземъ Таврическимъ три тысячи особъ обоего пола. Всѣ были въ маскарадныхъ плащахъ. Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и богатой длинной епанчѣ изъ черныхъ кружевъ. Одежда его блистала драгоцѣнными каменьями, а на шляпѣ было ихъ столько, что одинъ Адъютантъ несъ оную. Послѣ шести часовъ прибылъ туда Дворъ. Когда карета Императрицы подъѣхала къ крыльцу, раздалось въ воздухѣ *ура!* загремѣли трубы на амфитеатрѣ, построенномъ противъ Дворца, и начался народный праздникъ. Потемкинъ и всѣ гости его встрѣтили Государыню съ знаками глубочайшаго почтенія и преданности. Вступивъ въ залу, Екатерина взошла на приготовленное для нея мѣсто, окруженное прозрачными картинами и надписями. Все собраніе разсѣялось подъ колоннами и въ ложахъ. Торжественные звуки музыки вокальной и инструментальной разнеслись подъ сводами залы. Двадцать четыре пары знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ начали танцовать балетъ, изобрѣтенный самимъ

хозяиномъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи, своимъ участіемъ придали болѣе блеска сей прелестной труппѣ. Танцовавшіе были въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ бриліантами на десять миліоновъ рублей. Въ концѣ балета явился славный Пикъ. Императрица удалилась потомъ въ другую залу, гдѣ богатые ковры и гобелины обратили вниманіе посѣтителей. Въ ближней комнатѣ стоялъ искуственный золотой слонъ, на которомъ висѣли жемчужныя бахрамы и было множество алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Онъ ворочалъ хоботомъ и сидѣвшій на немъ Персіянинъ, великолѣпно одѣтый, ударилъ въ колоколъ. Тогда Потемкинъ повелъ высокихъ своихъ посѣтителей и прочихъ гостей въ театръ. Занавѣсъ поднялся: явилось лучезарное солнце, въ срединѣ котораго въ зеленыхъ лаврахъ сіяло вензловое имя Екатерины II-й. Поселяне и поселянки, воздѣвая руки къ благотворному свѣтилу, показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. За симъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, между которыми не было однакожъ ни одного Русскаго. Изъ театра собраніе возвратилось въ большую залу и зимній садъ: сто тысячъ лампъ освѣщали внутренность дома. Карнизы, окна, простѣнки усыпаны были кристальными шарами, наполненными воскомъ. Огромныя люстры и фонари умножали блескъ. Все, казалось пылало въ огнѣ. Вездѣ сверкали яркія звѣзды или прекрасныя радуги изъ рубиновъ, изумрудовъ, яхонтовъ и топазовъ. Безчисленныя зеркала и хрустальныя пирамиды отражали сіе волшебное зрѣлище.« *Ужели мы*

Екатерина изъявила признательность свою Потемкину, который съ благоговѣніемъ палъ на колѣна передъ нею, схватилъ ея руку, оросилъ оную слезами, нѣсколько минутъ держалъ съ особливымъ душевнымъ умиленіемъ.... Такъ удивлялъ Потемкинъ своимъ великолѣпіемъ жителей береговъ Невы; между тѣмъ берега Дуная обагрялись кровію Христіанъ и Оттомановъ. Онъ откладывалъ отъѣздъ въ армію, къ торжеству своихъ враговъ, жертвовалъ славою своею и безъ пользы терялъ только время.«

58 *См. Собраніе реляцій. 1791. Ч. 1.*

59. *Тамъ-же.*

60. *Тамъ же.*

61. Императрица писала къ доктору Циммерману, (отъ 26 Янв. 1791) по поводу домогательствъ и даже угрозъ нѣкоторыхъ державъ, заботившихся о скорѣйшемъ прекращеніи Турецкой войны: »Богъ видитъ, что я не хитрю и что намѣренія мои не злы и не низки. Увѣряю также, что никакая сила человѣческая не принудитъ меня сдѣлать что либо противное пользамъ моей Имперіи и не сообразное достоинству Короны, которую ношу, а впрочемъ, что Богу угодно..«

Для переговоровъ о мирѣ съ Турками присланъ былъ сначала Фавкнеръ, Секретарь тайнаго совѣта и возвратился назадъ безъ успѣха. Потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ — съ рѣшительнымъ предложеніемъ — Лордъ Витвордъ; но и его посольство не было удачнѣе перваго. Въ концѣ аудіенціи Екатерина сказала

шею фамиліей уѣхала въ одиннадцать часовъ. Никто не помнилъ, чтобы Она пробыла гдѣ нибудь на балѣ такъ долго. Казалось, Екатерина удаленіемъ своимъ боялась нарушить блаженство хозяина. Когда Она выходила уже изъ залы, вдругъ раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, низшедшее съ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными стеклянными сосудами, озаренными яркимъ огнемъ. Всѣ безмолвствовали и внимали пріятной гармоніи:

Царство здѣсь удовольствій;
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ,
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣть,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ.

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты.

q. a. b., кромѣ крѣпости Орсовы, уступленной Австріи (срытою). 2) Хотинъ остается до заключенія мира съ Россіею во владѣніи Австріи.

63. Письмо къ Принцу де Линь отъ 6 Ноября 1790.

64. *См. Словарь дост. люд. Русск. земли томъ IV, стр. 303.*

65. Въ день мирнаго торжества съ Оттоманскою Портою, (1793) Императрица Екатерина повелѣла »въ память Потемкина заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ тогожъ города помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль.« Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склепу, обитомъ чернымъ бархатомъ и находящемся подъ олтаремъ Соборной Церкви воздвигнутаго имъ Херсона. Входъ въ этотъ склепъ былъ задѣланъ въ Государствованіе Императора Павла I. Увѣряютъ, будто и остатки Потемкина оттуда перенесены были въ другое мѣсто. *Слов. дост. люд. Р. З. Томъ IV. стр. 222.*

Нынѣ Потемкину-Таврическому воздвигнутъ памятникъ.

66. Во исполненіе X статьи договора взаимно отправлены были въ 1793 г. отъ обѣихъ державъ чрезвычайныя посольства. Изъ Россіи поѣхалъ Генералъ-Поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ. Отъ Порты при-

сланъ былъ Мустафа - Паша бейлербей Румелійскій. Послы встрѣтились на Днѣстрѣ, при Дубоссарахъ, Іюня 4. Они должны были въ одинъ и тотъ же день прибыть, одинъ въ Петербургъ, другой въ Константинополь. Празднованіе мира въ Петербургѣ началось 2 Сентября, 1793 года и продолжалось нѣсколько дней. Мы, помѣстивъ въ этомъ сочиненіи описаніе торжествованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, какъ образецъ тогдашнихъ празднествъ, скажемъ только, что описанія мирнаго торжества въ 1793 году и встрѣчи пословъ при Дубоссарахъ, любопытные могутъ найти въ соч. Г. Колотова, Дѣянія Импер. Екатерины II, часть IV.

67. Этотъ актъ, какъ и слѣдующіе заникъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, какъ свидѣтельство тогдашней политики нашего двора въ отношеніи къ Швеціи и обратно.

68. Записка подана была 16 Іюня 1788 года.

69. Въ нѣсколькихъ N. N. Санктпетербургскихъ вѣдомостей 1788 года напечатаны »Примѣчанія и Историческія объясненія« какъ на это объявленіе Шведскаго двора, такъ и на ноту сообщенную 1 Іюля 1788 г. Вице-Канцлеру Графу Остерману Секретаремъ Шведскаго Посольства Шлафомъ. Эти »примѣчанія« какъ кажется, были изданы въ тоже время особою книжкою. Къ сожалѣнію, (потому что они очень любопытны) мы не можемъ помѣстить ихъ, какъ по ихъ обширности, такъ и по другимъ причинамъ.

q. a. b., кромѣ крѣпости Орсовы, уступленной Австріи (срыпою). 2) Хотинъ остается до заключенія мира съ Россіею во владѣніи Австріи.

63. Письмо къ Принцу де Линь отъ 6 Ноября 1790.

64. *См. Словарь дост. люд. Русск. земли томъ IV, стр. 303.*

65. Въ день мирнаго торжества съ Оттоманскою Портою, (1793) Императрица Екатерина повелѣла »въ память Потемкина заготовить граммоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ тогожъ города помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль.« Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склепу, обитомъ чернымъ бархатомъ и находящемся подъ олтаремъ Соборной Церкви воздвигнутаго имъ Херсона. Входъ въ этотъ склепъ былъ задѣланъ въ Государствованіе Императора Павла I. Увѣряютъ, будто и остатки Потемкина оттуда перенесены были въ другое мѣсто. *Слов. дост. люд. Р. З. Томъ IV. стр. 222.*

Нынѣ Потемкину-Таврическому воздвигнутъ памятникъ.

66. Во исполненіе X статьи договора взаимно отправлены были въ 1793 г. отъ обѣихъ державъ чрезвычайныя посольства. Изъ Россіи поѣхалъ Генералъ-Поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ. Отъ Порты при-

что если онъ не сниметъ осады Готтенбурга и не возвратится въ Датскія владѣнія, то Англія задержитъ Датскіе корабли, пришлетъ флотъ и истребитъ Кроненбургъ. Англійскій Министръ объявилъ это, не получа предписанія отъ своего двора; но объявленіе его было одобрено и впослѣдствіи подтверждено.

73. Въ Петербургѣ въ 1788 году были напечатаны въ газетахъ слѣдующія статьи:

Соединеніе Финской арміи отъ 13 Августа.

Что армія собравшаяся здѣсь для защищенія предѣловъ Государства отъ мнимаго со стороны непріятелей нападенія, въ слѣдствіе Королевскихъ повелѣній за оныя перешедъ, приступила къ Фридрихсгаму, сіе произшествіе признавать должно слѣдствіемъ какъ образа Правленія, по которому предоставлено Королю право предводительствовать арміею, такъ и воинскихъ узаконеній нашихъ, не позволяющихъ намъ изслѣдовать, сколь далеко повиновеніе простираться долженствуетъ. Но когда будучи подъ стѣнами Фридрихсгама, усмотрѣли мы въ распоряженіяхъ Россійскихъ начальниковъ одни только оборонительныя мѣры, то удостовѣрились очевидно, что нападеніе учинено со стороны Шведской націи.

Но какъ съ одной стороны нужно намъ сохранить святость образа Правленія, въ которомъ учинили мы присягу, и по коему предоставлено націи право разсматривать, нужна ли или не нужна наступательная война; а съ другой яко военнослужащіе обязаны мы

70. Графъ Разумовскій, вмѣсто 7 дней, назначенныхъ ему Королемъ Шведскимъ, пробылъ въ Стокгольмѣ три недѣли. 8 Августа Королевскій Церемоніймейстеръ Бедаоръ прочиталъ ему слѣдующее объявленіе: »По имянному Его Величества повелѣнію долженъ я увѣдомить Его Сіятельство Графа Разумовскаго, что буде по прошествіи трехъ сутокъ, считая отъ сего числа, не отправится онъ на галерѣ, опредѣленной для выпровожденія его изъ Королевства, что въ его домѣ поставленъ будетъ караулъ, для пресѣченія всякого сообщенія между нимъ и Королевскими подданными, въ разсужденіи того, что онъ изъ такаго Государства, которое нынѣ, съ Швеціею въ войнѣ.

71. Въ слободѣ, добровольно представившей рекрутъ Екатерина повелѣла воздвигнуть памятникъ, и по нынѣ существующій.

72. Датчане перешли черезъ Фридрихсгалъ гдѣ убитъ Король Карлъ XII, взяли Удеваллу и осадили Готтенбургъ. Густавъ, боясь чтобы крѣпость не сдалась, послалъ туда подкрѣпленіе, а самъ съ однимъ адъютантомъ отправился въ Далекарлію, увѣщевалъ тамошнихъ жителей вооружиться на защиту отечества, какъ это было при Густавѣ-Вазѣ, и успѣлъ уговорить Далекарлійцевъ. Послѣ этого пробрался тайно, въ крестьянскомъ плащѣ, въ Готтенбургъ и своимъ присутствіемъ ободрилъ осажденныхъ.

Мея ... Министръ при Копенгагенско... ...илъ Принцу Гессенскому,

лишены, не получая какого либо съ честію ихъ согласнаго возмездія, и сражаются противъ воли своей, съ народомъ желающимъ по ихъ удостовѣренію быть съ ними въ дружбѣ. Съ избыткомъ умножились въ войскахъ неудовольствіе и уныніе отъ обвѣтшалой ихъ одежды, совершеннаго въ припасахъ недостатка, отъ затрудненія въ полученіи провіанта, которое примѣчено отъ невыдачи имъ онаго въ назначенный день. Правда, надѣемся мы, находящимся на границѣ отрядомъ войскъ нашихъ видѣть оную достаточно обезпеченную, да и готовы на случай всякаго нападенія, защищать ее до послѣдней капли крови: но послѣ полученнаго изъ разныхъ сторонъ непріятнаго извѣстія, что Россійскій флотъ несравненно сильнѣе нашего, разъѣзжаетъ предъ Свеаборгомъ, и что оный въ виду флота и войскъ нашихъ отнялъ и сжегъ у насъ корабль и что сіе несчастіе видимо было со стѣнъ одной изъ знатнѣйшихъ въ Государствѣ крѣпостей, должны мы вѣрить тому, что Шеры Государства со всѣхъ сторонъ отверзты огню и мечу, и въ отчаяніи мыслимъ что не намъ и оружію нашему, но единственно человѣколюбію Россійскаго народа обязаны мы благодарностію, видя, что отечество наше не предано огню, мечу и разоренію. Мы такъ же ненадежны, въ состояніи ли Полковникъ Баронъ Гастферъ съ корпусомъ своимъ защищать Саволакскую область отъ нападенія со стороны Россійской арміи, а въ случаѣ такомъ, буде онъ силѣ уступить долженъ будетъ, отверста уже вся земля, и единственно на великодушіе и человѣколюбіе побѣдителей должны будемъ тогда возложить наше упованіе.

Уважая потому сіе страшное, но истинное изображеніе, рѣшились мы прибѣгнуть къ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской посредствомъ присемъ слѣдующаго приложенія, и донести Ея Величеству о образѣ мыслей народныхъ. При всей любви къ отечеству и всемъ попеченіи нашемъ о благѣ его, яко главнѣйшихъ должностяхъ нашихъ, обязаны мы были еще вѣрностію и преданностію нашею, въ коихъ учинили Королю присягу, отважиться на сей поступокъ. Нашедъ Его Величество неутѣшнымъ, и примѣтя уныніе окружающихъ его особу, мнили мы, что должностію есть честныхъ Шведовъ открыть путь къ переговорамъ между двумя вѣнчанными главами, и что сіе можетъ съ сохраненіемъ чести народной, удобнѣе всякой другой посторонней Державы произвести въ дѣйство, потому, что виды ея могутъ быть притомъ только частные, а для Государства нашего посторонніе, мы же руководствуемся единственно любовію нашею къ отечеству и вѣрностію къ нашему Королю съ пожертвованіемъ, или покрайней мѣрѣ съ подверженіемъ опасности собственныхъ нашихъ выгодъ.

Въ разсужденіи сего и съ полнымъ надѣяніемъ на Всевышняго Бога живаго, зрящаго непорочность нашихъ намѣреній, клянемся мы Святымъ Его именемъ и честію нашею, что съ пожертвованіемъ жизни и имѣній нашихъ, намѣрены мы стараться упреждать угрожающее отечеству нашему несчастіе; почему мы чрезъ сіе и тою же священною клятвою поставляемъ крѣпкой между нами союзъ и собратство въ томъ видѣ, чтобы другъ другу взаимно пособлять и помогать во

лишены, не получая какого либо съ честію ихъ согласнаго возмездія, и сражаются противъ воли своей, съ народомъ желающимъ по ихъ удостовѣренію быть съ ними въ дружбѣ. Съ избыткомъ умножились въ войскахъ неудовольствіе и уныніе отъ обвѣтшалой ихъ одежды, совершеннаго въ припасахъ недостатка, отъ затрудненія въ полученіи провіанта, которое примѣчено отъ невыдачи имъ онаго въ назначенный день. Правда, надѣемся мы, находящимся на границѣ отрядомъ войскъ нашихъ видѣть оную достаточно обезпеченную, да и готовы на случай великаго нападенія, защищать ее до послѣдней капли крови: но послѣ полученнаго изъ разныхъ сторонъ непріятнаго извѣстія, что Россійскій флотъ несравненно сильнѣе нашего, разъѣзжаетъ кредъ Свеаборгомъ, и что оный въ виду флота и войскъ нашихъ отнялъ и сжегъ у насъ корабль и что сіе несчастіе видимо было со стѣнъ одной изъ знатнѣйшихъ въ Государствѣ крѣпостей, должны мы вѣрить тому, что Шеры Государства со всѣхъ сторонъ отверзты огню и мечу, и въ отчаяніи мыслимъ что не намъ и оружію нашему, но единственно человѣколюбію Россійскаго народа обязаны мы благодарностію, видя, что отечество наше не предано огню, мечу и разоренію. Мы такъ же ненадежны, въ состояніи ли Полковникъ Баронъ Гастферъ съ корпусомъ своимъ защищать Саволакскую область отъ нападенія со стороны Россійской арміи, а въ случаѣ такомъ, буде онъ силѣ уступить долженъ будетъ, отверста уже вся земля, и единственно на великодушіе и человѣколюбіе побѣдителей должны будемъ тогда возложить наше упованіе.

Уважая потому сіе страшное, но истинное изображеніе, рѣшились мы прибѣгнуть къ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской посредствомъ присемъ слѣдующаго приложенія, и донести Ея Величеству о образѣ мыслей народныхъ. При всей любви къ отечеству и всемъ попеченіи нашемъ о благѣ его, яко главнѣйшихъ должностяхъ нашихъ, обязаны мы были еще вѣрностію и преданностію нашею, въ коихъ учинили Королю присягу, отважиться на сей поступокъ. Нашедъ Его Величество неутѣшнымъ, и примѣтя унылые окружающихъ его особу, мнили мы, что должностію есть честныхъ Шведовъ открыть путь къ переговорамъ между двумя вѣнчанными главами, и что сіе можетъ съ сохраненіемъ чести народной, удобнѣе всякой другой посторонней Державы произвести въ дѣйство, потому, что виды ея могутъ быть притомъ только частные, а для Государства нашего посторонніе, мы же руководствуемся единственно любовію нашею къ отечеству и вѣрностію къ нашему Королю съ пожертвованіемъ, или покрайней мѣрѣ съ подверженіемъ опасности собственныхъ нашихъ выгодъ.

Въ разсужденіи сего и съ полнымъ надѣяніемъ на Всевышняго Бога живаго, зрящаго непорочность нашихъ намѣреній, клянемся мы Святымъ Его именемъ и честію нашею, что съ пожертвованіемъ жизни и имѣній нашихъ, намѣрены мы стараться упреждать угрожающее отечеству нашему несчастіе; почему мы чрезъ сіе и тою же священною клятвою поставляемъ крѣпкой между нами союзъ и собратство въ томъ видѣ, чтобы другъ другу взаимно пособлять и помогать во

всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ всеобщая безопасность и въ случаѣ, если Ея Величество Императрица Всероссійская не согласится на сходный съ честію народною миръ, признаемъ съ сего же часа, яко бы тѣмъ самимъ на каждаго изъ насъ особо нападеніе учинено было, а потому и обязаны мы, живые не полагать оружія, доколѣ не возвратятся отечеству миръ, спокойствіе и безопасность. Аула, 15 Августа 1788 года.

Соединеніе Шведской Арміи.

Видя опасность очевидно предстоящую любезному отечеству нашему сколько отъ внутренняго неудовольствія, столько и отъ внѣшнихъ непріятелей, долгъ есть каждаго честнаго согражданина помышлять о спасеніи онаго, хотя бы то было и съ опасностію жизни и имѣнія его.

Въ совершенномъ увѣреніи о сей отечества нашего опасности, и преисполнены будучи искреннѣйшею любовію къ собратіямъ и къ отечеству нашему, отъ котораго съ жизнію дано намъ горячее и къ защищенію онаго готовое сердце, обязаны мы нижеподписавшіеся всѣ единогласно, произвести въ дѣйство и наблюдать все въ нижеслѣдующихъ статьяхъ содержащееся.

1. Непремѣнно настоимъ, чтобъ миръ съ Россіею заключенъ былъ, и для сего не продолжительно того требуемъ.

2. Чтобы Государственные чины наискорѣе созваны были.

3. Мы всѣ ручаемся въ ихъ правахъ, установленнымъ образомъ Правленія.

4. Просимъ, чтобъ приложено было стараніе о заключеніи перемирія, для пресѣченія посредствомъ онаго всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій, наипаче же для того, что симъ только способомъ новая съ Даніею война и опустошенія на берегахъ Шведскихъ непріятельскимъ флотомъ чинимыя, отвращены быть могутъ.

5. Просимъ о возвращеніи армій въ обыкновенныя ея мѣста и земли, пока еще годовое время не представило въ томъ затрудненій, или же невозможности.

6. Законному защищенію Государства жертвуемъ мы всѣмъ, не щадя послѣдней капли крови. При семъ объявляемъ, что нѣтъ нашего намѣренія вмѣшиваться въ другія до Правительства касающіяся дѣла, ниже въ произведеніе перемѣнъ, испровергающихъ престолъ, и часто при пролитіи крови и раздраженіи, клонящихся болѣе къ частному мщенію или частнымъ выгодамъ, нежели къ общему благу.

Намѣреніе наше состоитъ въ томъ: *чтобъ возвратить закону его силу; Королю законами связанную власть его; чинамъ ненарушенныя ихъ права, намъ же самимъ всѣмъ вообще, вольность, честь и права съ наблюденіемъ строжайшаго къ законамъ повиновенія.*

Мы потому ни подъ какимъ видомъ не приемъ на себя разсматривать дѣяній, какія бы онѣ ни были, или же дѣлать насиліе кому либо изъ нашихъ соотчичей, дабы кровь ихъ не обратилась на главы наши, и чтобъ доказать, что нужда, а не какое либо несогласіе, или же ядовитые и вредные умыслы къ личной пользѣ, вселили въ насъ вольной и миролюбивой духъ.

Для совершенія сего дѣла призываемъ мы на помощь Всевышняго, въ упованіи на непорочность нашего намѣренія, коимъ соединяется совершенно благоговѣніе наше къ дрожайшему для насъ Королевскому дому съ ревностнымъ и усерднымъ попеченіемъ нашимъ о благѣ общемъ.

Безчестенъ изъ насъ да будетъ тотъ, кто отъ сего намѣренія отступитъ и да будетъ поношеніемъ имя того, который разрушитъ сіе во имя Троицы составленное и чрезъ сіе утвержденное собратство, въ которомъ истинно желаемъ, да поможетъ намъ Богъ душевно и тѣлесно.

Начало настоящей войны столь извѣстно, что излишно было бы на ономъ остановиться. Съ радостію увѣдомились мы, что Шведскіе собратія наши съ ихъ арміею имѣютъ равныя мысли въ разсужденіи сего предмета. По поводу чего и послѣ неудачи въ предпріятіи, въ которомъ оказался съ нашей стороны недостатокъ въ способахъ къ полученію всякаго вспоможенія и въ хорошихъ распоряженіяхъ, начали мы размышлять о положеніи, въ которомъ находятся

Король и отечество. Печальное размышленіе! положеніе сіе къ сожалѣнію столько извѣстно, что мы о немъ болѣе распространяться не намѣрены.

Поелику мы, яко воины, повиновались по сіе время даннымъ намъ повелѣніямъ, то равнымъ образомъ яко сограждане, разсуждали о способахъ, могущихъ отвратишь возстающую надъ отечествомъ нашимъ бурю. Изъ отвѣта Его Королевскаго Величества на всеподданнѣйшія представленія наши, удостовѣрены мы, что Его Величество не изволитъ въ семъ случаѣ съ нами согласоваться. Намъ потому надлежало помышлять о другихъ средствахъ, и мы думали избрать лучшее доставленіемъ особамъ представляющимъ народъ, случая къ переговорамъ о мирѣ, не доводя притомъ Короля до необходимости поступить на первый шагъ, котораго онъ, по нашему мнѣнію, не можетъ учинить безъ оскорбленія достоинства своего.

Для достиженія всѣхъ сихъ предметовъ желали мы узнать, посредствомъ записки, отправленной на имя Ея Величества Императрицы Всероссійской, должно ли намъ Россійскую націю, на которую не имѣемъ никогда намѣренія нападать, почитать пріятелемъ или непріятелемъ, потому, что въ первомъ случаѣ употребимъ все возможное къ возстановленію спокойствія, въ послѣднемъ же случаѣ какъ мы увѣряли, готовы мы защищать Короля и отечество душею и тѣломъ, какъ внутри, такъ и внѣ границъ Государства.

Тѣмъ наипаче почитали мы себя обязанными поступить на сей шагъ, что не оставалось намъ другаго средства къ полученію основательнаго свѣденія о прямомъ положеніи дѣла и о законности, такъ какъ и о надобности войны, свѣденіе необходимо нужное для народа, рожденнаго въ вольности, и безъ котораго онъ подобенъ бы былъ презрительнымъ орудіямъ, и былъ бы въ не состояніи доставлять пользу, которую по справедливости отъ истинной и въ душѣ впечатлѣнной храбрости ожидать надлежитъ.

Мы получили нынѣ отвѣтъ Ея Императорскаго Величества, въ которомъ Она объявляетъ, что никогда намѣренія не имѣла воспріимать оружія противу Швеціи; что она склонна къ возстановленію мира съ такою націею, къ коей имѣетъ особливое уваженіе, что въ доказательство онаго немедлѣнно по прибытіи присыланнаго къ Ея Величеству отъ насъ, повелѣть Она изволила войскамъ Своимъ остановить всѣ непріятельскія дѣйствія; что напротивъ того требуетъ выхода нашихъ войскъ изъ Ея земель, и что не надѣясь видѣть Его Королевское Величество склоннымъ къ миру сему, соглашается надлежащимъ образомъ условиться о семъ дѣлѣ съ собраніемъ Шведскую націю представляющимъ.

Сей Ея Императорскаго Величества отвѣтъ, представляемъ мы для свѣденія Его Королевскому Величеству со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, дабы собравъ всѣхъ Государственныхъ чиновъ, и получа мнѣнія сихъ истинныхъ и вѣрныхъ его совѣтниковъ, благоволилъ

возстановить паки въ Государствѣ миръ и спокойствіе.«

74. *См. Собраніе реляцій, издан. въ Москвѣ 1791 г. часть. 2.*

75. *Тамъ же.*

76. *Тамъ же.* Это подлинныя слова реляціи напечатанной Іюня 4.

77. *Тамъ же.*

78. Принцъ Нассау, донося Императрицѣ объ этомъ несчастномъ сраженіи, слагалъ съ себя званіе, чины и ордена; но получилъ отъ Екатерины Великой слѣдующее собственноручное письмо: »Я не забыла, что вы сей разъ были побѣдителемъ на Югѣ и на Сѣверѣ. Сей же разъ была буря, которая противоборствовала вашему предпріятію и которая обычна человѣку, находящемуся въ морской службѣ. Вы Мнѣ служили, еще служите и впредь будете служить, дабы уронъ сей наградить. Въ надеждѣ чего оканчиваю мое письмо.«

79. Миръ съ Швеціею праздновалъ былъ 15 Августа. Описаніе этого празднества помѣщено въ соч. Г. Колотова въ IV томѣ.

80. Данцигъ составлялъ постоянную цѣль домогательствъ Пруссіи со времени перваго раздѣла Польши. Различныя угнѣтенія, которымъ онъ подвергался отъ Фридриха II, помрачаютъ славу этого великаго Монарха.

81. Этотъ актъ вполнѣ напечатанъ въ соч. Г. Колотова, Д. И. Е. II, въ 5-й части.

82. Главнѣйшія происшествія и весь ходъ Польской войны отмѣчены въ »хронологическомъ указателѣ,« приложенномъ къ 5-й части этой Исторіи.

83. Еще въ началѣ Іюня мѣсяца, послѣ разбитія Польскихъ войскъ при Городищѣ, главнокомандовавшій ими Князь Понятовскій присылалъ къ командовавшему Украинскимъ корпусомъ нашихъ войскъ Генералу Каховскому просить перемирія на четыре недѣли. На это Генералъ, командовавшій нашими войсками, рѣшительно отвѣтствовалъ, »что ни онъ, ни другіе Генералы не уполномочены входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками; и что Русскія войска будутъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ существовать хотя самомалѣйшая партія противящихся Тарговичской конфедераціи и великодушнымъ намѣреніямъ Императрицы Всероссійской; что перемирія ни теперь и никогда впередъ дано небудетъ; и что единственное средство, могущее спасти мятежниковъ отъ пораженія есть — отрѣченіе отъ конституціи 1791 года Мая 3 и безусловное присоединеніе къ Тарговичской конфедераціи.«

84. Признаны ничтожными патенты только на »ордена.« А какъ въ Польшѣ кромѣ орденовъ Бѣлаго Орла и Станислава не было другихъ; то »*военные знаки почестей*« установленные послѣ 3 Мая 1791 года, по толкованію Польскихъ »патріотовъ« не подходили подъ опредѣленіе Сейма. О важныхъ послѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ такой неопредѣленности, или двусмысленности, упомянуто въ слѣдующей XLV главѣ.

85. Образъ представленія Польскихъ делегатовъ и рѣчи, говоренныя ими, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Всякій можетъ видѣть какое вліяніе имѣла тогда Россія на Польшу. Мы помѣщаемъ »описаніе представленія Польскихъ делегатовъ ко Двору Санктпетербургскому и рѣчи ими говоренныя »въ томъ видѣ какъ все это было напечатано въ тогдашнихъ Русскихъ газетахъ и повторено въ иностранныхъ:

»По прибытіи отправленныхъ къ нашему Двору отъ генеральной конфедераціи Депутатовъ, въ день назначенный для аудіенціи, 3 Ноября, отправленъ къ нимъ былъ около полудня за Церемоніймейстера Камеръ-Юнкеръ Князь Кольцовъ-Масальскій съ пятью дворцовыми цуговыми каретами, и по пріѣздѣ въ домъ, гдѣ на то время всѣ депутаты находились, онъ встрѣченъ ими въ передней комнатѣ, и вошедъ всѣ въ парадные покои, пригласили Церемоніймейстера *сѣсть* въ первое мѣсто. По выѣздѣ къ аудіенціи наблюдаемъ былъ слѣдующій порядокъ:

1) Въ переди ѣхали четыре конюха верьхами.

2) За ними 12 лакѣевъ по два въ рядъ пѣшіе.

3) Первая карета, въ которой сидѣли два старшіе депутата и напротивъ ихъ Церемоніймейстеръ.

4) Четыре кареты одна за другою, въ которыхъ сидѣли прочіе депутаты.

5) По сторонамъ каждой карет[illegible] ка пѣшіе, а съ боку первой ѣх[illegible] ный офицеръ.

По въѣздѣ депутатовъ предписаннымъ порядкомъ внутрь двора, караулъ Лейбъ Гвардіи вступилъ въ ружье, держа оное у ноги, а по выходѣ изъ каретъ, два Гофъ-Фурьера провожали ихъ чрезъ парадное крыльцо. Въ первой прихожей встрѣтилъ ихъ Камеръ-Юнкеръ, въ галлереѣ Оберъ-Церемоніймейстеръ, а Гофмаршалъ Князь Барятинскій у дверей камеры ожиданія, въ которой всѣ остались.

По донесеніи Ея Императорскому Величеству о пріѣздѣ депутатовъ, и по полученіи Высочайшаго повелѣнія о допущеніи ихъ къ аудіенціи, провожаемы были къ оной слѣдующимъ порядкомъ:

Въ переди шли Церемоніймейстеръ и Камеръ-Юнкеръ, потомъ делегаты, имѣя Гофмаршала по правую, а Оберъ-Церемоніймейстера по лѣвую сторону. Въ предъ-аудіенцъ-каморѣ принялъ ихъ Оберъ-Гофмаршалъ, а при входѣ въ аудіенцъ-камору Оберъ Егермейстеръ, и всѣ означенныя особы вошли въ аудіенцъ-камору.

Двери какъ въ аудіенцъ - камору, такъ и всѣхъ тѣхъ покоевъ, въ которые депутаты входили, были прежде отворены, а стоявшіе у оныхъ часовые, кромѣ Кавалергардовъ, отдавали имъ честь.

Ея Императорское Величество изволила ихъ допустить предъ Себя, сидя въ креслахъ на Тронѣ. Подлѣ креселъ Ея Величества съ правой стороны положены были на столѣ Императорскія регаліи. Въ аудіенцъ-каморѣ въ то время находились Штатсъ Дамы, Фрей-

лины, первыхъ четырехъ классовъ обоего пола особы и придворные Кавалеры. За креслами Ея Императорскаго Величества стояли: Оберъ-Гофмейстеръ и Гофмейстеръ; съ правой стороны на первой ступени Трона Вице Канцлеръ, а съ лѣвой дежурный Генералъ-Адьютантъ. Господа депутаты введены были всѣми ихъ встрѣтившими особами въ аудіенцъ-камеру, и по учиненіи обыкновенныхъ трехъ поклоновъ старшій изъ депутатовъ Графъ Браницкій говорилъ Ея Императорскому Величеству на Польскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

»Посланные отъ народа, прежде по существу своего Правленія, а нынѣ сильною Вашего Императорскаго Величества помощію вольнаго, приносимъ мы къ подножію Престола Вашего жертву благодарности нашихъ согражданъ за возстановленіе нашего древняго Правленія Республиканскаго.«

»Каждый Полякъ чувствуетъ это, и за то, что еще воленъ, и что еще Полякъ, одолженъ онъ единственно великодушію Вашего Императорскаго Величества. Съ собственною бодростію и съ единою своею доблестію принужденъ бы онъ былъ уступать пронырствамъ во все чуждымъ національному его свойству, если-бъ пагуба его умышлена была въ иномъ вѣкѣ, а не въ томъ, котораго славнѣйшую эпоху составитъ государствованіе Великія Екатерины.«

»Въ позднѣйшія времяна сіе безсмертное Имя будетъ для Поляковъ знакомъ вольности, такъ какъ оно нынѣ есть основаніемъ славы и благоденствія Вашея Имперіи, и отдаленнѣйшихъ странъ обитатель, повѣдая

своимъ удивленнымъ правнукамъ о знаменитыхъ дѣяніяхъ царствованія Вашего Величества, съ восторгомъ примолвитъ: Сея то Монархини десница возстановляла Царей и купно возвращала вольность народамъ.«

»Уже беззаконнымъ самовластіемъ похищенъ былъ престолъ, по разрушеніи преграды, положенной мудростію и хранимой доблестію нашихъ предковъ. Уже Полякъ, удрученный бременемъ угнетающей силы предъ идоломъ невѣдомымъ въ его отечествѣ, преклонялъ не гибкія свои колѣна и съ отчаяніемъ взиралъ на оковы, уготованные его позднѣйшему потомству. Богъ и Екатерина на него воззрѣли, привидѣніе изчезло, злоумышленники скрылись, а Полякъ ставъ паки подобенъ своимъ предкамъ, воздѣлъ руки на небо, очи же, точащія благодарности слезы, возвелъ къ своей Избавительницѣ.«

»О когда бы Польша съ возвращеніемъ своей вольности достигла прочнаго благополучія! она сего желаетъ и не усматриваетъ индѣ, какъ въ вѣчномъ союзѣ съ тою Имперіею, которую Всевышній Промыслъ ввѣрилъ правленію Вашего Величества. А усерднѣйшія желанія нашей націи, и на ихъ успѣхѣ основываетъ она свой жребій, покой и благоденствіе.«

»Мы же вмѣняемъ себѣ за неизрѣченную честь быть истолкователями чувствованій согражданъ нашихъ предъ тою Монархинею, коей воздавать почтеніе и Вѣнценосцы поставляютъ себѣ за славу.«

По окончаніи сей рѣчи Графъ Браницкій поднесъ Ея Императорскому Величеству кредитивную объ нихъ отъ генеральной конфедераціи Свѣтлѣйшей Республики Польской грамоту, которую изъ рукъ Ея Величества принявъ Вице-Канцлеръ, положилъ на столъ къ регаліямъ, и получа отъ Ея Императорскаго Величества повелѣніе, отвѣтствовалъ Высочайшимъ Ея Именемъ на Россійскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ:

»Государыня Императрица съ особливымъ удовольствіемъ пріемлетъ изъясненіе искреннихъ къ Ней чувствованій вольнаго, дружескаго и сосѣдственнаго народа. Ея Величество обрѣтаетъ въ оныхъ пріятную мзду подъятыхъ Ею трудовъ и подвиговъ въ защиту истинныхъ сыновъ Яснѣйшей Рѣчи Посполитой Польской и возстановленіе древней ея вольности и независимости. Посланіе толь торжественной Депутаціи свидѣтельствовать будетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ какъ о непрестанномъ попеченіи Ея Величества о существительномъ благѣ народа Польскаго, такъ и о признательности сего къ оказуемымъ ему сосѣдственнымъ и дружескимъ пособіямъ, поставляя непремѣннымъ правиломъ преподавать ему и въ будущихъ случаяхъ несомнѣнные опыты таковыхъ же расположеній. Ея Имраторское Величество съ не меньшимъ удовольствіемъ внимать изволитъ изъявляемому Ей нынѣ именемъ Яснѣйшей Рѣчи Посполитой желанію вящше утвердить тѣснымъ союзомъ узы дружбы и добраго согласія между обоими Государствами, и въ слѣдствіе того повелѣваетъ мнѣ обнадежить знаменитую де-

пупацію о взаимности Ея расположеній къ толь естественному соединенію и объявить Ей вообще и каждому члену ея особенное Высочайшее свое Монаршее благоволеніе.«

По выслушаніи отъ Ея Императорскаго Величества отвѣта, Депутаты допущены были къ рукѣ Ея Императорскаго Величества.

Отходя отъ Трона депутаты паки отдали три поклона, и препровождены Гофмаршаломъ до половины той камеры, гдѣ стояли Кавалергарды, а Камеръ-Юнкеромъ до дверей оной.

Потомъ Оберъ - Церемоніймейстеръ и Церемоніймейстеръ провожали депутатовъ на аудіенцію къ Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу, наслѣднику Всероссійскаго престола, Павлу Петровичу. Въ анти - камерѣ встрѣтилъ ихъ дежурный Камеръ - Юнкеръ, по входѣ ихъ въ аудіенцъ-камеру и по учиненіи трехъ обыкновенныхъ поклоновъ, Графъ Браницкій говорилъ Его Императорскому Высочеству на Польскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь.

»Республика Польская во славу вмѣняетъ себѣ признать, что возстановленіемъ древнихъ своихъ преимуществъ обязаны великодушной помощи Ея Императорскаго Величества. Преисполненная чувствительнѣйшей благодарности къ сей Великой Государынѣ почитаетъ она себѣ долгомъ засвидѣтельствовать оную и Августѣйшей Ея Фамиліи. Вы Всемилостивѣй-

шій Государь первый, изъ сего колѣна, долженствующаго содѣлывать благоденствіе преобширной Имперіи, съ которою вѣчный союзъ есть предметомъ ревностнѣйшихъ нашихъ желаній. То, чѣмъ нынѣ обязаны Великой Екатеринѣ, предвѣщаетъ намъ, что преславное Ея Потомство будетъ въ грядущія времена обезпечивать вольность и благополучіе Польши.«

По окончаніи сей рѣчи отвѣтствовалъ на оную именемъ Его Императорскаго Высочества дежурный Каммергеръ, Тайный Совѣтникъ Князь Несвицкій на Россійскомъ языкѣ слѣдующее:

»Польская нація можетъ быть увѣрена, что Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ принимаетъ искреннее участіе въ успѣхѣ употребленныхъ ею усилій къ возстановленію драгоцѣнныхъ своихъ преимуществъ подъ содѣйствіемъ и покровительствомъ Ея Императорскаго Величества. Вы, яко истолкователи ея признательности къ Государынѣ Императрицѣ можете равномѣрно засвидѣтельствовать сей націи и Его къ ней расположеніе, увѣряя ее, что Его Императорскому Высочеству пріятно будетъ видѣть ея постоянно пользующеюся новымъ своимъ благоденствіемъ.«

По окончаніи сего господа депутаты сдѣлавъ паки обыкновенныхъ три поклона, провождены были на аудіенцію къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. И Графъ Браницкій говорилъ Ея Величеству на Польскомъ языкѣ рѣчь слѣдующаго содержанія:

»Ваше Императорское Высочество по свойству съ Великою Государынею, которой помощь мы ощутили, долженствуете по справедливости раздѣлять благодарность Польской націи. Имя Ваше любезное въ нашей землѣ съ того времяни, какъ Вы оную удостоили Своимъ посѣщеніемъ, не иначе тамъ произносится, какъ съ живѣйшимъ чувствованіемъ благоговѣнія. Удостойте Всемилостивѣйшая Государыня нашъ народъ продолженіемъ того благоволенія, коего почитаетъ онъ себя не недостойнымъ.«

На оную рѣчь именемъ Ея Императорскаго Высочества отвѣтствовалъ дежурный Каммергеръ Тайный Совѣтникъ Чертковъ на Россійскомъ языкѣ слѣдующее:

»Изъявленныя теперь Государынѣ Великой Княгинѣ чувствованія націи Польской не могутъ Ея Императорскому Высочеству быть непріятны. Всегдашнему Ея Высочества къ сей націи благорасположенію отдадите вы полную справедливость, ежели удостовѣрите соотчичей вашихъ въ томъ удовольствіи, съ коимъ видитъ Ея Высочество новоутверждающуюся независимость и вольность вашу подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.«

По окончаніи отвѣта депутаты допущены были къ рукѣ Ея Императорскаго Высочества.

Потомъ провожаемы были Оберъ Церемоніймейстеромъ и Церемоніймейстеромъ къ Великому Князю Александру Павловичу на аудіенцію, и Графъ Браницкій говорилъ на Польскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

»Удостойте Милостивѣйшій Государь благосклонно принять чувствованія и обѣты Поляковъ, которые помощію Ея Императорскаго Величества стали вольными и благополучными, и хотя утвердить свое благополучіе вѣчнымъ союзомъ съ Имперіею, надъ коею Она владычествуетъ, желаютъ, чтобъ ихъ потомки обрѣли нѣкогда въ Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ образъ безсмертной Екатерины. Сіи желанія Милостивѣйшій Государь, судя потому, что мы отъ всюду слышимъ, превращаются въ лестную для насъ надежду.«

На оную рѣчь самъ Его Императорское Высочество изволилъ отвѣтствовать слѣдующее:

»Благоволеніе Ея Императорскаго Величества къ Польской націи, которому Я былъ свидѣтелемъ съ нѣжныхъ лѣтъ Моихъ, побуждаетъ Меня принимать искреннее участіе въ ея благоденствіи. Я съ удовольствіемъ поздравляю ее съ тѣми успѣхами, кои пріобрѣла она содѣйствіемъ и покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.«

Потомъ имѣли они аудіенцію у Государя Великаго Князя Константина Павловича, причемъ Графъ Браницкій говорилъ на Польскомъ же языкѣ слѣдующее:«

»Мы свидѣтельствуемъ Вашему Императорскому Высочеству почтеніе, должное внуку той Государыни, Которой мы всѣмъ одолжены, потому, что Ей одолжены вольностію:«

На оную рѣчь Его Высочество самъ отвѣтствовать изволилъ слѣдующее:

»Извѣщеніе о пріобрѣтеніи паки Польскою націею своего благосостоянія тѣмъ для Меня пріятнѣе, что считаетъ она себя одолженною содѣйствію и покровительству Ея Императорскаго Величества.»

На аудіенціи у Государыни Великой Княжны Александры Павловны, говорилъ Графъ Браницкій рѣчь на Польскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

»Благоволите Ваше Императорское Высочество принять изъявленіе тѣхъ чувствованій, кои Поляки въ самые отдаленнѣйшіе вѣки будутъ себѣ поставлять во славу сохранить къ крови Великой Государыни, которой они обязаны своею вольностію и благополучіемъ.«

»На сію рѣчь изволила Ея Императорское Высочество сама отвѣтствовать:

»Благодѣянія, коими Польская нація почитаетъ себя обязанною Ея Императорскому Величеству, побуждаетъ Меня принимать искреннее участіе въ настоящемъ ея благоденствіи.»

Потомъ депутаты были у Государыни Великой Княжны Елены Павловны на аудіенціи, при которой Графъ Браницкій говорилъ слѣдующую рѣчь:

»Отъ имяни вольнаго и благодарнаго народа приходимъ мы къ Особѣ Вашего Императорскаго Высочества почтить кровь нашей избавительницы.«

На оную рѣчь изволила Ея Императорское Высочество Сама отвѣтствовать:

»Я съ удовольствіемъ поздравляю Польскую націю съ такимъ произшествіемъ, коимъ возстановляется и обезпечивается ея благополучіе.«

По окончаніи сихъ аудіенцій Оберъ-Церемониймейстеръ проводилъ депутатовъ до галлереи, а Церемониймейстеръ отвезъ ихъ вышесказаннымъ порядкомъ въ домъ ихъ.

При отъѣздѣ депутатовъ Дворцовый караулъ Лейбъ-Гвардіи становился паки въ ружье и отдалъ имъ честь ружьемъ, а Офицеры снятіемъ шляпъ.

86. Графъ Сиверсъ замѣнилъ Якова Ивановича Булгакова.

Авторъ Словаря достопамятныхъ людей Русской земли Г. Бантышъ-Каменскій говоритъ (Ч. I. стр. 219), что »въ то время, какъ Яковъ Ивановичь старался кроткими мѣрами водворять въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, онъ вынужденъ былъ Княземъ Зубовымъ просить у Двора отзыва своего. Кровавыя произшествія 1794 года доказали сколько Булгаковъ зналъ Польшу и Поляковъ,«

87. Въ началѣ 1795 года былъ заключенъ союзный договоръ между Римскимъ Императоромъ и Королемъ Великобританскимъ въ VIII статьяхъ и двухъ сепаратныхъ артикулахъ. Во второмъ сепаратномъ артикулѣ сказано было »что Ихъ Величества Императоръ

и Король условились пригласить Императрицу Россійскую къ принятію участія въ этомъ договорѣ и тѣмъ составить систему тайнаго союза, имѣющаго цѣлію возстановленіе и сохраненіе на будущія времена мира и общаго спокойствія въ Европѣ.«

Вслѣдствіе этого $\frac{7}{18}$ Февраля 1795 года былъ заключенъ союзный и оборонительный договоръ между Россіею и Англіею на 8 лѣтъ, въ XXIII статьяхъ. Уполномоченными были Вице Канцлеръ Графъ Остерманъ, Графъ Безбородко, Тайный Совѣтникъ Морковъ и чрезвычайный посланникъ отъ Лондонскаго Двора Карлъ Витвортъ.

88. См. выше примѣч. 86.

89. Jeckel въ сочиненіи своемъ Polens Staatsveränderung und letzte Verfassung (Wien. 1803) говоритъ, что въ Польшѣ, гдѣ находились Русскія войска, этотъ универсалъ имѣлъ свою силу. Но въ другихъ Государствахъ (т: е: почти въ одной Франціи, гдѣ только и терпѣли буйныхъ Поляковъ) повелѣніе Короля Станислава Августа осталось »какъ бы незамѣченнымъ.« Поляки сами звали бѣду себѣ на голову.

90. Такъ думалъ Король и благонамѣренные Поляки. Но совсемъ другаго мнѣнія были »патріоты.« Этотъ универсалъ есть свидѣтельство, каково было тогдашнее состояніе Польши и въ какихъ отношеніяхъ зависимости отъ Россіи находилась она послѣ втораго раздѣла.

91. См. Словарь дост. люд. Рус. земли Г. Бантышъ-Каменскаго, ч. 2. стр. 416. Впрочемъ, едвали можно допустить такую оплошность со стороны Русскаго Посланника бывшаго въ Польшѣ послѣ Стакельберга, Булгакова и Сиверса. Какимъ же образомъ нарочные попадались въ руки заговорщиковъ? Какъ столь важное обстоятельство могло быть скрыто? И кто же были эти возвращавшіеся въ Варшаву? Не ужели Поляки, принадлежавшіе къ числу заговорщиковъ?

92. См. Обозрѣніе Царствованія и свойствъ Екатерины Великія, соч. П. Сумарокова. Ч. 3. стр. 161.

О Польскихъ происшествіяхъ 1794 года см. Versuch einer Geschichte der letzten Polnischen Insurrection, vom Jahr 1794. 2 Th. 1796.—И еще Mémoires sur la révolution de Pologne, trouvés à Berlin. Paris 1806. Тутъ находится и донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ отъ Генерала Пистора.

Генералъ-Квартирмейстеръ Писторъ доносилъ, что въ Варшавѣ изъ 7948 чел. нашихъ погибло 2265; тяжело ранено 122; въ плѣнъ взято 1764.

О происшествіяхъ случившихся въ тоже время въ Вильнѣ, напечатана прекрасная статья, соч. Генер. Тучкова, въ Библіотекѣ для Чтенія 1835 года, Т. XIII, Окт.

93. См. соч. П. Сумарокова Ч. 3. стр. 166.

94. Герцогъ Курляндскій Петръ, (старшій сынъ Эрнста Бирона, бывшаго Регентомъ Россійской Имперіи по смерти Императрицы Анны Іоанновны), вступилъ

на престолъ 14 Ноября 1769 года, еще при жизни отца, добровольно сложившаго съ себя достоинство Герцога. По отреченіи отъ правъ своихъ, Петръ Бировъ удалился въ Герцогство Саганское, въ Силезіи. Умеръ 13 Января 1800 года.

Въ Курляндію Генералъ-Губернаторомъ назначенъ былъ Баронъ (впослѣдствіи Графъ) Петръ Алексѣевичь Паленъ. По народной переписи жителей въ Курляндіи, Семигаліи и Пильтенѣ оказалось 404,266 человѣкъ.

95. Станиславъ Понятовскій скончался 1798 г. Февраля 2, отъ роду 66 лѣтъ и 26 дней; тѣло его погребено въ Санктпетербургѣ въ Римско-Католической церкви Св. Екатерины.

Границы Литовскія показаны въ Манифестѣ такъ »начиная отъ предѣловъ Волынской Губерніи внизъ по теченію рѣки Буга до Бреста-Литовскаго и спускаясь далѣе по теченію сей рѣки до предѣловъ Подляхіи, потомъ простираясь по рубежамъ воеводствъ Брестскаго и Новогрудскаго къ рѣкѣ Немену противъ Гродно, откуда продолжаясь внизъ по сей рѣкѣ до того мѣста, гдѣ правый берегъ сей рѣки входитъ въ области Прусскія и наконецъ слѣдуя по старой границѣ Королевства Прусскаго въ сей странѣ до Полангена и до моря Балтійскаго.« Императрица назначила Генералъ-Губернаторомъ въ Литву Князя Николая Васильевича Репнина.

96. См. во второй части этого сочиненія, стр. 95—104.

97. См. Учрежденіе для управленія губер. главу XXVI, статью 384.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

